

Невоплощенная «Мадона»

А. А. ИЛЮШИН,

доктор филологических наук

1831 годом датируется пушкинский набросок-двустихие (начало ненаписанного стихотворения):

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный...

О чем собирался далее сказать поэт? Какая намечалась тема? Понятно, что безупречно-доказательного ответа на этот вопрос быть не может, но, с другой стороны, и для гипотез, и для фантазий здесь простор, кажется, невелик, а лишь одно предположение сразу напрашивается само собой. Художник, старый мастер, убежденный католик — что же ему еще делать, как не писать Богоматерь, святую деву, проникнувшись экстатической влюбленностью в ее образ! Работает ли он всю жизнь над одной-единственной картиной, или же создает их множество — это уже непредсказуемые детали, а главное в том, что никто, кроме Мадонны, не запечатлевается на его полотне — такова маниакальная к ней приверженность живописца.

Самому Пушкину, впрочем, любезна не *Мадонна*, а *Мадона* — с одним «н» (ср. с «Каменным гостем», где не *донна* Анна, а *дона* Анна), поскольку он более привык не к итальянскому слову *madonna*, а к французскому *madone*: язык-посредник поэту ближе, чем первоисточник. 30 июля 1830 года он написал невесте письмо по-французски, где упомянута понравившаяся ему картина, на которой изображена «une madone blonde» (мадона-блондинка), очень похожая на Наталью Гончарову. Сходный мотив прозвучал в пушкинском сонете «Мадона» («Не множеством картин старинных мастеров...»).

Еще раньше было написано знаменитое стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» Рыцарь избрал пречистую деву дамой своего сердца, влюбленно служит ей и равнодушен ко всем другим женщинам. После смерти он мог бы попасть в ад за свою дерзость («...волочился ... за матушкой Христа»), но Богородица вступилась за него и впустила в рай. Впоследствии поэт переработал и сократил текст этого стихотворения, включив его в «Сцены из рыцарских времен», где миннезингер Франц исполняет песню о бедном рыцаре. В сокращенном варианте текста отсутствует мотив заступничества пресвятой девы за своего рыцаря, зато в «Сценах...» живая женщина за влюбленного в нее и приговоренного к казни Франца, с чьей стороны воздыхания по ней, слишком для него знатной, — тоже своего рода дерзость. Так что дал о себе знать некий закон сохранения сюжетной энергии, компенсации утраченного.

Можно было бы указать и другие подступы Пушкина к теме «Мадоны», но и приведенного материала достаточно для того, чтобы убедиться: эта тема для него значительная, лично-интимно прочувствованная (вплоть до идентификации собственной невесты с образом Мадоны). В стихотворении о бедном рыцаре исчерпывающе сказано о любви земного человека к царице небесной. Может быть, после этого уже не стоило повторяться, обращаясь к тому же сюжету и лишь заменяя рыцаря живописцем? Начав новое стихотворение, Пушкин как бы вспомнил: подобное уже было... И не стал продолжать. Но задачку своим началом задал нам весьма любопытную — вопросов возникает немало.

Один из них — по части версификации. В каком стихотворном размере должно было быть выдержано начатое произведение о живописце? В 1833 году Пушкин вернулся к этому метру, перелагая литовскую балладу А. Мицкевича о трех Будрысах (в пушкинском переводе — «Будрыс и его сыновья»). Это редчайшей разновидности анапестический размер по формуле $A_n 223223$ с женскими клаузулами и стяженностью в одну строку двустопных стихов — характерный польский вариант балладного стиха, более известного в оформлении мужских клаузул («Иванов вечер» В. Скотта — «Замок Смальгольм» В. А. Жуковского). Пушкин в «Будрысе...» строго следует польскому образцу:

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина,
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Заметно не только совпадение метров, но и лексико-синтаксическое соответствие в зачинах ненаписанного стихотворения и баллады «Будрыс...»: в первом случае «Ну, послушайте, дети», во втором

«Дети! седла чините» — фигура обращения к детям и рядом императив. Создается впечатление, что Пушкин осваивал интонацию баллады Мицкевича еще до того, как приступил к ее переводу, в начале стихотворения о живописце. Однако есть и существенное отклонение от польского образца: в первой строке нет внутренней рифмы. «Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы» — здесь «дети» и «годы» не рифмуются, как это будет принято в «Будрысе...» Исправимо ли это несоответствие? Вполне. Достаточно было бы отредактировать текст следующим образом:

Ну, послушайте, дети: жил когда-то на свете
Живописец, католик усердный.

Не правда ли? Кстати, «жил на свете» — это уже готовый «концепт» для стихотворной разработки темы о Богородице: вспомним еще раз, что «жил на свете рыцарь бедный», влюбленный в Нее.

Правда, *дети — на свете* — для Пушкина не совсем точная рифма ввиду несовпадения заударных гласных. *Дети* предпочтительнее рифмуются с *сети, эти, плети, а на свете* — с *в предмете, в совете* и пр. Но с внутренними рифмами подобные «вольности» допустимы (см. в том же «Будрысе...»: «Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда...»). Вообще же редакция отрывка-двустушия была бы неизбежна, если бы Пушкин продолжил стихотворение. Так, он почти наверняка не оставил бы в конце второй строки слова *усердный*, ибо не с чем его будет срифмовать, если уж заботиться о точной рифме и избегать приблизительных созвучий типа *смертный* или *верный*. Скорее всего, слово *усердный* было бы заменено на *примерный*, требующее рифмы *верный*: католик примерный — любви своей верный (к Богородице, разумеется); что-нибудь вроде «Сокровенной мечте своей верный» (возможный четвертый стих катрена).

Версификационные сближения отрывка-двустушия с пушкинскими переводами из Мицкевича на этом не кончаются. Пушкин перевел с польского не только его литовскую балладу, но и украинскую («Czatu» — «Воевода»). В оригинале обе баллады выдержаны в одинаковом размере анапеста, и, казалось бы, переводчик в обоих случаях должен использовать один и тот же — соответствующий — метр. Но случилось иначе. Литовскую балладу Пушкин перевел эквиметрично, анапестом, а украинскую — почему-то четырехстопным хореем, отклонившись от оригинала («Поздно ночью из похода/Воротился воевода»), причем перевел в один и тот же день. Странновато? Но еще любопытнее то, что точно так же между анапестом и хореем Пушкин колебался и за два года до этого, когда начал работу над стихотворением о живописце. В самом деле, первоначальный вариант выглядел так (тоже всего две строки):

Жил-был в прежни времена
Живописец беспримерный —

с колебаниями вокруг эпитета: *богомольный, благоверный*... И лишь затем предпочел анапест, тоже размышляя о вариантах внутри него: «Тише, слушайте, дети», «Ну, послушайте, дети». Столь же своеобразные метания между урегулированно-разностопным анапестом и четырехстопным хореем проявились два года спустя в переводе баллад Мицкевича.

Если «присутствие» Мицкевича в тексте маленького наброска настолько явственно ощутимо, то невольно возникает вопрос: не на польском ли материале предполагалось развивать намечавшуюся тему? Католик — поляк? Право же, нет. К традициям западнославянской иконописи — немецкая школа со старонидерландской примесью — Пушкин не был восприимчив. Идеал красоты в образе Богоматери для него воплощали итальянцы, соотечественники великого Рафаэля. Поэтому естественнее счесть местом предполагаемого действия Италию. Либо же условно-обобщенную католическую страну — без конкретно-опознавательных аллюзий, которыми выявлялся бы тот или иной национальный колорит: неназванный старинный город, мастерская неизвестного художника, склонившего колени перед холстом, с которого взирает МАДОНА...

Березовая горечь штосса

В. Н. КЛЕЩИКОВА

Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.

А. С. Пушкин

Словарные богатства языка почти так же неисчерпаемы, как математическая бесконечность чисел. Но слово не аморфный материал. Поставленная волею творящего субъекта в особые условия, безликая лексема, реализуя свой эстетический потенциал, из «слова-поденщика» превращается в «избранника» поэтической судьбы, призванного сыграть в художественном тексте новую роль, ничего общего не имеющую с сиюминутным функционированием в потоке повседневной речи. Перемалываясь «жерновами» художественного сознания, семантически расчлняясь и синтезируясь, рождается слово-осимвол, которому отныне суждено существовать, «волоча» длинный «шлейф» реминисценций и аллюзий, в окружении своеобразной лингвоэстетической «ауры», могущей быть обогащенной новым «витком сияния».

В последней, незавершенной повести М. Ю. Лермонтова «Штосс» (1841) ореол каламбурных смыслов вынесенного в заглавие слова подчеркнуто мистичен. Незнакомый голос твердит с утра до вечера художнику Лугину: «в Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса (здесь и далее в цитатах разрядка наша.— В. К.), квартира номер 27» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4. С. 322; в дальнейшем цитируется это издание). Поселившись в таинственном доме, Лугин играет в штосс с оживающим в полночь портретом старика, проигрывая привидению клюнгер за клюнгером.

«— Хорошо... я с вами буду играть — я принимаю вызов — я не боюсь — только с условием: я должен знать, с кем играю! Как аша фамилия?

Старичок улыбнулся.

— Я иначе не играю,— проговорил Лугин,— и меж тем дрожащая рука его вытаскивала из колоды очередную карту.

— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.

— Ш т о с? — кто? — У Лугина руки опустились: он испугался». Минная случайность звукового совпадения со словом *штосс* обращенного к герою вопроса способствует нагнетанию мистического ужаса.

Первоначальная храбрость Лугина — храбрость любопытства («Лугин взял перед ним лежавшую колоду карт и отвечал насмешливым тоном: „а на что же мы будем играть? я вас предваряю, что душу свою на карту не поставлю (он думал этим озадачить привидение), а если хотите, — продолжал он, — я поставлю клюнгер“».) после появления прелестной девы оборачивается храбростью одержимости: «В эту минуту Лугин не мог объяснить того, что с ним сделалось, но с этой минуты он решился играть, пока не выиграет; эта цель сделалась целью его жизни».

Повторенное в различных контекстных ситуациях слово *штосс* (в омонимичных, но сопоставимых значениях) присутствует во всех измерениях — от бытового до мистического. За стиливым каламбуром мыслится нечто более масштабное — заимствованное из немецкого языка название карточной игры в повести Лермонтова превращается в символ человеческого противостояния судьбе. Штосс Лугина — рискованная игра с могущественными мистическими силами — олицетворением неумолимого рока («Старичок сел, как накануне положил на стол две колоды карт, срезал одну и приготовился метать, по-видимому, не ожидая от Лугина никакого сопротивления; в его глазах блистала необыкновенная уверенность, как будто они читали в будущем»), игра, исход которой фатально предрешен отнюдь не в пользу охваченного азартом персонажа. Повесть «Штосс» — последнее прозаическое произведение Лермонтова. В посвященной поэту повести Б. А. Пильняка «Штосс в жизнь» Лермонтов, встречая 1841 год — последний год своей жизни, одолевает странным предчувствием:

«— Господа офицеры! — крикнул Лермонтов и добавил очень тихо: — Я пью за смерть!..〈...〉

... — В чем дело, поручик? — спросил командир. — Что за странные шутки!

— Это очень серьезно, господин полковник, — ответил Лермонтов, поднимая тяжелые веки. — Покойной ночи, господа офицеры, нового счастья!» (Пильняк Борис. Целая жизнь: Избр. проза. Мн., 1988. С. 604; в дальнейшем цитируется это издание).

Борис Пильняк, как и Михаил Лермонтов, — писатель трагической судьбы. Автор опальных «Повести непогашенной луны» и «Красного дерева», романа-фантазмагории «Голый год» — о революционном смятении и тихих человеческих инстинктов, вызвавшего бурную литературную полемику, блестящий новеллист, жизнь

которого оборвалась в лабиринтах ГУЛАГа в 1941. (Год смерти Лермонтова — 1841.— «И я часто вспоминал вашу речку смерти, Михаил Юрьевич».)

В повести «Штосс в жизнь» (1928) отобразились основные черты пильняковской художественной системы: кадровость, калейдоскопичность повествования, разорванность композиции, внимание к иррациональному началу в жизни и человеческой психике, постижение объекта прежде всего через эмоциональное восприятие. «Штосс в жизнь» — повесть о Лермонтове и лермонтовском, о преломлении лермонтовского мироощущения в вечности, ибо мир Лермонтова — это не только мир его произведений, биографические сведения, воспоминания современников, не только лермонтовские места на Северном Кавказе, по которым путешествует автор, встречаясь с потомками знавших поэта людей. «Через сто лет самолет будет дормезом, сейчас он величествен — лермонтовски, ибо в стихиях самолет мерит себя и свою волю — только стихиями,— и мерит — только смертью: человеку на самолете гордо — за человека, за человеческого демона, то есть гения, которого искал Лермонтов».

Все три семантических компонента ключевого каламбура лермонтовской повести:

- 1) *Штосс* — карточная игра;
- 2) *Штосс* — имя собственное — фамилия титулярного советника;

3) *Штосс* — созвучный двум предыдущим «штоссам» вопрос; — присутствуют в повести Пильняка, выполняя в ней, однако, скорее предваряющую, экспозиционную функцию. Повесть «Штосс в жизнь» начинается описанием новогоднего вечера в тенгинском пехотном полку, где Лермонтов (во время игры в штосс!) рассказывает офицерам «святочную историю», легшую вскоре в основу его повести «Штосс»: «„Позвольте представиться,— сказал старик,— титулярный советник Ш т о с с!“ — „Хорошо,— сказал Лугин,— мы будем играть на жизнь“.— „Што-с?“ — спросил титулярный советник.— „Прошу без шуток! — вскричал Лугин,— мы играем на жизнь и на красоту!“ — „Не угодно ли, я вам промечу ш т о с с? — ответил старик, делая вид, что он не слышит, и положил на стол клонгер,— я играю только на деньги“...»

Азартная игра с обстоятельствами реальными и мистическими, с неотвратимостью фатальной предопределенности; игра, ставка в которой — жизнь. Пильняк проецирует такое понимание *штосса* на биографию самого поэта: *штосс Лермонтова* есть игра решительная и беспощадная — поединок, дуэль. «...Вы ставили на карту жизнь ради своих видений, которые были выше жизни, вы понтировали на жизнь,— и титулярный советник Штосс играл с вами на клонгеры!» (Одно из фиксируемых словарями значений слова

штосс — прием в фехтовании — тоже может быть рассмотрено в данном ассоциативном ряду: шпага, как и пистолет, в свое время служила оружием дуэлянтам.)

Слово *штосс* у Пильняка, приобретая в канве произведения новые, метафорические значения, оказывается вытесненным из привычного синонимического окружения, еще сохраняющегося в начале повести: «Штаб-офицеры сели за большой шлем, молодежь сломала колоды для штосса».

Лермонтовский штосс — это и мистический штосс Лугина, и полная загадочности и противоречий жизнь самого Лермонтова: жизнь-борьба и жизнь-игра (если жизнь есть игра со смертью, а штосс — игра с судьбой, то понятия эти почти равнозначны. — Повесть Пильняка называется «Штосс в жизнь»); и игра с судьбой (жизнью) по-лугински и по-лермонтовски (жизнь человека — это его штосс?).

Штосс Жанны Дюкло — артистки, отгадывающей зрительские мысли (имя которой, равно как и французская картавость словно присутствуют в повести напоминанием о другой Жанне — мадам Гоммер де Гэлль, парадоксальной «солнечной женщине», любившей Лермонтова и посылавшей оружие «военноначальникам тех племён, которых воспевали вы, Михаил Юрьевич, и которых — вы же, офицер Михаил Юрьевич, — уничтожали»), — охарактеризованный Пильняком как *лермонтовский штосс, сведенный на эстраду*, включает в себе два, казалось бы, несоединимых начала — мистическое (штосс Жанны окутан такой же таинственностью магического знания, как и штосс лермонтовского старика («Я недоумевал, вспоминая лермонтовский штосс. Я не мог придумать рационального объяснения этому совершенно метафизическому явлению. Дюкло не слышала вопросов, она отвечала ясновидяще правильно») и реально обоснованное («Михаил Юрьевич! штосс Жанны Дюкло не есть даже фокус, это просто упорный труд и очень музыкальные уши»).

Метафизическое объяснено, однако — «Мне стыдно перепонтировать вас нашими козырями, Михаил Юрьевич!» — это не умаляет его очарования для увлеченных эстрадной мистификацией зрителей: «Иван Алексеевич, писатель, чье творчество навсегда пропахло берёзками благостных зорь, — говорил — о троицном дне, о белой троицыного дня березке, называя березкою м-м Жанну. (...) Штосс Лермонтова, прошед через кулисы эстрады, расцвел для Ивана Алексеевича Новикова — белою троицыного дня березкою». Возникает окказиональное сочетание *березовая горечь штосса*, немислимое вне совокупности всех остальных семантических построений в образной ткани произведения Пильняка.

Пространство Лермонтова далеко выходит за пределы собственно лермонтовского времени. Пространство Лермонтова — пространство человеческого дерзания, пространство жизни, любви и красоты. «„Через сто лет самолет будет только дилижансом,— сказали вы, Михаил Юрьевич,— но тогда мы найдем другие пути, чтобы брать за сердце жизнь и чтобы чокаяться смертями. Впрочем, я знаю, что останется, если будет жизнь,— останутся — смерть, любовь, рождение, рассветы и ветры!“ — над степью ревел буран, космы снега заплетали Лермонтова, его папаху, его бурку, сплетая его с космосом».

«Штосс» и «Штосс в жизнь». Повесть Лермонтова и повесть о Лермонтове, в которых соединены реальность и мистика. Но что такое мистика, и не есть ли она всего лишь часть не познанной нами реальности, маска, скрывающая трепет перед неразгаданностью тайн бытия? «Смертельное манит» — рано поняла Алена, героиня одноименного рассказа (1918) Бориса Пильняка: «через несколько вёсен сама стояла на мосту в половодье и чувствовала, что манит,— манит вода,— неведомое, смертельное — и углубила, поняла, что смертельное манит повсюду, что в этом — жизнь, манит кровь, манит земля, манит — бог».

Сознательное и подсознательное, вещи сны, чудеса интуиции, феномены ясновидения и целительства, душа и тело, жизнь и смерть... — завеса над этими проблемами приоткрывается заново. Художественное сознание воспринимает мир глубиннее, острее, многогранней,— оно способно увидеть, почувствовать — не разумом, так сердцем — недоступное приземленной логике обывателя. На вопрос, насколько фантастично фантастическое, по-видимому, еще предстоит ответить будущему.

КАК ЧИТАТЬ РАННИЕ СТИХИ ПАСТЕРНАКА

И. Ф. КУНИН

I

Среди русских поэтов начала и середины века немало «трудных». Но, может быть, никто так не полагался на сотворчество с читателем, как Борис Пастернак.

Между тем существует довольно распространенное мнение о Пастернаке как о «непонятном поэте». Для устранения такого недоразумения вовсе не обязательно переводить стихи на понятный язык прозы. Кажется достаточным уже поверхностное ознакомление с принципами поэтики Пастернака. В их основе — страстное желание поэта восстановить подлинность ощущения реальности и довести стихи до той простоты, которая «всего нужнее людям» (Пастернак).

Если у Пушкина образ нередко строится на принципе метонимии, то у Бориса Пастернака решающим является метафора. Чаще всего зрительный образ. Метафоры у Пастернака неожиданные, иногда поражающие или ошеломляющие своей смелостью и непривычностью. Возьмем пример из раннего сборника «Поверх барьеров». Стихотворение «Июльская гроза»:

Гроза в воротах! на дворе!
Преображаясь и дуря,

Во тьме, в раскатах, в серебре,
Она бежит по галерее.

По лестнице. И на крыльцо.
Ступень, ступень, ступень.— Повязку!
У всех пяти зеркал лицо
Грозы, с себя сорвавшей маску.

Надо догадаться, что *пять зеркал* — это пять окон, выходящих на грозу, что *лицо* легко заменяется словом *облик*, что *маска*, скрывавшая раньше облик грозы, — это тучи. Вспышка молнии воспринимается как ослепительная, слепящая — отсюда восклицание: «Повязку!», чтобы закрыть глаза от невыносимо яркого света.

Другая особенность — это пропуск соединительных звеньев, то, что в риторике называется «эллипсис». Не давая пояснений, что у комнаты пять окон, полагаясь целиком на выразительность метафоры, поэт тем сильнее напирает на редкостную экспрессивность образа.

В стихотворении (из более позднего сборника «Сестра моя — жизнь») «Гроза, моментальная навек» наблюдаем другую ассоциацию — блеск молнии сопоставлен со вспышкой магния при так называемой моментальной фотографии, очень распространенной в годы юности поэта.

Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.

Меркла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний, с поля ими трафил
Озарить управский дом.

О том, что речь идет о фотографии, видно также из слов: «снял на память». А блеск молний выражен в последних строках этого стихотворения:

Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем!

Здесь выступает гиперболизм сопоставления — прием обычный в стихах Пастернака. Поэт сознательно смешивал два родственных понятия — гром и молнию. Этим он следовал распространенному в просторечии словоупотреблению: «Гром не грянет — мужик не перекрестится». Из просторечия также пришло слово «трафил» (в том же стихотворении), здесь в смысле «пытался, пробовал».

Чрезвычайно важная особенность поэтики Пастернака — органическая внутренняя связанность различных элементов стиха. Сплошь и рядом метафора навевана не только сходством отдельных

элементов сопоставляемого, но и звуковой организацией стиха. Свободные ассонансы, обычно не использующие опорную согласную, вызывают у художника, — а тем самым и у читателя, ощущение полной свободы метафоры. Сходство тут не столько в явлениях, а в словах, их обозначающих. Рифмуя в одном стихотворении *копию* и *корпию*, автор получает возможность сблизить зрительно непохожие образы фотографической копии с домом, искромсанным в корпию. Необычность такого приема нередко — главное затруднение для читателя, привыкшего к более наглядным, элементарным сравнениям.

У раннего Пастернака звуковая организация стиха становится иногда главенствующей, что приводит к ослаблению наглядности. В таких случаях поэт полагается на работу воображения читателя, которое «в мгновенье дорисует остальное» (Пушкин). Так, в одном из стихотворений «Сестры моей — жизни» говорится:

Луг дружил с замашкой
Фауста, что ли, Гамлета ли,
Обегал ромашкой,
Стебли по ногам летали.

Сложная составная рифма позволяет опираться не на внешнее сходство луга с классическими образами мировой литературы, а на их внутреннее сродство — подлинность — природы и высших проявлений гения. В этом и состоит дружба луга с «замашкой» (то есть с замыслом, размахом, высшей правдивостью), оставляя в стороне впечатление от ходьбы по высокому лугу, когда с каждым шагом разлетаются в стороны стебли цветов. Или в романе в стихах «Спекторском»:

Весь вечер вьюга, не щадя затрещин,
Врывается сквозь трещины тесин.

Вьюга тут олицетворена в злобном, агрессивном существе (поэту «затрещины»), а *затрещины* связаны с *трещинами* в обшивке дома. Или в стихотворении из «Тем и вариаций»:

На днях, в тот миг, как в ворох корпии
Был дом под Костромой искромсан,
[здесь явственная связь *Костромы* с *искромсан*]
Удар того же грома копию
Мне свел с каких-то незнакомцев.

И дальше:

В их лицах было что-то адское,
Их цвет был светло-фиолетов.

Цвет этот придала им молния, и освещение внесло «что-то адское» в облик незнакомцев.

В стихотворении «Заместительница» поэт передает впечатление от стремительно танцующей молодой женщины, на минуту присевшей отдохнуть:

Так сел бы вихрь, чтоб на пари
Порыв паров в пути
И мглу и иглы, как мюрид,
Не жмурия глаз снести.

Здесь метафоры, нанизанные одна на другую, идут цепочкой. Ощущение стремительности танца схвачено и передано. «Порыв паров» и т. п. заслужает зрительный образ. Художник жертвует наглядностью ради передачи полетности танца.

Очень важно ощущение первичности (то, что В. Б. Шкловский назвал «остраненностью»), достигаемое некоторым смещением первичных образов и использованием непривычных в поэтическом словаре слов. Диапазон словесного инвентаря Пастернака огромен: от самых высоких, или высоколитературных образцов до интеллигентского просторечия былых лет, и даже до вульгаризмов («Зори сигают через заборы» и т. п.). Думается, что по богатству словаря у Пастернака почти нет соперников. Может быть, это идет и от словаря Иннокентия Анненского, с которым Пастернака связывает многое: использование редко употребляемых размеров, просторечный синтаксис, и, вероятно, другое, мною не замеченное.

II

Обратимся к стихотворению из сборника «Темы и вариации»:

Весна, я с улыцы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Кто-то догадался, что Пастернак, как поэт субъективный, пишет автобиографично. Дом (то есть сам Пастернак, ослабевший от долгого лежания в больнице и от весеннего воздуха) «упасть боится», потому что у него покруживается голова. Все просто: узелок с бельем несет поэт, выписавшийся из больницы. Но с автобиографизмом у Пастернака приходится быть осторожным: стихотворение стало понятным, но перестало быть поэзией, и это — главное. Исчезла весна, но ведь она центральная тема, а не случай из жизни поэта. Биографические детали ничем не подтверждены. Напротив. Они вызывают сомнение. В этом сборнике несколько стихотворений о

болезни. В них нет ни слова о больнице, но живо утверждается домашняя обстановка:

Стужа. Ночь в окне, как приличие,
Соблюдает холод льда.
В шубе, в креслах Дух и мурлычет — и
Всё одно, одно всегда.

Мурлычет, очевидно, домашний кот, расположившийся в мягких креслах. Болезнь дана не в описании, а в тоне бреда. В комнате прохладно, печь истопили, кочерга стоит рядом. Отсюда — намеренно затуманенные строки об удвоении предметов: «кочерга» и паркет и «тень кочерги»; «На дупле — силуэт дупла».

Кресло стоит около постели больного. Мурлыкающий кот стал «Духом». Это пример автобиографизма, прямо противоположного ошибочно угадываемому в стихотворении о весне. Там человек не вышел на улицу, а пришел «с улицы» и рассказывает не о больнице, а о весне. Не совсем понимаю, почему тополь удивлен (может быть, быстроте пышной листвы, его покрывшей). Неясно, чего пугается даль...

Еще один пример (из «Сестры моей — жизни»), который может вызвать разноречивые толкования.

Что в мае, когда поездов расписание,
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней Святого Писанья
И черных от пыли и бурь канапе.

Канапе — это обтянутые материей места для сиденья или лежанья. «Грандиозней Святого Писанья», потому что герой — сам поэт, — едет на встречу со своей любимой. Вспомним, что это — юго-восток европейской части России, где не редкость — черные бури, когда сильный, порывистый ветер поднимает с земли целые тучи песка, пыли, даже пересохшего чернозема. Видел ли поэт такие бури, — неясно, но они общеизвестны. Грандиозность чтения расписания — гипербола, но она вытекает из силы впечатления, которое ожидает рассказчика на месте встречи.

Возникает вопрос: а зачем нужны эти канапе? Они — признак подлинности. Неработающих подробностей, то есть не движущих сюжет в прямом смысле, в стихах Пастернака много. Как у А. П. Чехова и Льва Толстого, его любимых писателей. Это необходимо учитывать, «спотыкаясь» о такие подробности.

Огромная роль в восприятии стихов Пастернака отведена читательскому воображению, как бы дорисовывающему поэтическую картину. И тогда процесс чтения стихов становится сродни процессу творчества. За всем стоит главный принцип, сформулированный автором: дать «Образ мира, в слове явленный» («Август», 1953).

III

Важное место в творчестве Пастернака занимают отклики на литературные образы прошлого.

Особенно много «литературных эхо» у Пастернака обращено к Пушкину. Начиная со стихов расставания Пушкина с Черным морем, где незабываемы строки: прощались

Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха.

Одно из трех стихотворений (сборник «Темы и вариации»), прямо посвященных Пушкину, начинается так:

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного греха, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита <...>

В этом месте читателю неплохо вспомнить, что «в тупик поставленный грек» — это Геродот, который бывал в Египте. А в лице Пастернака действительно было что-то египетское.

А вот строки, содержащие отголоски «Пира во время чумы». Прочитируем Пушкина: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, <...> / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы. / Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог!»

У Пастернака же (стихотворение «Лето»), почти незаметно соскользнувшего с четырехстопного ямба на четырехстопный амфибрахий, читаем:

... и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы.

Напомним, что «вековой прототип» — одна из основных идей философии Платона, предполагавшего, что каждому явлению в нашей жизни предшествует, или соответствует, «прототип» — такое же соответствие в мире идей. Вернемся к Пастернаку:

И это ли происки Мэри-арфистки,
Что рока игрою ей под руки лег
И арфой шумит ураган аравийский,
Бессмертья, быть может, последний залог.

Сомнения вызывают *происки*. Уж какие тут «происки», если игрою рока шумит арфа. Аравийский ураган чаще называют саму-

мом, он сродни черным бурям камышинской ветки в стихотворении «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...». У Пушкина в «Анчаре» он просто назван «вихорь черный».

Особняком стоят два стихотворения из «Тем и вариаций» — «Мефистофель» и «Маргарита». Первое необычно своим подходом к облику Мефистофеля — он дан как прямой вызов обывателям немецкого городка:

В чулках как кровь, при паре бантов,
По залитой зарей дороге,
Упав, как ляжки с барабана,
Пылили дьяволы ноги.

Казалось, захлестав из низкой
Листвы струей высокомерья,
Снесла б весь мир надменность диска
И терпит только эти перья.

(Диск — это, конечно, о берете Мефистофеля.) Но и это стихотворение, и «Маргарита», как кажется, не по «Фаусту» Гете, а по «Фаусту» австрийского поэта Николауса Ленау. Нить тянется к музыке — симфоническим картинам Ференца Листа. У нас картину «Маргарита» называют по-немецки — «Мефисто-вальс». У Пастернака заволаживающая игра Мефистофеля опущена. У него зато есть повалившаяся без сил «амазонка в бору»:

И затылок с рукою в руке у него,
А другую назад заломила, где лег,
Где застрял, где повис ее шлем теневой,
Разрывая кусты на себе, как силок.

В чьей руке затылок Маргариты? Конечно, не бора. В руке Фауста! А сама Маргарита — в лихорадке страстного танца (кстати, так и воспринимался вальс в начале девятнадцатого века). Именно это состояние передано музыкой Листа и стихотворением Пастернака.

«Фаустом» Ленау навеян эпизод и из стихотворения «Заместительница», где марш Ракочи упомянут как «бравата Ракочи». Очевидно, поэт еще не знал тогда, что по законам венгерской акцентуации ударение всегда стоит на первом слоге имени или фамилии. Марш Ракочи Листа многократно исполнялся и в оркестровом, и в фортепьянном изложении. Именно у Ленау один из эпизодов «Фауста» перенесен в Венгрию, и марш, посвященный памяти прославленного венгерского военачальника начала XVIII века, привычно звучал как марш Ракочи.

Пастернак пишет, что его героиня кинется в танец, «от треска колод, от бравады Ракочи». «Треск колод» — чисто бытовой штрих. При начале игры картежники открывали новую колоду карт, с треском разрывая обертку.

Хотелось бы закончить эти скромные наблюдения над Пастернаком трагикомическим эпизодом. Несколько десятков лет назад в Москве был хорошо известен один знаток и любитель новой русской поэзии. Ему случилось ошибочно прочитать строку о Черном море:

Ты курлычешь,
Как ключ, балагурия <...>

(из поэмы «Девятьсот пятый год»). Он пропустил запятую после слова *ключ* и не заметил, что слово *балагурия* срифмовано со словом *бурей*, и читал «ключ балагурия», что, конечно, было лишено всякого смысла, но приводилось критиком как пример непонятности стихов Пастернака. Неправильное прочтение, видимо, закрепилось в его памяти, и он сердился, когда его пытались поправить.

Слова же «как ключ, балагурия» рисовали море — спокойное, чуть плещущее о берег. Сравнение человеческой речи с шепотом воды традиционно в русской поэзии. Вспомним «Сказку о царе Салтане»: «А как речь-то говорит, / Словно реченька журчит». Об этом добродушном журчании ключа, то есть источника или ручейка, и писал Пушкин. Поэтому «непонятность» бывает иногда следствием просто неправильного чтения.

Что поделаешь? Остается лишь перефразировать слова, сказанные выдающимся античным филологом Ф. Ф. Зелинским о гениальном русском поэте Иннокентии Анненском, — таков поэт и таковы его читатели. А читатели бывают разные, и часть их довольствуется простейшим объяснением: «непонятный поэт».

О переводах и переводчиках

**МАНДЕЛЬШТАМ
«ПЕРЕВОДЧИК»
ДИККЕНСА**

О. А. ЛЕКМАНОВ

В первой книге Осипа Манделъштама «Камень» немало стихотворений, построенных на обыгрывании чужих сюжетов, «чужих песен». Для восприимчивого слуха поэта достаточно было, по выражению Ю. Н. Тынянова, «маленькой чужеземной прививки», чтобы возник совершенно самостоятельный — манделъштамовский поэтический мир, построенный по собственным законам. Стихи Манделъштама лучше передают дух произведений Расина, Макферсона, Флобера и Золя, чем иные русские переводы этих авторов.

Таким, звучащим «по-русски и в согласии с духом подлинника» (О. Манделъштам), явилось стихотворение «Домби и сын»:

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья;
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь.

С романом Диккенса поэт, вероятно, познакомился в переводе Иринарха Введенского, того самого, который — без ложной скромности — о своей работе над «Домби и сыном» писал: «В этом изящном переводе есть целые страницы, принадлежащие исключительно моему перу» (Отечественные записки. 1851. № 9—10. С. 75). При этом у Введенского «было знаменитое имя. В середине XIX века он считался лучшим переводчиком. Русские читатели в течение долгого времени знали Диккенса главным образом „по Иринарху Введенскому“, — писал К. И. Чуковский (Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1988. С. 257). Достаточно сказать, что до 1913 года, когда (видимо, по следам столетнего юбилея Диккенса) было написано стихотворение «Домби и сын», одноименный перевод Введенского выдержал, как минимум, шесть изданий.

По словам К. И. Чуковского, Введенский «не понимал слов Диккенса, но он (...) дал нам его интонации, его жесты, его богатую словесную мимику. Мы услышали подлинный голос Диккенса — и полюбили его. Введенский в своих переводах словно загримировался под Диккенса, усвоил себе его движения, походку» (Там же. С. 261). Ср. оценку американским исследователем Кларенсом Брауном мандельштамовского стихотворения «Домби и сын»: «Стихотворение так же независимо от романа, как был бы, скажем, независим от него набор жестов, производимых танцором, исполняющим сольную партию в балете „Домби и сын“» (Brown C. Mandelstam. Cambridge, 1973. P. 206).

Осип Мандельштам так же, как Иринарх Введенский, «не понимал слов Диккенса»: он не знал английского языка вовсе. Однако русскому поэту удалось в ряде случаев подойти к оригиналу ближе, чем Введенскому. Сравним:

«Над кипами конторских книг» (4-я строка стихотворения «Домби и сын») — «... м-р Перч опять принимался наблюдать странные лица счетчиков и оценщиков, углубленных в тайны великих книг» (Диккенс Ч. Домби и сын (перевод И. Введенского) // Диккенс Ч. Собр. соч. СПб., 1906—1907. Т. 9. С. 337; далее — только том и стр.); ср. в оригинале у Диккенса: «... небрежно обращались с величайшими тайнами — конторскими книгами...»

«Контора Домби в старом Сити» (7-я строка) — «Контора Домби и сына находится в Сити...» (Т. 7. С. 49).

«Дожди и слезы» (9-я строка) — «Закрыв лицо руками, она зарыдала и едва могла проговорить: „Доброй ночи, милый папа!“ <...> Да, припомнит это м-р Домби в грядущие годы! Проливной дождь крупными каплями падал на кровлю, ветер дико завывал вокруг пустынного дома, — дурные признаки! <...> Он вошел в комнату, запер дверь, сел на кресло и заплакал о своем сыне...» (Т. 7. С. 406—407).

«Белокурый/И нежный мальчик Домби-сын» (9-я — 10-я строки) — «Он был вообще очень красивый мальчик; но на его бледном худощавом лице отражалась какая-то болезненная задумчивость...» (Т. 7. С. 141). Еще один «диккенсовский» портрет встречаем в стихотворении Мандельштама «Старик» того же, 1913-го года: «В глазах лукавый или детский / Зеленый огонёк;/ На шею нацепил турецкий/ Узорчатый платок./ <...> Разочарованный рабочий/ Иль огорчённый мот — / А глаз, подбитый в недрах ночи,/ Как радуга цветет». Ср. у Диккенса в «Приключениях Оливера Твиста»: «На голове у него была коричневая шляпа, а на шее пестрый шарф... глаза были мрачные; один из них обрамляли разноцветные пятна, свидетельствующие о недавно полученном ударе» (Диккенс Чарльз. Приключения Оливера Твиста (перевод А. В. Кривцовой). М., 1986. С. 71).

«Веселых клерков» (11-я строка) — «Конторщики и писаря задали великолепный обед в ближайшем трактире и распрощались дружелюбно, расходясь в разные стороны» (Т. 9. С. 340); ср. в оригинале у Диккенса: «Клерки рассеялись кто куда после маленького обеда, устроенного ими в знак соблезнования; обед несколько скрашивали их веселые песни...»

«Веселых клерков каламбуры/Не понимает он один» (11-я — 12-я строки) — «...жил он один среди чудных видений своей фантазии, и никто не понимал его» (Т. 7. С. 263).

«В конторе сломанные стулья» (13-я строка) — «Опустели помещения конторы Домби и Сына и утратили свою сановитую важность» (Т. 9. С. 341); ср. в оригинале у Диккенса: «Контора вскоре стала грязной и заброшенной».

«На шиллинги и пенсы счет» (14-я строка) — «Он рассказывал, как его супруга первая напала на эту мысль, подслушав его ночные вздохи и стенания во сне, прерывавшиеся беспокойными восклицаниями: „Двенадцать шиллингов и девяносто пенсов на фунт — ох! Двенадцать шиллингов и девяносто пенсов на фунт — уф!“» (Т. 9. С. 336).

«Как пчелы, вылетев из улья,/Роятся цифры круглый год» (15-я — 16-я строки) — это «пчелиное сравнение» подсказано Мандельштаму самим Диккенсом: «Миссис Блимбер сказала, поднимая глаза и

обращаясь к м-ру Домби: „Завидую вам, сэр, чрезвычайно завидую. Сын ваш, как пчела, пересаживается теперь в отборный цветник и будет питаться сладчайшим соком растений. Вергилий, Гораций, Овидий, Теренций, Плавт, Цицерон: какие цветы! какой мед!“» (Т. 7. С. 233). Ср. у Мандельштама в «Разговоре о Данте»: «Надо себе представить таким образом, как если бы над созданием тринадцатитысячегранника работали пчелы, одаренные гениальным стереометрическим чутьем <...> Пчелиная аналогия подсказана, между прочим, самим Дантом» (Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 121).

«И клетчатые панталоны» (23-я строка) — клетчатые панталоны, по-видимому, были перенесены в стихотворение с рисунков первого иллюстратора романа Хэблота Найта Брауна («Физа»). «Физ», впрочем, тоже не надевал на старого Домби клетчатых панталон, они стали такими от манеры художника «клетчато» загрунтовывать темные поверхности рисунка (Другое объяснение см. в работе В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1967. С. 127).

Так, Осип Мандельштам пересочинил диккенсовский роман заново, воссоздав, по словам Кларенса Брауна, ту самую реальность, о которой писал Диккенс (Brown С. Mandelstam. P. 204). Поэт «угадал» (как выразился по другому поводу К. В. Мочульский) английский язык подлинника. «Угадал» настолько точно, что и сегодня можно начинать знакомство с «русским» Диккенсом по мандельштамовскому стихотворению «Домби и сын».

Поликсена Соловьева (Allegro)

Поликсена Сергеевна Соловьева (1867—1924), дочь знаменитого русского историка С. М. Соловьева, родилась в Москве, росла в строгой трудовой атмосфере профессорской семьи, увлекалась литературой и искусством. Большое влияние оказал на нее старший брат, философ и поэт В. С. Соловьев. Ранние ее стихи читал бывавший в семье гостем А. А. Фет. Несколько лет Соловьева занималась в школе живописи, ваяния и зодчества у И. М. Прянишникова и В. Д. Поленова, училась музыке и пению. Начала печататься с семнадцати—восемнадцати лет; с переездом в 1895 году в Петербург опубликовала при содействии Н. К. Михайловского стихи в журнале «Русское богатство», затем выступала в «Вестнике Европы», «Мире Божьем» и наиболее часто в популярном «Журнале для всех». Псевдоним Allegro (музыкальный термин, обозначающий быстрый темп исполнения), взятый ею, поэтесса объясняла желанием как бы компенсировать сосредоточенную замкнутость своего характера, недостававшую ей энергию. В Петербурге у Соловьевой завязываются творческие связи с поэтом Константином Случевским (она бывала на его «пятницах»), с семейством Блока, с Вяч. Ивановым, с Гиппиус и Мережковским. Семь лет, начиная с 1906 года, она, вместе с писательницей Н. И. Манасеиной, издает детский журнал «Тропинка», при котором возникло и издательство. Своей работы в литературе для детей Соловьева (Allegro) не прекращает и после закрытия журнала.

Стихи Поликсены Соловьевой (Allegro) полны печали и меланхолии, традиционны по форме. Их, как отмечал П. Якубович-Мельшин, окрашивают «мысли, похожие на чувства, и чувства, похожие на мысли». Многие из стихотворений Соловьевой как бы намеренно отстранены от грубой и пошлой земной действительности — автор не хочет принять ее такой, какая она есть, но не знает выхода из круга отвлеченно-мистических представлений. Лирический герой поэзии Соловьевой бесконечно одинок, он не ведает счастья: «Счастья нет, есть только отраженье Неземного в темноте земной».

Революционные события 1905 года поэтесса восприняла как нечто животворное, но грозное, апокалипсически зловещее. В рецен-

зии на сборник Соловьевой (Allegro) «Иней», вышедший в 1905 году, Блок назвал ее поэзию «тихой», отметив грусть и печаль как существеннейшие черты книги.

Кроме «Инея», наиболее известные сборники стихов Соловьевой (Allegro), часто украшенные ее собственными вполне профессиональными рисунками,— «Стихотворения» (1899), «Плакун-трава» (1909), «Вечер» (1914), «Последние стихи» (1923).

Н. В. Банников

* *
*

День догорел, в изнеможенье
Вздыхая, ветер пролетел,
Пролепетал еще мгновенье —
И задремал и онемел.

Все обнял ночи сумрак мглистый,
И лишь блестят из темноты
Березы призрак серебристый
И липы бледные цветы.

На стол наш, ярко освещенный,
Толпы крылатые летят,
И мотылек полусожженный
Предсмертным трепетом объят.

Белая ночь

Земля не спит, напрасно ожидая
Объятий сумрака и нежной тишины;
Горит заря, полнеба обнимая;
Бредут толпой испуганные сны.

И всё живет какой-то жизнью ложной,
Успокоения напрасно жаждет взор,
Как будто ангел бледный и тревожный
Над миром крылья белые простер.

1897

* *
*

Снежным облаком летели
Бледноликие метели
Из полных стран,
И вздымался, и качался,
И со стоном рассыпался
Снежный ураган.
Но довольно пела вьюга,
Весть весны на север с юга
Льется все смелей,
Дни светлы и необъятны,
И душе влюбленной внятны
Крики журавлей.

В безумный месяц март

Вячеславу Иванову

В безумный месяц март я родился на свет,
И в этой жизни мне нигде покоя нет.
И борется весна в душе моей с зимой,
И весел громкий смех, и стих печален мой.
То дьявол душу мне темнит крылом своим,
То вижу лик Отца, как смелый серафим.
— Любовь и смерть, — всегда единый мой ответ...
В безумный месяц март я родился на свет.

В осеннем саду

Тишина золотевейная в осеннем саду,
Только слышно, как колотят белье на пруду,
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.

1908

Старые письма

Бумаги бледные листы
И черные слова,
Как позабытые кресты
И мертвая трава.
Мне страшно, страшно их раскрыть,
Как земляную грудь
С истлевшим кладом вдруг разрыть
И дерзко заглянуть.
Вся боль и сладость горьких дней
Заглянет мне в лицо,
Сжимая сердце все сильнее,
Как темное кольцо.
И вновь дыханьем пряных трав
И вянущих цветов
Любовь повеет мне, восстав
Из позабытых слов.
Но жизнь уводит к новым дням,
Зовет грядущий страх.
Я торжествующим огням
Отдам любимый прах.

Городская весна

С. Соловьеву

Жарко. Пыльные бульвары.
Лимонад. Влюбленных пары.
Дети, тачки и песок.
Голубей глухие стоны,
Липы, солнце, перезвоны,
Одуванчика глазок.
Гимназистка, гимназистик.

Он кладет ей в книгу листик.
Бантик снят с ее косы.
«Хронология, законы...» —
«У кузена нашей бонны
Так закручены усы!»
Вот студент. Он из «идейных»,
С ним две барышни «кисейных».
По песку рисует зонт.
«Декадентов не читаю». —
«Что вы! Я предпочитаю
Старым их». — «Ах, да! Бальмонт!..»
Мамка юная с солдатом,
Страстью вешнюю объятым.
«Местом я не дорожу:
Откормила — и прощайте!» —
«Феня, вы не забывайте:
Я ведь скоро отслужу».
А кругом и шум и говор.
Из окошка чей-то повар
Глянул в белом колпаке.
По камням, среди дымной пыли
С ревом мчат автомобили
Модных барынь налегке.
Душно. Где-то даль синее,
Где-то вешний воздух млеет,
Где-то лес поет, зовет,
Обновленный и влюбленный...
Тарахтит извозчик сонный.
«Стой! Направо у ворот».

Эссеистика П. М. Бицилли

Судьба уготовила Петру Михайловичу Бицилли (1879—1953) тяжкий крест эмиграции и десятилетия забвения его имени на родине. Однако сегодня труды этого замечательного ученого — лингвиста, литературоведа, историка — возвращаются в Россию. [См. публикацию работ П. М. Бицилли: «Г. П. Федотов. Святой Филипп, митрополит Московский», «Трагедия русской культуры», «Возрождение аллегории» в журнале «Русская литература» (1990. № 2) со вступит. статьей В. А. Туниманова и исследования П. М. Бицилли «Нация и Язык» в Известиях РАН. Серия литературы и языка (Т. 51. 1992. № 5) со вступит. статьей И. В. Анненковой, а также переписку И. А. Бунина с ученым (Мещерский А. Неизвестные письма И. Бунина//Русская литература. 1961. № 4) и газетную статью о жизненном пути П. М. Бицилли (Балашова С. Унесенные вихрем//Голос родины. 1989. № 33/2697)]. Они становятся неотъемлемой частью отечественной культуры, которую русский ученый, наряду с другими нашими соотечественниками, творил в изгнании.

Предки Петра Михайловича Бицилли — итальянцы, выходцы из Албании, приехали в Россию в конце XVIII века. Будущий ученый родился в Одессе в семье мелкопоместного дворянина. Окончив 11-ю городскую гимназию, поступил в Императорский Новороссийский университет на историческое отделение историко-филологического факультета. В 1905 году его оставили на кафедре всеобщей истории для подготовки к магистерскому экзамену, который он успешно сдал в 1910 году, и в 1912 году, после защиты в Петербургском университете диссертации на тему «Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века», был избран штатным доцентом, а вскоре — экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете. В 1918 году Саратовский университет предложил П. М. Бицилли место ординарного профессора, но занять его ученому помешала гражданская война. В 1920 году Петр Михайлович вместе с семьей эмигрировал из России: сначала в Сербию и Македонию, где преподавал всеобщую историю в Скопленском университете, а затем, и уже навсегда, в Болгарию, заняв в Софийском университете кафедру новой истории Западной Европы в качестве профессора по контракту. А в 1948 году по истечении очередного контракта был уволен из университета без пенсионного содержания. Умер Петр Михайлович Бицилли 25 августа 1953 года.

Небогатая внешними событиями жизнь П. М. Бицилли была наполнена прежде всего напряженным трудом ученого. Об этом свидетельствует огромное наследие П. М. Бицилли: 27 монографий, 144 статьи, более сотни заметок и рецензий, 78 курсов лекций по истории и культуре Европы, прочитанных в Софийском университете.

При первом же знакомстве с работами П. М. Бицилли поражает широкая эрудиция ученого и энциклопедизм его знаний. Ему подвластно было все: история древнего мира и средневековья, современная европейская философия, история русской литературы, русского литературного языка и стилистика художественной речи.

Работы П. М. Бицилли, посвященные языку и стилю Гоголя («Гоголь и классическая комедия», «Гоголь и Чехов. Проблема классического искусства», «Проблема человека у Гоголя»), Достоевского («К вопросу о внутренней форме романа Достоевского»), Чехова («Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа», «Заметки о чеховском „Рассказе неизвестного человека“»), Набокова, Пушкина, Л. Толстого, Бунина, проблеме поэтического слова («Этюды о русской поэзии», «Литературные заметки») не потеряли своего эстетического и научного значения и в наши дни. Две части «Хрестоматии по истории русской литературы» и такие работы, как «Трагедия русской культуры», «К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время», «Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка и русской литературы», «Заметки о некоторых особенностях русского литературного языка», содержат не только периодизацию истории русской литературы с точки зрения становления русского литературного языка, но и оценку роли творческой личности в создании национального литературного языка. Одним из первых в полемике с князем С. М. Волконским (см.: Волконский Сергей. О русском языке // Русская речь. 1992. № 2) на страницах русских эмигрантских журналов он поднял вопрос о культуре русской речи и сформулировал понятие литературной нормы («В защиту русского языка», «Вопросы русской языковой культуры»).

Во многом благодаря статьям П. М. Бицилли («Народное и человеческое», «Наследие империи», «Нация и Народ», «Нация и Государство», «Нация и Язык», «Проблемы русско-украинских отношений в свете истории», «К пониманию современной культуры», «Язык и народность») социолингвистика оформилась как самостоятельная дисциплина современного языкознания.

П. М. Бицилли печатался не только в научных русских и зарубежных изданиях. Значительную часть его творческого наследия составляют публицистические статьи и критические эссе, опубликованные в русских эмигрантских газетах и журналах: «Современные

записки», «Звено», «Числа», «Новый град», «Русские записки», «Встречи», «Круг», «Путь», «Россия и славянство» и др.

Особое место в научно-литературном творчестве ученого занимают рецензии. Для П. М. Бицилли рецензия отнюдь не вспомогательный жанр, и тому свидетельством предлагаемая вниманию читателей его критическая заметка «О некоторых особенностях русского языка. По поводу „Москвы под ударом“ Андрея Белого». К творчеству Андрея Белого ученый обращался неоднократно [см., например, книгу Андрея Белого «Ритм как диалектика» (М., 1929) в журнале «Современные записки» (1930. № 43)]. Интерес этот был, конечно, не случаен. Одним из первых П. М. Бицилли обратил внимание на язык Андрея Белого, на характер его прозы, которую сегодня мы называем орнаментальной, то есть прозой «с системой насыщенной образности, реализующей особый тип художественного мышления» (Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М., 1990. С. 31).

В современной стилистике уже закрепилось представление о двух типах художественной прозы в русском литературном языке: 1. классическом, основанном на последовательном изложении мысли, то есть на культуре логических связей. Это язык прозы Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Чехова, Бунина; и 2. орнаментальном, основанном на ассоциативно-метафорическом типе мышления, ориентирующемся на формы и обороты устной речи. Это язык произведений Лескова, Ремизова, Евг. Замятина, прозы Марины Цветаевой и, конечно, Андрея Белого.

Однако П. М. Бицилли в своих трудах отметил не только появление в начале XX века новой, поэтической прозы. Разбирая творчество Андрея Белого, он показал, насколько органично оно связано с русской классической литературой, особенно с художественным наследием Достоевского и Гоголя, и с народным творчеством, фольклором (см., в частности: Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка и русской литературы // Годовик на Софийский университет. 1944. Т. 40. Ч. 2). И в публикуемой заметке словотворчество Андрея Белого ученый связывает не только с особым характером художественного мышления поэта, но со всем строем русского языка, с его словообразовательной системой.

Окказионализмы занимают в этой системе важное место. Они создаются в условиях речевой ситуации или данного контекста, в рамках определенного стиля (художественного, публицистического, разговорного). Большинство окказиональных слов образуется по продуктивным языковым моделям и составляет потенциальный запас языка.

Андрея Белого интересовал не только психологический эффект художественного произведения: словотворчество для него — это и

способ эстетического мышления, и лингвистический эксперимент. В недавно вышедшей книге Н. А. Кожевниковой «Язык Андрея Белого» (М., 1992) целая глава «Окказионализмы А. Белого» посвящена именно этой проблеме. Вот что пишет автор о том периоде творчества Андрея Белого, в который создавалась «Москва под ударом»: «В трех последних, наименее известных романах А. Белого, „Крещеный китаец“, „Москва“ и „Маски“, написанных после революции, предметом эксперимента становится слово как экспрессивная единица, а общая задача видится в увеличении его энергии, его потенциала. Решается эта задача на огромном словесном материале. Словарь А. Белого в это время становится разнообразнее и пестрее, чем когда бы то ни было, расширяясь в самых разных направлениях и демонстрируя ту всеохватность, которая поражала современников в самом А. Белом. Писатель обращается не только к наличному языковому материалу, пополняя свой словарь диалектизмами, просторечием, терминологией, материалом других языков (французского и отчасти немецкого), но и сам занимается словотворчеством, гораздо более активно, чем в другие периоды (курсив наш. — И. А.)». На это же обстоятельство обращает внимание и П. М. Бицилли, метафорически назвав словотворчество Андрея Белого «поэтическим юродством».

Принято считать, что окказионализмы — принадлежность не языка, а речи. Однако П. М. Бицилли в публикуемой заметке настаивает на том, чтобы считать их фактом языка, таким же, как, например, диалектизмы. Это требование ученого оправдано его представлениями о языке художественной литературы как формирующей основе национального литературного языка и о роли личности художника в его создании. Такой личностью для П. М. Бицилли был Андрей Белый, выдающийся художник слова. Ученый еще при жизни писателя сумел понять и оценить значимость его творчества в истории русской литературы и русского литературного языка.

Заметка «О некоторых особенностях русского языка. По поводу „Москвы под ударом“ Андрея Белого» была впервые напечатана в русской эмигрантской газете «Россия и славянство» от 14 ноября 1931 года (№ 155).

В публикации сохранены особенности авторской орфографии и синтаксиса.

И. В. Анненкова

П. М. Бицилли

**О некоторых особенностях русского языка.
По поводу «Москвы под ударом» Андрея Белого**

Приведу наудачу несколько мест из недавно вышедшего произведения А. Белого «Москва под ударом» (1926 г.)¹.

«Поземица снежная перевивала волокна под ноги; расстались два дома; меж ними писались запахи метели; мутнел переклик расстояний; кривой переулочек разглазил фонариком; вот — и заборик с приметами снега».

«В окне дозиратель вскочил, прилипая к стеклу старобабьим своим подбородком; взял лампу, пошел отворять; прокащела пасень в окне световом, переломанная на гнилявом заборике; два растрепанца в тени приворотенки лясы точили».

«Переулочек жаром горел; вонький дворик подпахивал краской; маляр облиловил фасад; затрухлели, лушась, щербневатые почвы, желтевшие дикою редькой; Дрехлена Ягинична вешала рвани и дрени; в заборный пролом, над которым зацвикала птичка, открылись вторые дворы — с провисением стен, с перекривами крыш ...; свинья, задрав визглое рыло, там чвакала в мякоти; прела конюшня под ласткой ...»

Так написан сплошь целый том в 248 страниц. Можно представить себе, какое раздолье будет для редакторов академического издания сочинений А. Белого, когда он станет классиком: после каждого второго или третьего слова поставит sic! в скобках, а под текстом сноски с толкованиями.

Разумеется, такого рода писание — юродство и заключает в себе элемент издевательства над читателем и над языком.

Называя манеру А. Белого юродством, я, однако, не вкладываю в эту формулу ничего осуждающего. Мирское юродство А. Белого

имеет свою параллель в юродстве религиозном, составляющем специфическую черту восточно-православной, а в особенности русской, религиозности (см. об этом тонкие замечания Г. П. Федотова в его недавно вышедшей книге о русских святых)². Юродство не было чуждо и Западу, но только там оно подавлялось, во всяком случае, вводилось в границы. Св. Франциск начал с юродства и сам себя называл юродивым — *idiotia*. *Idiotia* значит буквально — человек «сам по себе», не такой, как прочие люди. Таким образом юродство граничит с еретичеством («свобода выбора»), но оно не то же самое, что еретичество. Еретик «самоутверждается»; юродивый же старается самоумалиться, быть возможно менее привлекательным. Таково и «мирское», «светское» юродство. А. Белый, несомненно, сознательно добивается того, чтобы вызвать в читателе раздражение по отношению к автору. Но психологическая особенность юродства состоит в том, что юродивый, отталкивая — привлекает, самоумалаясь — импонирует, косноязычно бормоча — вещает. Писательское юродствование А. Белого никак нельзя определить как просто никому ненужное коверкание языка, ибо этому противоречит тот факт, что как ни неприятно читать «Москву под ударом», от этой книги трудно оторваться и невозможно отделаться от произведенного ею впечатления. Юродствующая стилистическая манера А. Белого является у него приемом достижения художественной выразительности. В одном месте он описывает падение камня в пруд: «Отблеск серебряный тронулся; пруд передернулся: блесною излива; и — зеленого стрельнула лягушка: туда: пузырек серебряный глюкнул из глуби; паук водяной, неподвижно распластанный, — прочь устрельнул: под купальню, пропахшую очень горькой ольхой и плесенью». И. А. Бунин написал бы иначе, употребляя только самые обыкновенные слова, и достиг бы не меньшей выразительности, а может быть и большей. Но, в конце концов, по слову Фридриха Великого — каждый волен спасать свою душу «*a sa façon*»³.

Писание А. Белого представляет интерес с одной, особой стороны: оно служит убедительнейшим доказательством, что писательское юродство для пишущего по-русски возможно. Произведение, подобное «Москве под ударом», не могло бы появиться ни на каком другом языке. Чуть ли не половина слов — а может быть и больше — автором выдуманы, «сделаны», но понятно решительно все. Таким образом, в литературной, если можно так выразиться, плоскости воспроизводится та же индивидуальная особенность русской культуры, русского жизненного стиля, какая засвидетельствована в области религиозной жизни. Западно-европейские языки не терпят никакого языкового юродства, как Западная Церковь не терпит юродства религиозного. Русский язык терпит. В русском языке от любых слов одной категории можно производить слова любой дру-

гой. Это совсем не то, что в английском языке, где у имен и глаголов одна и та же внешняя форма и где поэтому смысл слова определяется в каждом данном случае тем, что перед ним стоит: *to* или *the*, или же, наконец, просто его местом во фразе ⁴. Для того, что называется «духом» русского языка, характерна способность любого «корня» обрастать любыми приставками, суффиксами и окончаниями, — точнее говоря, не «корня», а слова. У А. Белого есть глаголы *задетиться*, *зауютить*; есть «*пронежнела глазами*» и «*звезда глазами*», *проядовитила*, *забелогрудилась* (о ласточке), «*зеленожелезились крыши*». Автор, как видим, образует новые глаголы не только от отдельных имен, но и от имен вместе с прилагательными. С меньшей свободой он создает отглагольные существительные. У него есть: *доцветенье*, *сжелтение*, *сгнитие*, *посиденье*, *внетание*, *вгрызение* и т. под.

Это может нравиться или не нравиться, но тут ничего не поделаешь: эти слова, раз мы их понимаем, тем самым уже составляют языковой факт. Они сами собой включаются в словарь русского языка, — нужды нет, что, быть может, их никто никогда больше не употребит: ведь и в словаре Даля есть множество слов, в общем употребление не вошедших, но вполне понятных и потому имеющих право на существование. Если кому-нибудь это захочется, он может ими воспользоваться. «Я повсеградно обэкраен» Игоря Северянина, может быть и безвкусица, но это — по-русски.

Ровинский («Русск. нар. картинки», V, 56 сл.)⁵ заметил, что в русском языке «выработалось особое свойство, по которому из каждого существительного имени *боевой* глагол можно сделать», и приводит такие «боевые» (т. е. означющие битье) глаголы, которые ему удалось услышать: *отстаканить*, *наегорить* спину, *припонтить*. Он считал это свойство языка, так сказать вторичным, — результатом «повального битья». Но наблюдение Ровинского следует обобщить. «Кому бы это вздумалось, — говорит он там же, — из Понтийского Пилата и из Егория Храброго глаголы выделать». Он имел в виду именно эти, «боевые» глаголы. Но рядом с *наегорить* есть еще и *объегорить* — глагол, к битью отношения не имеющий.

Из всех современных европейских языков несколько приближается в этом отношении к русскому один лишь немецкий. Такой семантический знак, как *heit*, имеет в немецком языке весьма широкое употребление. Ни на один романский язык нельзя перевести одним словом немецкое *Ichheit*⁶. На русский можно: *ячность* — это слово есть в новейшем русском философском языке. Но все же границы в словотворчестве в немецком языке теснее и крепче защищены. В русском же, собственно говоря, нет никаких границ. А. Белый это доказал. В параллель этому стоят еще и некоторые другие особенности русского языка. В русском языке возможны

и существуют — самые разнообразные виды стихосложения. Ломоносов и Тредьяковский считали, что единственное, соответствующее строю русского языка стихосложение это — тонико-силлабическое. На самом деле, не менее соответствует ему и чисто силлабическое (без счета и порядка ударений) и чисто тоническое (без счета слогов) стихосложения. Они же считали, что основными русскими метрами являются ямб и, в особенности, хорей. И, действительно, строй прозаической русской речи держится на хорее. Но стихотворный язык допускает самое широкое употребление и трехдольных метров (Лермонтов, Некрасов, Блок, народная песня).

Нет сомнения, что это не случайно. Богатство возможностей русского языка находится в соответствии с тою «широкостью» русской природы, о которой говорил Достоевский и которая внушала ему столько же восхищения, сколько и тревогу, и желание «создать» русского человека.

Примечания

1. Роман «Москва под ударом» — вторая часть эпопеи «Москва». Впервые был издан в 1926 году издательством «Круг» и переиздан в 1927 году издательством «Никитинские субботники». П. М. Бицилли цитирует первое издание.

2. Г. П. Федотов. Святые Древней Руси. Париж, 1931. П. М. Бицилли опубликовал рецензию на эту книгу в журнале «Современные записки» (1932. № 48).

3. *a sa façon* (франц.) — по-своему.

4. *to* — семантический знак в английском языке, одно из значений которого — указание на форму инфинитива глагола; *the* — определенный артикль имени существительного в английском языке.

5. П. М. Бицилли ссылается на книгу «Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский» (СПб., 1881). Собрание это было выпущено в пяти книгах. Дмитрий Александрович Ровинский собрал и описал около 4700 листов народных картинок, которые иначе называются также лубочными. Издание содержало сказки, басни, забавные листы, календари, буквари, притчи и листы духовные.

В рецензии цитируется текст со стр. 57 пятого раздела пятой книги, посвященного *ученью в старые годы*, битью розгами в школе. Приведем эту же цитату, расширив ее, для более точного понимания идеи самого Ровинского: «И не одних только ребят в школах били в то время: господа потчивали свою крепостную прислугу „березовой лапшей с ременным маслом“, мужья били своих жен для детей, а детей били „для людей“, мастера били учеников, хозяева — рабочих, секли дворян, секли фрейлин, били придворных, и все это по тому правилу, что за битого двух небитых дают, так что при этом

повальном битье в родном языке нашем выработалось особое свойство, по которому из каждого существительного имени — боевой глагол можно выделатъ...»

6. *heit* (нем.) — суффикс существительных женского рода, образует название качеств, свойств, состояний: *Bescheidenheit* — скромность; *Unwissenheit* — невежество, незнание, неосведомленность; *Wohlhabenheit* — состоятельность, зажиточность; *Neuheit* — новизна.

Ich (нем.) — личное местоимение я.

Ichheit (нем.) — 1. эгоизм; 2. филос. Я, собственная личность.

Окончание следует

Нужно ли уметь мастерски говорить?

М. Ю. ГРИГОРЬЕВА

Кого это может интересовать в наше прагматичное «рыночное» время — спросит читатель. Но как это ни покажется странным, проблемы ораторского искусства сейчас, впрочем, как и тысячелетия назад, весьма актуальны. Нет сомнения, что и в будущем красноречие, безусловно, станет необходимым для многих и многих наших сограждан, которых рынок поставит перед необходимостью суметь продать свои руки, свои способности... И умение подать себя в лучшем свете — внешним видом, манерой поведения и, прежде всего, речью — будет играть далеко не последнюю роль.

Как известно из истории, демократические формы устройства государства ставят множество людей перед необходимостью искусного владения словом. Это касается не только парламентариев и политиков всех рангов, для которых в силу публичности их деятельности умение говорить — залог популярности и, следовательно, важное условие успешности карьеры. И в этом смысле наш высший государственный орган, наверное, все же придет к речевой этике британского парламента, когда малейшая неточность в речи навсегда роняет престиж говорящего.

Очень многие люди при создании письменных текстов или при устном общении замечают у себя и некоторую корявость фраз, и идеологические «новоязовские» штампы, и общую скудость речи; переживают и свои проигрыши во многих словесных поединках, когда очень пригодилось бы умение привести собеседника к нужному тебе выводу. Поэтому так велика потребность преодолеть свою «немоту», овладеть словом как мощным инструментом общественного воздействия.

Есть и еще одна причина повышенного интереса к ораторскому мастерству. Дело в том, что начиная примерно с Нового времени речь приняла на себя функцию социального маркера, стратификатора, отмечающего отношение человека к общественной группе, сословию. Раньше эту роль играла одежда, еще раньше — прическа и т. п. Перефразируя известное библейское изречение «по плодам их

узнаете их», сейчас можно было бы сказать «по словам их узнаете их». Именно владение речевыми навыками и нормами той или иной общественной группы является истинным пропуском в нее, невладение же отсеивает непосвященных, «чужаков».

В связи с этим небесполезно познакомиться с тем, как проблемы владения словом ставились и обсуждались на заре нашей цивилизации, в античной Греции. Именно там и тогда они впервые возникли, а именно в эпоху Перикла, в V в. до н. э., когда философская мысль греков, занятая до тех пор объяснением явлений природы, обратилась к проблемам гуманитарных наук и, в первую очередь, к речи. В том была своя жизненная необходимость. Античные источники связывают ее с падением тирании в западной Греции, в Сицилии, установлением там демократической формы правления и с последовавшим вслед за этим резким возрастанием роли ораторской речи в политической жизни греческого полиса. По словам В. Г. Белинского, «республиканская форма правления сделала красноречие самым важным и необходимым искусством». Сформировавшееся в то время представление о человеке, участвующем в политической жизни, одним из важных компонентов включало владение искусством слова.

Другая причина возникновения риторики была не политического, а философского толка. V век был отмечен в Греции идеологическим и нравственным кризисом, кризисом традиционного родового уклада жизни и традиционных ценностей. «Свято место», место новых ценностей, было пусто. В этих условиях философская школа элеатов разорвала казавшуюся до тех пор естественной связь слова и вещи и сделала слово лишь условным обозначением вещи. Итак, слово было отделено, сделано особым предметом исследования. При этом слово стало делом.

И появились те, кто стали называть себя софистами, «учителями мудрости». Вербуя себе учеников, они обещали подготовить их к политической деятельности и научить с помощью красноречия давать перевес слабому аргументу над сильным. В их представлении красноречие должно было преследовать триединую цель: убедить (*docere*), взволновать, побудить (*movere*) и усладить (*delectare*).

Другое представление, страстно полемизируя с софистами, выразил Платон, который единственной целью человеческой речи считал уяснение мысли. Он полагал, что «только на основе знания каждого предмета и знания человеческой души ... возможно истинное красноречие, не то, которое видимым правдоподобием убеждает слушателей, а то, которое сообщает подлинное знание, и вылиться такое красноречие должно не в связные длинные речи, а в диалог».

За этим столкновением двух взглядов на речь можно видеть, с одной стороны, столкновение двух идеологий: уходящей аристокра-

тической (в лице борющегося за нее Платона) и приходящей к власти демократической (в лице служащих ей софистов). С другой точки зрения, от тезиса и антитезиса этих концепций можно подняться к их синтезу и констатировать, что каждая из них была закономерна, развивала свое представление о языке и речи и, тем самым, «свою» функцию языка как социального или как духовного феномена. При этом они, отталкиваясь друг от друга, взаимно развивались и становились определеннее. И не была одна из этих концепций «правильной», а другая «неправильной». Обе они в непримиримых столкновениях «нащупывали» сложную природу феномена человеческого языка, осмысляя и развивая разные его функции.

Попытки синтезировать эти концепции были предприняты тогда же, в античности, Аристотелем в «Риторике» и знаменитым философом и ритором Теофрастом: «Речь бывает двух родов: одна ориентирована на слушателей, когда говорящий ставит себе задачу убедить слушателей, другая находится в зависимости от предмета, относительно которого говорящий что-либо разъясняет. В речи, имеющей в виду слушателей,.. стоит задача ... услаждать слушателя и поражать его и, подчинив себе силой убеждения, иметь в своей власти. В речи же, в которой интерес сосредоточен на предмете, философ прежде всего будет заботиться о том, чтобы опровергнуть ложь и доказать истину».

Античная теория красноречия, разрабатываясь в нескольких направлениях, состояла из трех учений: теории стиля, подразделяющейся на три главных раздела: выбор слова, словосочетания и фигуры; учения о типах (видах) речи: «совещательном», используемом в политических институтах, «судебном», «торжественном», используемом при важных общественных и государственных событиях и др.; учения о качествах (достоинствах) речи, описывающего идеальную речь.

Остановимся несколько более подробно на учении о качествах речи. Представление об идеальной речи, как следует из античных риторик, могло сводиться к одному из двух подходов: монистическому, содержащему в основе оценки речи только один критерий, или множественному, содержащему несколько таких критериев. Монистического подхода придерживался Аристотель, для которого основным качеством речи являлась ясность, и позже школа Эпикура, которая в речи придавала цену только тому, что познается логикой.

Множественный подход к оценке качеств речи отражен в многочисленных риториках эллинистического времени (Теофраста, Диогена Вавилонского, Дионисия Галикарнасского, Деметрия, Цицерона, Гермона). При этом объем качеств мыслился то как строго определенное, то, позже, как неопределенное и все увеличивающееся множество.

Проследим за развитием множественного подхода. Эта традиция берет начало от софистов. Уже Аристофан призывает к чистоте греческой речи, ее ясности и соответствию характеру говорящего. Позднее школа Исократы требовала от изложения ясности, краткости и правдоподобия. Теодект, ученик Исократы, а впоследствии Аристотеля, в своей «Риторике» выдвигает критерии величественности и приятности. Понятие уместности, или соответствия предмету и говорящему, возникло в кругах пифагорейцев в V веке, а от них было усвоено софистом Горгием.

Классик риторики философ Теофраст в не дошедшей до нас книге «О стиле» приводит весь обширный, накопившийся к его времени материал в ту систему, в какой он затем и преподносится эллинистическо-римской традицией. Он выделяет четыре достоинства речи: чистоту, ясность, соответствие говоримому и говорящему и красоту, подразделяемую на приятность (сладость) и величавость. Послетеофрастовская риторика, различно варьируя, все же неизменно придерживается этих четырех качеств.

Дальнейшее развитие учения о качествах связано со школой стоиков. Диоген Вавилонский (середина II в. до н. э.) вносит в список качеств Теофраста еще одно — краткость: «Достоинств речи пять: чистота эллинской речи, ясность, краткость, уместность, красота. Чистота эллинской речи заключается в чуждом ошибок способе выражения; в обиходной речи, но обработанной, а не случайной. Ясность есть способ выражения, представляющий мысль так, чтобы она была легко познаваемой. Краткость есть выражение, заключающее в себе только необходимое для уяснения предмета. Уместность есть выражение, соответствующее предмету. Красота есть выражение, избегающее обыденности».

Так начинается постепенное увеличение числа качеств речи, которое затем растет все дальше и дальше. Появляются такие качества, как изящество, плавность, сила, напряженность и др. Свое античное учение о качествах речи получило в работах ратора Гермогена (конец II — начало III вв. н. э.), который как для поздней античности, так и для Византии стал главным авторитетом в вопросах риторики. Гермоген добавляет к теофрастовским критериям такие достоинства, как внушительность и величавость, торжественность, суровость, стремительность, блистательность, живость, пространный, горячность, простоту, сладостность, правдивость, мощь. Все эти качества выводились из анализа стиля образцового оратора Демосфена. Различным образом комбинированные, они и должны были, по представлению Гермогена, служить предметом подражания. Таким образом, риторика приходит к неопределенной множественности качеств. При этом важно отметить, что проблемы мастерского владения словом в античности занимали умы не только

философов. Риторика являлась неотъемлемой частью античного образа мышления.

Начавшись в античности, работа по изучению и отбору качеств речи не закончена и не систематизирована по сей день. Современные исследования, основывающиеся на античной традиции, не демонстрируют такую палитру взглядов и мнений, как древние источники, хотя и значительно углубляют проблематику теории качеств. Возможно, современному состоянию теории не хватает альтернативных концепций. Но в нынешний период демократизации снова, как когда-то в истории, возрастает роль риторики, становящейся активной силой. И, следовательно, есть надежда, что общественная потребность снова вызовет повышенный интерес к теоретическому осмыслению проблем ораторского искусства, и новые исследования не заставят себя ждать.

Латвия, Лиеная

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ

С. И. ВИНОГРАДОВ,
кандидат филологических наук

Красота речи не тождественна красивости и не сводится к искусственному украшательству. Тем не менее уже в древности знали, что воздействующая сила речи возрастает, если она чем-то выделяется. «Красноречие, — писал М. В. Ломоносов, — есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется *речь или слово*» (Краткое руководство к красноречию. М., 1958. С. 53). Намеренные отклонения от нейтрального речевого стандарта еще в античной риторике получили название *т р о п о в и ф и г у р*.

Троп — переносное значение слова, выражения, фрагмента текста. В чем же различия между «обычной» и тропеизированной речью? Вспомним одно из выступлений на Первом съезде народных депутатов СССР. Уже тогда много говорилось об обострении международных отношений в стране. Депутат, посвятивший немалую часть своего выступления этой проблеме, мог бы начать свою речь примерно так: «Дорогие товарищи, проведение перестройки затрудняется национальной рознью, которая порой приводит к кровопролитию». Однако начало выступления — а на трибуне был поэт Е. Евтушенко — оказалось иным: «Дорогие товарищи, нелегко сеять семена перестройки в землю с трещинами национальной розни. Что стоят тосты за дружбу народов, когда под ножки стола подтекает кровь?» Создаваемый образ обогащает текст новыми смысловыми и эмоциональными оттенками, способствует возникновению у слушателя сложного комплекса ассоциаций.

Традиционно тропы разделяются на образованные по смежности и по сходству. Перенос по смежности называется *метонимией*. Существуют регулярные модели метонимического переноса наименования. Название собрания или какого-нибудь другого социального мероприятия может быть перенесено на его участников (Съезд принял важный закон), именем столицы государства может быть названо его руководство (Лондон представил альтернативный проект договора). Наименование Белый дом в зависимости от контекста и

ситуации служит обозначением руководства США или названием российского парламента и т. п.

Значительно большим экспрессивным потенциалом обладают тропы, созданные по сходству, и среди них важнейшее место принадлежит метафоре.

Метафора — перенесение наименования с одного объекта (предмета, лица, явления) на другой, сходный с первым в каком-либо отношении. Метафора — царица тропов, поскольку представляет собой нечто большее, чем прием выразительной речи. Метафора — инструмент познания действительности и способ существования в ней. Разве не метафорой природы является английский парк, разбитый перед домом, и разве не метафоричны устремленные вверх купола и островерхие завершения соборов? С метафорой связаны многие операции по обработке знаний — их усвоение, преобразование, хранение и передача. Поэтому столь значительна роль метафоры в коммуникации, о чем, в частности, свидетельствует и парламентское общение. С современными взглядами на метафору можно познакомиться в работах: Теория метафоры. М., 1990; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., Институт русского языка РАН, 1991; Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.

Метафора может быть реализована в слове, словосочетании, предложении, фрагменте текста. Метафорическое переосмысление слова ведет к возникновению его нового значения: волна — «водяной вал» → «сильное, массовое проявление чего-либо» (волна недовольства); базар «место розничного торга» → «шум, беспорядок» (не заседание, а какой-то базар); зарубить «убить рубящим орудием» → «воспрепятствовать, лишить возможности сделать что-либо или быть кем-либо» (зарубить кандидатуру). Слова-метафоры нередко используются в каламбурах, основанных на игре разными значениями лексических единиц: «Депутаты! Кончайте базар — переходите к рынку».

Самой распространенной формой выражения метафоры являются двучленные словосочетания. Это могут быть генетивные обороты, построенные по модели «именительный падеж существительного + родительный падеж существительного»: *война законов, парад суверенитетов, паралич власти*. Или атрибутивные словосочетания «прилагательная + существительное»: *обвальная приватизация, инфляционная спираль, идеологический вакуум*.

Распространенность метафор этого типа объясняется тем, что в них в наиболее явном виде обнаруживается сам механизм метафоризации. Метафора всегда бинарна (двухчленна), так как в ее основе

лежит взаимодействие двух информационно-смысловых комплексов.

Тот объект, характеристики которого переносятся на другой, называется источником (поскольку он служит исходной точкой метафоризации), или метафорической моделью. Предмет или ситуация, которые образно интерпретируются с помощью метафорической модели, принято называть целью или объектом метафорического осмысления. Например, в метафорах *война законов* и *паралич власти* в роли источника выступают понятия «война» и «паралич», а целью, или объектом, метафорического осмысления являются законы (законодательная деятельность) и власть.

Метафора, реализуемая в предложении, обычно образно представляет какое-либо явление как действие, состояние, процесс: «Так называемая „сильная рука“ всегда готова зловеще прирасти к рыхлому телу слабой экономики» (I Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет); «Ввиду остаточного финансирования здравоохранения наши покупатели — нищие. Поэтому... дприятия медтехники и фармации — два коня, пасущиеся на скудной бюджетной лужайке отечественной медицины, от бескормицы так отошали, что не могут не только скакать или бродить, но давно лежат и тяжело поводят боками» (II Съезд народных депутатов РСФСР).

Метафора — фрагмент текста — представляет собой развернутое и достаточно детализированное описание некоего объекта метафорического осмысления. В качестве примера метафоры этого типа можно привести начало выступления на IV Съезде народных депутатов СССР Президента Казахстана Н. А. Назарбаева: «Уважаемые народные депутаты, уважаемый Президент! Позволю себе еще раз использовать метафору, столь полюбившуюся многим парламентским корреспондентам. Да, мы с вами уже четвертый раз вновь собрались на нашем довольно вместительном и оттого, наверное, слишком тихоходном и неповоротливом корабле. Если раньше политическое море лишь волновалось, то сейчас штормит, и очень крепко. И стоит ли удивляться, что, глядя на неуверенность рулевого, часть команды пытается перехватить управление, изменить курс. Другая спешит к спасательным шлюпкам, надеясь продолжить плавание автономно. А третья полна надежд вернуться к старым берегам, от которых мы не так уж далеко ушли» (Стенографический отчет). Развертывание базовой метафорической модели: Съезд — *корабль в штормящем море политической жизни страны* — позволяет дать характеристику самому съезду как высшему органу власти (вместительный, но тихоходный и неповоротливый корабль), политическому лидеру (неуверенность рулевого), противоборствующим политическим силам (частям команды, избирающим свою линию политического поведения в сложившейся ситуации).

Как нетрудно увидеть из приведенных примеров, метафоры, реализуемые в предложении и тексте, нередко строятся по принципу «метафорической матрешки»: метафоры более высокого уровня (предложение, текст) как бы вбирают в себя метафоры более низкого уровня (слова и словосочетания).

Обобщенность и образность метафоры делают ее весьма удобным и привлекательным инструментом коммуникации: она освобождает от бремени строго рационального и логически последовательного описания какого-либо объекта и оставляет простор для множественной интерпретации сказанного, а следовательно, предполагает возможность альтернативного вывода. Под «ремонтom общественного здания» может пониматься лишь «побелка фасада» (то есть совокупность поверхностных или даже чисто декоративных изменений), но может пониматься и «капитальный ремонт со сменой перекрытий» (что будет означать кардинальные изменения в экономике, политике, идеологии). «Парад суверенитетов» может подразумевать самые различные суверенные притязания — от требования (региона, национально-территориального образования) предоставить бóльшую экономическую самостоятельность до объявления полной независимости и выхода из федеративного государства.

Нередко метафора используется в качестве аргумента. «Метафора — это приговор суда без разбирательства», — так афористично сказано о ней в одной лингвистической работе (Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. С. 28). Вместо тщательного поиска логически варифицируемых доводов в пользу, скажем, утверждений о гибельности «глубокой» суверенизации республик парламентский оратор вполне может ограничиться приведением метафорических характеристик типа *гангрена суверенизации*, *парад суверенитетов*, *синдром (вирус) суверенитета*.

Стало общим местом утверждение, что наиболее яркой чертой политической метафорики является широкое распространение «военных» метафор. В этом справедливо видят одно из проявлений милитаризации сознания человека в советском обществе. «Концептуальный милитаризм» (термин авторов книги «Русская политическая метафора») индуцировался коммунистической идеологией с ее теорией классовой борьбы и закреплялся историческими реалиями революций, войн и террора. Уже в первое послереволюционное десятилетие глобальная «военная» метафора заполнила все коммуникативное пространство — от выступлений вождей (по некоторым подсчетам, в речах Сталина метафоры этого типа составляли 90%) до газетных публикаций на сугубо бытовые темы.

Достаточно широкое использование военной метафорики характерно и для современного парламентского речевого обихода. В выступлениях депутатов, государственных деятелей постоянно встре-

чаются обороты наподобие следующих: *атака на демократию, нахождение под огнем критики, выйти из окопов, работать на два фронта, война законов, капитуляция перед консерваторами, крестьянский поход против партийного и советского аппарата, призвать под знамена демократии, торпедировать объективные экономические законы, открытая диверсия, информационная блокада, товарная интервенция, инфляционная мина* и т. д. При этом избыточность военной метафоричности и ее скрытый смысл ощущают и сами парламентарии:

Депутат: Если к власти стремятся только ради власти, то в политический язык вторгается военный лексикон, соперник превращается во врага. Всякая политическая культура исчезает, появляются термины «блокада», «оккупация». История развития нашей страны неоднократно доказала, что чем глупее, подозрительнее и злее были такие политики, тем больше они видели вокруг себя, среди нормальных людей, злых и подозрительных врагов (IV Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет).

Конечно, не следует видеть за каждым случаем употребления военного термина в переносном значении коварный замысел захвата власти или природную агрессивность человека. Однако и нельзя забывать о том, что чрезмерный «метафорический милитаризм» оказывает воздействие на сознание, ориентируя человека на борьбу и распри, а не на мир и поиски согласия.

Весьма распространены в парламентском общении и так называемые механистические метафоры, где в роли источника (метафорической модели) выступают понятия из области производства, техники, строительства и т. п.: *реконструкция общественного здания, гибкий механизм ценообразования, система сдержек и противовесов президентской власти, нажимать на газ и на тормоз, рычаг власти, демонтаж командно-административной системы, придинок государственной машины, запустить машину голосования* и т. д. Механистические метафоры универсальны — они встречаются в разных языках. Однако особое пристрастие к ним в русском политическом общении советского периода можно объяснить сакрализацией, то есть осознанием как чего-то священного, «базиса», сферы материального производства, что было естественным следствием исповедания марксизма-ленинизма как новой религии.

По семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей — составить представление о ситуации, в которой она оказалась. Не случайно ходовыми в наши дни оказались метафоры кризисного положения, катастрофы, тупика и поиска выхода из них: *оказаться в тупике — выйти из тупика, повернуть в бездну — выбраться из бездны, находиться на самом дне пропасти — вы-*

браться из пропасти. Но чаще всего ситуация (или ее фрагменты) метафорически осмысливается как болезнь, аномалия, а выход из нее предстает в образе излечения: экономическая болезнь, поставить диагноз, парламентский кризис, паралич власти, вирус суверенитета, конвульсии системы, прогрессирующая болезнь общества, реанимация партийно-аппаратной структуры, синдром забастовок, общество выздоравливает, выздоровление от глубокой аллергии к рынку и т. д.

Не все метафоры равноценны. Среди них есть удачные и неудачные, оригинальные и стереотипные, уместные и неуместные.

Неудачными следует признать, например, такие метафоры, в которых источник не соответствует объекту метафорического осмысления:

Д е п у т а т С. (известный писатель). Я призываю вас, дорогие товарищи, помнить о том, что демократия — еще юная девочка, так скажем. И сразу требовать от нее удовлетворения всех своих страстей, не дав достигнуть ей совершеннолетия хотя бы,— это просто уголовное преступление (Оживление в зале).

Пусть она подрастет, пусть плод созреет, не будем сразу же рвать зеленые яблоки и ждать решения всех наших проблем именно сегодня, именно на этой трибуне, именно в эти дни (I Съезд народных депутатов. Стенографический отчет).

При всей нетривиальности эту метафору нельзя занести в список литературных удач автора: при сакральности понятия «демократия» в обществе, которое только-только начинает выходить из тоталитаризма, представление ее в образе девочки, которая становится или может стать объектом сексуальных домогательств, нельзя расценить иначе, как ничем не оправданную в данной ситуации развязность.

Итак, метафора — острое орудие, но, как и любое оружие, она требует умелого обращения, в противном случае эта метафора может оказаться направленной против того, кто ее применяет ...

Заглавная и строчная буквы в культовых словах

Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

В русской письменной речи есть традиция начинать с заглавной буквы слово, передающее уникальное, единственное в своем роде понятие, и буква эта очень значима. Кто-то скажет: «Не в букве суть!» Нет, в букве тоже суть! Недаром, такие слова, как *Бог*, *Троица*, *Бог Отец*, *Бог сын*, *Слово*, *Церковь*, *Небо*, *Покров* и многие другие, еще недавно было запрещено начинать с большой буквы. Запрещение было одной из форм антирелигиозной политики. В 1918 году тайно запретили, сейчас молча разрешили, а традиции во многом утрачены, поэтому в написании целого ряда таких слов наблюдается разноречивость. Кстати, «Декрет о введении новой орфографии» 1918 года, подписанный М. Покровским и В. Бонч-Бруевичем, не содержит никаких указаний о заглавной или строчной букве в названных выше словах (текст «Декрета» см.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 253).

В 1991 г. в журнале «Русская речь» № 4 была напечатана статья Л. К. Чельцовой «Как писать *бог* или *Бог?*». Нам показалась недостаточной апелляция автора к «Правилам русской орфографии и пунктуации» (1956) для оправдания современного написания *Бог* с заглавной буквы: «Написание слова *Бог* ... с прописной буквы вполне соответствует § 109 действующих правил, предусматривающих употребление прописной буквы в нарицательных именах в особом стилистическом употреблении и очевидно не вызывает никаких возражений» (с. 66). Разве здесь дело только в стилистике?

Прежде чем изложить свою позицию, обратимся к истории вопроса. В древнерусской письменности, особенно раннего периода, наши

писцы не делали различия между большими и малыми буквами. Устав и полуустав — это ровное, одинакового размера по высоте начертание букв в строке (отсюда *строчная* буква), где выделяются изредка инициалы — различного стиля рисунки, основанием которых служат крупные буквы. Такие буквы встречаются в заголовках (отсюда *заглавная* буква), в начале абзаца. Выделяются в древнем тексте еще выносные буквы. Они должны были уместиться между строк и поэтому имеют малый размер.

Никакого выделения на письме имен собственных с помощью заглавной буквы, которыми пестрят современные тексты, и в помине не было. Более того, текст еще в XIV—XV вв. и позднее писался без разделения на слова — «сплошняком». При этом для писца и чтеца, надо думать, были понятны не только «собственность» имен Иоанн, Анна, Новгород, Киев, но и «особость» таких слов, как Бог, Владыка, Владычица, Святой Дух, Евангелие и подобных, которые писались сокращенно под титлами, с выносными буквами как хорошо известные и часто встречающиеся.

В XVI—XVII вв. появляется скоропись, где прослеживается тенденция употребления строчных букв увеличенных размеров как пограничных сигналов слова. Однако точных правил употребления этих больших букв не существовало, никаких собственных имен они не выделяли.

Лишь в XVIII веке в русских грамматиках ставится вопрос о написании имен собственных с заглавной буквы.

Закрепление на письме увеличенных размеров строчных букв как заглавных происходило в XVIII—XIX вв. параллельно с появлением пробелов между словами (Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 34).

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что такие имена, как Иван, Мария, Вероника, Виктория следует писать с заглавной буквы, хотя есть случаи параллельного от них образования нарицательных имен, которые пишутся с малой буквы. Такие названия растений, как иван-да-марья, вероника, виктория-регия служат тому примером.

Однако целый ряд слов пишется то с большой, то с малой буквы: Бог/бог, Церковь/церковь, Слово/слово, Небо/небо, Дева/дева, Покров/покров, Троица/троица, Сын/сын, Патриарх/патриарх. Если быть точным, то следует сказать, что это не одно слово, которое пишется то с большой, то с малой буквы, а два разных слова: одно — имя собственное, другое — нарицательное, за которыми стоят разные понятия, хотя в словарях вы не найдете одно слово с разными значениями или совсем не найдете того значения, при котором следует писать заглавную букву.

Двойное написание происходит не по прихоти пишущего или редактора, оно обуславливается религией и идеологией. Далее речь

будет идти о православной традиции написания слов, передающих высокие и высочайшие понятия, с заглавной буквы; эти слова из специальных текстов проникают в обычную литературу, вплоть до газетных статей. И коль скоро они не теряют своего смысла в повседневном употреблении (а они могут его терять), то они должны сохранять и характер своего написания, принятый в духовной литературе.

Эти слова потому и начинаются с заглавной буквы, что за ними, по православному пониманию, стоят не только самые высокие понятия, но эти понятия представляют абсолютную единственность, а их имена являются именами собственными, даже более, чем собственными. Это становится понятным при сравнении имен Бог Сын и Иисус, Богородица и Мария.

Понятие Бог Сын/Сын Божий/Сын совершенно уникально, и его личное имя единственно-собственное в том смысле, что оно может относиться только к той Божественной личности, которую принято называть второй ипостасью Троицы. Имя Иисус (евр. «спаситель») было известно до рождения Христа, его носят многие люди и сейчас в христианском мире.

Имя Богородица не имеет нарицательной параллели. Это определяется существом понятия, выраженного в речи двусловным словом, которое собрало воедино два понятия: Родившая Бога. Сочетание этих понятий единственно и потому не имеет аналога в нарицательной лексике, так же как и Богоматерь, Богоневеста. Эти слова созданы как имена собственные, а не возникли из имен нарицательных. Имя Мария (евр. «госпожа») — самое распространенное среди женщин во всем мире. Оно было известно и до рождения Девы Марии. Заметим, кстати, что в православной традиции имена Иисус и Мария даются людям не в честь Иисуса Христа и Девы Марии, а в честь святых, носивших эти имена.

Следует сказать, что слова Бог, Бог Сын, Бог Дух, Богородица часто употребляются, говоря языком грамматики, с определениями и дополнениями. Они постоянны и известны; могут использоваться в тексте и заменительно, то есть самостоятельно, без слов Бог, Бог Сын, Дух, Богородица. Эти слова, являясь заместителями имен собственных и выражая сущность и сущностные свойства Бога, пишутся также с большой буквы: Бог есть Дух Вечный, Всеблагий, Всеведущий, Всеправедный, Всемогущий, Вездесущий, Неизменяемый, Вседовольный, Всеблаженный (Православный церковный календарь. 1991. С. 84). Прилагательное Божий от Бог пишется с заглавной буквы.

Нарицательное имя *бог* — это то слово, за которым изначально стоит иное понятие, чем в слове Бог. Это боги в политеических религиях (при многобожии): боги славянского пантеона — бог Пе-

рун, богиня Мокошь; боги греческого пантеона — бог Посейдон, богиня Юнона; *богиня* — только имя нарицательное. Сюда же может быть условно отнесен тот случай, когда речь идет о людях, приравняемых к Богу лишь в некотором смысле: «вы суть боги». В приведенных примерах играет роль множественность понятия.

В других случаях произошла утрата главного, основного смысла понятия Бог, когда слово не вмещает в себя сущностных свойств Бога. Это произошло во многих обиходных устойчивых словосочетаниях: *ей-богу* — это божба, где *ей* означает «да» (однако в молитвенном обращении: «Ей, Господи мой, утешение мое»); *не бог весть, бог знает* и мн. др. В этих и в целом ряде других выражений все зависит от речевой ситуации. Так, выражение *слава Богу* — церковное, каноническое, это определенная формула, когда Богу воздается слава, хвала и потому в соответствующих текстах слово Бог — несомненно имя собственное. Выражение *Бог знает* восходит к одному из сущностных свойств Бога — Всеведущий. Из таких текстов слово перешло в обиход, утратив понятие Бог, и слово *бог* стало именем нарицательным. То же произошло с такими выражениями, как *ради Бога/бога, с Богом/богом, дай Бог/бог, не дай Бог/бог, побойся Бога/бога* и др. Решение вопроса здесь неоднозначно. Поэтому прежде чем написать заглавную или строчную букву в таких словосочетаниях, нужно подумать, кто и при каких обстоятельствах их употребляет, ср. у Пушкина: «Не дай мне Бог сойти с ума», Ив. Шмелева: «Она при монастыре служит, работает ради Господа».

Личное собственное имя Бог Сын постоянно сопровождается или замещается словами Спаситель, Спас мира, Богочеловек, Единосущный (Отцу), Единородный (то есть единственный), Слово (Логос) (ср. слова молитвы, обращенные к Божьей Матери: «О, Мати Слова и Дево»), Живодавец. Всемиловитый, Человеколюбец, Создатель, Творец, Пастырь, Агнец, Владыка и др. Это тоже имена собственные.

Есть два слова *Дух* и *дух*. При слове Дух обычно стоит другое слово: Святой Дух, Бог Дух, Дух Божий, Божественный Дух — третья ипостась Троицы. Слово Дух употребляется в текстах и без этих дополнительных слов, например, «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям» (Апокалипсис). Бог Дух имеет такие сущностные свойства, выраженные словами: Животворящий, Вездесущий, Утешитель, Душа истины.

Нарицательное имя *дух* имеет несколько значений, в том числе дух, которым наделен человек (кроме души). Это понятие не единично: сколько людей, столько духов. В Послании к римлянам св. апостола Павла сказано: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (гл. 8, ст. 16), где в одной фразе представ-

лены оба имени — и собственное и нарицательное. С этим значением нарицательного имени *дух* связано обиходное выражение *быть не в духе*, реже — *быть в духе*. Если слово *дух* имеет значение «направление, учение», то оно пишется со строчной буквы, даже если имеет определение Христов, ср. «Чужды духу Христову» (Вл. Соловьев. Три разговора). С собственным именем *Дух* связано название праздника на следующий день после Троицы — *Духов день/День Святого Духа*.

Собственным именем Троица обозначается высочайшее духовное понятие, хранящее в себе тайну нераздельной и в то же время неслитной Троицы: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой (три лица или три ипостаси).

Другое имя собственное Троица, Троицын день, День Святой Троицы — праздник, иначе называемый Пятидесятница (50-й день после Пасхи), пришедший к нам из Ветхого Завета. Суть его воплотилась во всемирно известной иконе преподобного Андрея Рублева «Троица» (3-е собственное имя), где Бог является Аврааму под видом трех Ангелов. Известно, какое лицо Троиединого Бога в котором из Ангелов воплощено Андреем Рублевым. В поэтической форме осмысление единого в трех лицах Божественного существа мы находим в оде Г. Р. Державина «Бог»: «О Ты, пространством Бесконечный, Живый в движеньи вещества,/Теченьем времени Превичный,/ Без лиц в трех Лицах Божества».

Существует и имя нарицательное *троица*, образованное от имени собственного: «О трех людях, трех лицах (обычно дружных или всегда бывающих вместе)» со стилистической пометой «разг., шутл.» (Словарь русского языка. Т. 4. М., 1988. С. 414).

Праздник Пятидесятницы праздновался древними иудеями. Именно в этот день апостолы (ученики Христа) и Богоматерь собрались вместе в одном из домов Иерусалима. Там совершилось сошествие на них Святого Духа в виде языков пламени, что изображено на многих иконах. С этого дня апостолы начали проповедовать христианство в мире и создавать церкви в разных странах, поэтому этот день считается началом образования Церкви.

«Тончайшее понятие о Церкви Христовой...: она есть от Бога установленное общество верующих во Христа, соединенное Словом Божиим, священноначалием и таинствами, под невидимым управлением самого Господа и Духа Божия для вечной жизни и спасения» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2, СПб., б/г. С. 2329). Такое определение этого духовного понятия дает основание для отнесения слова *Церковь* в данном значении к именам собственным. Кроме него есть имя нарицательное *церковь* со значением «дом, здание, место, куда собираются верующие в Бога и

Христа». Русское слово *церковь* связывают с греческим *kyriakon*, что значит «дом Господень».

Личное имя Богородица может сопровождаться или замещаться многочисленными словами, которые постоянно присутствуют в молитвах, песнопениях и акафистах. Все эти слова весьма значимы, и за каждым стоит высокое духовное понятие. Особенно часто встречается слово Дева: в сочетаниях Богородица Дева, Дева Мария или просто Дева. Это имя собственное, так же как и следующие слова, когда они относятся к Богородице: Госпожа, Владычица (мира), Царица, часто Царица Небесная, Заступница, Ходатаица, Чистая, Непорочная, Преплагая, Благодатная и др.

Различные именованья святых по характеру их земного служения Богу являются именами нарицательными в силу множественности лиц в каждой категории и пишутся обычно со строчной буквы: *пророк, апостол, равноапостольный, святой, святитель, преподобный, мученик, великомученик, священномученик, блаженный, благоверный, праведный*. Однако эти наименования часто употребляются без имени святого: не преподобный Серафим, а Преподобный: «Не могла утаиться от прозорливости Преподобного». Они пишутся в этих случаях с заглавной буквы как заменяющие собой имя собственное.

Слова *архистратиг, архангел, ангел, серафим, херувим* пишутся со строчной буквы как именованья многочисленных бесплотных духов в каждом роде Небесного воинства. Заглавная буква может быть поставлена (так же, как и у святых), когда одно из этих слов замещает собой собственное имя, например, архистратиг Михаил — Архистратиг, или в том случае, если слово Ангел употребляется вместо Бог. Ангел-хранитель по традиции пишется с заглавной буквы. Разнописание в этих словах очень велико.

Наименования лиц духовного звания и само духовное звание (сан) должны писаться со строчной буквы как номенклатура церковной иерархии: *дьякон, протодьякон, иерей, протоиерей, архиерей, епископ, архиепископ, архимандрит, митрополит*, а также общее название для иерея и протоиерея — *священник* и общее название для всех, служащих в церкви, — *священнослужитель*. Духовное лицо в православной церкви, обладающее высшей церковной властью, имеет титул патриарха. Этот титул и наименование духовного лица, безотносительно к конкретной личности, пишутся со строчной буквы. Когда же речь идет о Патриархе данного отрезка времени, единственном лице, наделенном высшей властью, то слово, его называющее, есть имя собственное. Оно может употребляться с последующим именем личным: Патриарх Алексей, Патриарх Пимен, Патриарх Тихон. Заглавная буква указывает здесь не только на единственность, но и на высоту сана, на особое уважение, почитание.

Часто пишут: Святейший Патриарх, Патриарх Московский и всея Руси. Это правило должно применяться, с нашей точки зрения, и в отношении таких слов, как Папа/папа (глава католической церкви), Экзарх/экзарх (глава церкви Болгарии), Католикос/католикос (глава церкви Армении) и пр.

Понятно, что названия книг и в том числе священных, их частей, разделов как имена собственные пишутся с заглавной буквы: Библия, Евангелие, Псалтырь, Апокалипсис (такое написание было дозволено даже в словаре Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?» (М., 1985, С. 323), где большая часть анализируемых нами слов отсутствует, а для названий, например, религиозных праздников и постов рекомендуется только строчная буква (там же). Нужно сказать о некотором общем правиле: если имя собственное состоит из двух или нескольких слов, то с заглавной буквы пишется только первое слово: Песнь песней, Деяния св. апостолов и те слова внутри словосочетания, которые сами являются именами собственными, например, Евангелие от Иоанна, Притчи Соломоновы.

Однако есть случаи спорные или требующие специального разъяснения. Библейское Пятикнижие состоит из пяти книг, их названия часто пишутся неверно: Книга Бытия, а следует писать *книга Бытия*, *книга Исход*, *книга Левит*, *книга Числа*, *книга Второзаконие*, то есть все собственные имена стоят здесь в именительном падеже, а слово *книга* в состав имени не входит и в контексте может опускаться. Почему пишется книга Руфь, но книга Иова? Первая из книг написана о Руфи, а во второй автором признается сам многострадальный Иов.

Названия двух частей Библии Ветхий Завет и Новый Завет терминологичны: завет (евр. berit «постановление, условие, закон», далее «договор, союз»). В священных книгах описывается Союз Бога с человеком, поэтому слово Завет пишется с заглавной буквы. Священное Писание включает в себе Ветхий и Новый Завет; оно может писаться вариативно: Писание/Писания/Святые Писания. Этому понятию противостоит другое: Предания (устные) (см. Толковая Библия. Т. 1. СПб., 1904—1907). Названия священных книг других религий также пишутся с заглавной буквы: Коран, Талмуд и под.

В подавляющем числе случаев названия молитв и песнопений православного богослужения пишутся с заглавной буквы и в кавычках. Они часто являются первыми словами молитвы (как и названия многих стихотворений). Вот несколько примеров: «Мироносицам женам», «Приидите людие», «Да воскреснет Бог» (ср. в поэзии: И. А. Бунин «Стояли ночи северного мая», Ф. И. Тютчев «Есть и в моем страдальческом застое», А. С. Пушкин «Погасло дневное светило»). Однако некоторые названия молитв пишутся без кавычек, что вполне понятно, когда это не первые слова, например: Символ

веры, Канон Андрея Критского, Херувимская песнь/Херувимская, Молитва мытаря. Но есть исключения из этого правила: Отче наш, Святый Боже, Богородица пишутся без кавычек, хотя эти названия — также начальные слова этих молитв. С нашей точки зрения, эти последние названия должны писаться в кавычках, иначе они на письме неразличимы от самих молитвенных обращений: Отче наш, Иже еси на Небесех; Святый Боже... помилуй нас; Богородице Дево, радуйся...

Названия праздников и отрезков времени праздничных или предшествующих праздникам, в частности, названия длительных (а не однодневных) постов, являются именами собственными и подчиняются общему правилу написания: Пасха/Светлое Христово Воскресение, Антипасха/Красная Горка, Рождество/Рождество Христово, Рождество Богородицы, Покров/Покров Пресвятой Богородицы (покров, греч. омофор «часть одежды в виде длинного полотнища» — праздник православной церкви в честь явления Божией Матери в Константинополе в X в. Андрею Юродивому, молящейся и расprostершей свой покров над христианами для защиты от военного нападения), Николин день/День святителя Николая/Никола зимний и Никола весенний, Ильин день/День святого пророка Илии, Неделя православия, Великий пост (перед Пасхой), Петров пост/Петровки (перед Днем апостолов Петра и Павла); Страстная неделя/Страстная седмица (неделя перед Пасхой, когда вспоминаются страсти — страдания Христа) и ее дни: Великий/Чистый Понедельник, Великий Вторник, Великая Среда, Великий Четверг/Четверток, Великая Пятница/Пяток, Великая Суббота — таково традиционное написание названий этих дней. Дни обычных недель пишутся с малой буквы: Фомино воскресение.

В духовных текстах в молитвах и в светской литературе встречается немало слов-двойников: имя собственное и нарицательное. В ряде случаев их различение совсем не просто. Возьмем один такой пример и предложим его объяснение, данное архимандритом Борисом: «В Священном Писании под словом „небо“ в некоторых местах разумеется физическое небо, то воздушное пространство, которое окружает Землю, а в других местах — духовный мир, Ангельские силы; так же, как и под словом „земля“ в некоторых местах разумеется земля в буквальном смысле, а в некоторых — человечество, то есть род человеческий, населяющий Землю.

Слова „Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на Земли“ (из молитвы „Отче наш“. — *Н. П.*) можно передать следующим образом: пусть человеческий род, люди исполняют Твою волю, как исполняют ее Ангельские силы» (Православный церковный календарь. 1993. С. 98). Такое же употребление слов *Небо*, *Небеса* мы постоянно встречаем в поэзии: «Нет, если ты Небес избранник, Свой дар, Божествен-

ный посланник, Во благо нам употребляй...» (Пушкин. Поэт и толпа). Так же и слово Земля — в значении «планета, человечество».

Есть еще множество слов, требующих специального разъяснения, но скажем лишь о некоторых. Так, названия мировых религий и их ответвлений пишутся со строчной буквы: *христианство, мусульманство/магометанство/ислам, буддизм, конфуцианство*; в христианстве: *католичество, протестантство, англиканство, армяногригорианство, старообрядчество*. Однако в русской духовной и светской литературе до 1918 г. и сейчас Православие постоянно пишется с заглавной буквы, что понятно, но не правомерно. Впрочем, можно встретить и другое написание: Неделя православия (В. Даль. Толковый словарь. СПб.— М., 1882. Т. III. С. 380).

Таким образом, предлагаемый подход к написанию с заглавной или строчной букв культовых слов русской лексики дает лингвистическое обоснование, не противоречащее богословскому пониманию.

Почему бы и нет?!

О. Е. МАКАРОВА

Разговорная речь нашей повседневной жизни строится по законам, отличным от тех, которые организуют литературный язык. Заметим, что за термином *разговорная речь* (он традиционен) стоит понятие об особой форме существования литературного языка. Эта языковая система специфична в силу условий, в которых протекает наше повседневное общение: во-первых, разговорная речь всегда неподготовлена (спонтанна), во-вторых, между говорящими отсутствуют официальные отношения, в-третьих, говорящие непосредственно участвуют в акте общения.

Изучение разговорной речи — серьезная и актуальная задача, цель которой — описать реальную жизнь языка, выявить законы его функционирования, доказать, что реплики типа «Носки я рада что купила» или «Там его нельзя закрывать окно», которыми мы обмениваемся на ходу, составляют основу нашего общения. Ущербные с точки зрения традиционной грамматики, они демонстрируют более широкие возможности языковой системы разговорной речи: в этой системе говорящий легче, свободнее и чаще производит новые единицы, эта система более регулярна и меньше страдает от лексических, синтаксических и прочих ограничений.

Разговорная речь диалогична; типы и виды диалогов многообразны и зависят от конкретной ситуации общения (например, дискуссия, бытовой разговор, телефонный диалог, так называемые городские стереотипы — этикетные формулы, автоматизированные реплики-реакции и т. д.). Диалог — это поочередный обмен репликами между говорящими, и он успешен, когда собеседники выполняют заведомо известные правила ведения разговора — так называемые постулаты общения. Например, слушающий должен реагировать на речь говорящего или ответной репликой, или, по крайней мере, подтвердить каким-либо образом факт участия в разговоре. Во втором случае используются так называемые сигналы речи — разнообразный и многочисленный класс звуков и словечек типа *да, нет, ага, мм, ну* и др.

Частота употребления этих сигналов в разговорном диалоге весьма велика, но это не свидетельствует о его ущербности или «засоренности». Сигналы речи, зачастую употребляемые автоматически, заполняют также паузы, оказывая ритмическую поддержку разго-

ворной фразе. Их наличие — явный признак неподготовленности и непринужденности диалога.

Остановимся подробнее на одном из этих «трудолюбивых» словечек — *нет*. В некоторых случаях его функции сложнее, чем сигнал участия в диалоге или заполнение паузы. В первую очередь необходимо упомянуть первичную и однозначную функцию этой частицы — отрицание, например, в диалоге: А. Купил хлеба? Б. *Нет*//магазин на перереыве//.

В отобранных нами диалогах частица *нет* служит скрепой, соединяющей реплики, и в то же время придает утвердительный смысл реплике-реакции, являясь отрицанием того, что не имеет явного, поверхностного выражения.

В. Как бублики вы взяли?

Г. *Нет*/бублики мягкие//

Д. Ну а в библиотеке есть что-нибудь для тебя?

Е. *Нет*/библиотека у нас хорошая//

Ж. Ты гулять пойдешь?

З. *Нет*/я пойду//

Мы используем примеры из книги «Русская разговорная речь» (М., 1973), а также наши собственные записи.

Зачем же понадобилось отвечающему начинать утвердительную реплику с отрицания? Дело в том, что участники диалога, как правило, обладают некоторой суммой общих сведений о предмете разговора, об обсуждаемой ситуации, а также разделяют житейский опыт, имеют так называемые общие фоновые знания. И в рассматриваемых примерах отрицание направлено на тот компонент этих общих сведений, которые скрыто присутствуют в начальной реплике (реплике-стимуле) и с которыми в данный момент не согласен отвечающий. Выявим эти скрытые компоненты (они называются презумпциями). Для диалога между В и Г: «О булочной, в которую вы ходили, известно, что хлеб там редко бывает свежим»; для диалога между Д и Е: «Едва ли в провинциальной библиотеке есть книги по узкой специальности»; для диалога между Ж и З: «Погода для гуляния сейчас плохая».

В первых трех примерах мы имеем дело с вопросно-ответными единствами, в которых реплика-реакция все же представляет собой прямой ответ на вопрос и в принципе может быть использована и без отрицания презумпции (ср.: А. Ты гулять пойдешь? Б. Я пойду). Рассмотрим теперь следующие примеры:

И. Да/жилетка что надо/и модная, стеганая

К. *Нет*/жилетка что надо//

Л. А вообще няню очень трудно найти

М. *Нет*/в Москве очень трудно/просто невозможно//

Н. Да/вы здорово задержались

О. *Нет*/конечно/целый день потратили//

Казалось бы, отвечающий согласен с утверждением начальной реплики, и это согласие проявляется и формально, и содержательно — если бы не начальное *нет*. Но и оно в данном случае выступает в необычной роли — служит усилением утверждения. Внимательный анализ показывает, однако, что и здесь можно усмотреть отрицание презумпции более глубокого «залегания»: «Если кто думает иначе, т. е. что жилетка нехороша и т. д., то он неправ», и эта презумпция не соотносится непосредственно с начальной репликой.

Интересно, что в этом контексте отрицательное значение частицы *нет* нейтрализуется, и она может быть заменена частицей *да* — без ущерба для значения всей реплики. Факт нейтрализации подтверждают промежуточные примеры. (Заметим, что записанные на бумаге реплики-реакции воспринимаются с трудом — настолько непривычно столкновение противоположных по смыслу слов. Здесь все дело в темпе речи и интонации: оба слова произносятся ускоренно, первое «набегает» на второе, интонация отрывистая, повышающаяся на каждом из них — это и создает впечатление выбора среди равных.):

С. Ну и вопросик ему достался на экзамене

Т. *Да/нет/он чуть не провалился//*

Здесь говорящий автоматически приравнивает друг другу эти противоположные по смыслу частицы. Однако возможны случаи, когда автоматизм «не срабатывает», и тогда употребление частиц берется под контроль:

У. Так ты не пойдешь со мной?

Ф. *Нет/то есть да/то есть пойду//*

Х. А что я/хуже других?

Ц. *Да/то есть нет//*

Итак, неожиданное на первый взгляд употребление отрицательной частицы *нет* получает адекватное объяснение с привлечением экстралингвистических компонентов — ситуаций, презумпций, фоновых знаний. Изучением этих компонентов занимается лингвистическая прагматика — сравнительно молодое направление в языкознании, которое особенно плодотворно применяется в изучении разговорной речи.

Воронеж

Житие и учение Стефана Пермского, описанное Епифанием Премудрым

«Слово о житии и учении Стефана Пермского» — одно из наиболее ярких и интересных произведений в русской литературе конца XIV — начала XV веков. Его автор Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV — 1 четв. XV в.), инок Троице-Сергиева монастыря, современник Сергия Радонежского и Стефана Пермского, хорошо знавший обоих святых и составивший впоследствии жития об их делах и подвигах.

Стефан, епископ Пермский (ок. 1340 — 26.IV.1396), по определению историка Г. Федотова, «занимает совершенно особое место в сонме русских святых, стоя несколько особняком от широкой исторической традиции, но означая новые, быть может, не вполне раскрытые возможности русского православия» (Г. Федотов. Святые Древней Руси. М., 1980. С. 131). Делом его жизни был миссионерский подвиг — обращение в православие зырян (западных пермяков, территория заселения которых подходила к Устьюгу Великому, родине самого Стефана). Стефан является также создателем зырянской азбуки и переводчиком богослужебных книг на зырянский язык. Таким образом, Стефан Пермский стал для зырян тем же, кем были для всего славянского мира первоучители и просветители Кирилл и Мефодий. Блестяще образованный богослов, знаток «внешней философии» древних эллинов, опытный книгописец, Стефан отправляется в глухие пермские края, чтобы обратить в православие местных жителей, дать им богослужение на родном языке, и, по образному выражению Г. Федотова, «зажечь в их дикой стране очаг христианской культуры».

«Слово о житии и учении Стефана Пермского» известно более чем в 50 списках XV—XVII вв. (около 20 списков полного вида и

свыше 30 списков краткой редакции). В XVI веке это произведение вошло в «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария (ГИМ, собр. Синодальное. № 986). Принято считать, что Житие было написано Епифанием Премудрым в 90-х годах XIV века, хотя и не исключено, что оно появилось в начале XV века.

Епифаний Премудрый был близко знаком со Стефаном Пермским, возможно, они вместе учились в Ростовском монастыре у Григория Богослова, могли встречаться они и в Троице-Сергиевом монастыре. Епифаний с благодарностью вспоминает о Стефане как о своем учителе, с которым его связывали узы духовной дружбы. Как свидетельствует текст Жития Стефана Пермского, часто они проводили время в богословских беседах и даже спорах, причем Епифаний, как сам он говорит, иногда бывал в них «досадителем» Стефану.

Епифанию Премудрому хорошо известны многие факты из жизни пермского епископа. В. О. Ключевский считал, что в рассказе о проповеди святого в Перми «есть живые черты, схваченные прямо со слов Стефана и его сотрудников и оставленные автором в нетронутом риторикой виде» (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 95). Житие содержит ряд интересных сведений о жизни пермского народа, его занятиях, обычаях, вере, отношениях с Москвой.

О Епифании Премудром говорят как о писателе, творчество которого характеризуется особым стилем «плетения словес», придающим его произведениям неповторимую эмоциональную и художественную выразительность. Язык его произведений насыщен метафорами, эпитетами, сравнениями. Обращает на себя внимание обилие тавтологических сочетаний типа: *утверждением утверждается, запрещением запрещаю, падением падоша* и т. п. Особенно богата лексико-семантическая система языка Жития. В первую очередь читатель сталкивается в тексте с огромным числом синонимов, составляющих длинные цепи слов с близким или тождественным значением. Синонимическим рядам, в которые входят слова с корнями *благ-* и *добр-* и т. п., характеризующие духовный подвиг Стефана, противопоставляются антонимичные ряды слов с противоположными значениями, служащие для отрицательной характеристики «злого, чародейного» волхва.

Еще одной особенностью стиля Жития является его насыщенность библейскими и евангельскими цитатами (всего в этом произведении насчитывается около 340 цитат), которые нередко, подобно синонимам, выстраиваются в длинные ряды.

Усиление эмоционального воздействия на читателя достигается созданием особого ритмического рисунка с помощью гомеотелевто-

на (созвучия окончаний) и гомеоптотона (равнопадежья). Это создает условия для ритмизации прозы, приближающейся в отдельных местах к стихотворной.

Приведем пример из древнерусского текста Жития, чтобы показать современным читателям особенности стиля Епифания Премудрого в подлиннике (текст публикуется с рядом упрощений в орфографии): «О нем же Иеремиа пророкъ рехъ: се Богъ нашъ, и не приложитъ инъ к нему, и Давидъ пророкъ рече: яко ты еси Господь Богъ единъ, и славенъ по всеи вселенней, его же и вси пророцы прорекоша за многая лета, многообразне и многообразны, его же апостоли въ языцехъ проповедаше въ странахъ провозвестиша, и во всемъ мире прославиша, и еуагелисти благовестиши, проповедницы проповедиши, исповедницы исповедаша, за него же мученицы мучашася, страстотерпцы страсть прияша, кровь свою пролиаши, смерть претерпеша, его ради постницы постишася, в него же святые отцы веровати научиша, о нем же святители мнози, учителя, сказатели, писатели многи святые книги сложиша, списаша и предаша велицей святей соборней апостольскеи церкви, еже и мы держим».

Структурно «Слово о житии и учении Стефана Пермского» состоит из введения, основного текста к заключительной риторической части. Основная часть разделена на 17 главок, каждая из которых имеет свое название. Вниманию читателей предлагается кульминационный момент Жития Стефана, представляющий собой прение о вере пермского проповедника с волхвом Памом.

Перевод сделан по изданию В. Г. Дружинина: «Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым» (Изд. Археограф. комисс. под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897). В основу этого издания положен список конца XV — начала XVI вв. из Синодального собрания ГИМа с привлечением разночтений по другим спискам этого произведения. При переводе учитывалось также другое издание этого памятника: Слово о житии и учении св. отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 4. СПб., 1862. С. 119—171.

Текст Жития переводился как единое целое, включая библейские цитаты, которые отмечены в примечаниях к переводу. Большая часть этих цитат была выделена в издании В. Г. Дружинина. В переводе по возможности сохранены стилистические особенности авторского текста Епифания: это касается порядка слов, построения

фраз, передачи тавтологических сочетаний и т. п. Добавления переводчика заключены в квадратные скобки.

Библиография работ, посвященных анализу текста Жития Стефана Пермского, собрана Н. Ф. Дробленковой в книге «Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в.». Часть 1. А — К. Л., 1988. С. 218—220. Исторический обзор жизни и деятельности Стефана, епископа Пермского можно найти в книгах: «Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в.». Часть 2. Л — Я. Л., 1989. С. 411—416; «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и некоторых подвижников благочестия, местно чтимых». СПб., 1862. С. 223—225; Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 131—139.

Слово о Житии и учении Стефана Пермского

О прении волхва

Пришел некий волхв, умеющий колдовать, старец лукавый и предсказатель, знаменитый кудесник, волхвам начальник, чародеям старейшина, отравителям глава, который в волшебных хитростях всегда упражнялся и ворожбе постоянно ревностным помощником являлся, имя ему Пам, и был он сотником в земле той. Его же некогда пермяки некрещеные почитали больше всех прочих колдунов, называя своим наставником и правителем, и говорили о нем, что его чародейством устроена Пермская земля и что его поддержкой поддерживается языческая вера. Будучи и сам неверным и некрещеным, всегда ненавидя христианскую веру и не любя христиан, некрещеным же и неверным пермякам не разрешал веровать и креститься, хотящим же веровать возбранял и запрещал это. Он, идя куда-то, встретил неких христиан, пермяков, новообращенных и новокрещеных, но однако еще не утвердившихся в вере христианской, и начал разубеждать их и ослаблять их языческим учением своим, обманным и суетным, и многими словами чародейскими и колдовскими пытался увещевать их; если же кого не мог словами и выражениями убедить и прельстить, то тому с помощью уговоров обещал дать плату; иначе же не мог кого-либо отвратить от веры христианской, кроме как мздой и даянием: ибо кого много раз словами не мог убедить, то того хотел платой одолеть. Было же учение его достойным всяческого проричания, предметом ереси, порчи и неверия, и вздора, и детского смеха.

Слышав все это, преподобный очень печалился и сильно удручался, так как не угодно ему было это, потом сказал: «Сколько я построил, столько же он разрушил». И много раз спорили они между собою, и не было достаточно им бесед их, и не было конца речам их; этот ведь не покорялся тому, тот же не повиновался этому и один другого не слушал, и первый второго неразумным называл, и несогласно расходились они, так как этот свою веру хвалил, тот же свою, один же не принимал этого завета, а другой отклонял тот устав. Но кудесник, часто приходя, иногда тайно, иногда явно, развращал новокрещеных людей, говоря: «Братия, мужи пермские, отеческих богов не оставляйте, а жертв и жертвоприношений не забывайте, исконных обычаев не покидайте, старой веры не оставляйте, что творили отцы наши, то же творите, меня слушайте, а не слушайте Стефана, недавно пришедшего из Москвы. От Москвы может ли что доброго быть нам? Не оттуда ли нам трудности были и дани тяжкие, и притеснения, и *тиуны*¹, и *приставники*²? Поэтому не слушайте его, но послушайте лучше меня, хотящего вам добра; я — род ваш и единой земли с вами, и един род, и единоплеменный, и едино колено, и един язык с вами. Лучше вы послушайте меня, я ведь ваш старый учитель, и подобает вам больше слушать меня, старца, являющегося вам как бы отцом, нежели того русина, да еще и москвитянина, и младого по сравнению со мной возрастом телесным и малолетнего, юного возрастом, годами же предо мною как сына и как внука моего. Поэтому не слушайте его, но слушайте меня и моего завета придерживайтесь, и да не будете побеждены, но лучше же победите его».

Люди же новокрещенные в ответ сказали: «Не победили, старче, но еще и весьма побеждены были и боги твои, так называемые кумиры, *пали, погибнув*³, и не встали, были низвергнуты и не могут встать, и опрокинуты были и пали, мы же встали и распрямылись, сети их [богов] разрушились, и мы были избавлены от них, и ныне помощь наша от Бога, сотворившего небо и землю. Не можем противиться, находясь вместе со Стефаном, образу мыслей и разуму его, потому что [всегда], когда он говорил, упорно сражаясь с нами словами евангельскими, апостольскими, пророческими, а также словами отцов церкви и учителей, побеждены были словами его и покорены были учением его. И как будто уязвлены любовью его, и как будто стрелы пронзили нас, и точно сладкою стрелой пронзило нас утешение его, и поэтому не можем, не хотим не слушать или противиться ему, не можем и восстать против истины, но можем жить по истине».

Кудесник же сказал: «Вы еще неразумны, слабы, невежественны и очень боязливы, и не тверды в вере, я же хорошо вооружусь против

него и принесу молитву богам своим, и принесу жертвы, и сотворю о том колдовство, и напущу богов своих многих на него, они его и изгонят, и устрашат, и сокрушат, и так истреблен будет от лица моего; когда же одолею его, тогда всех вас привлеку к себе снова в прежнюю веру свою».

Христиане же, посмеявшись над ним, сказали: «Безумный старче, что всуе наговариваешь на раба Божия? Сей ведь Стефан и богов ваших сровнял с землей, и не могли они навредить тому, кто с священных кумиров снял покровы и бросил их отроку своему по имени Матфейка, и сделал из них штаны, и онучи, и нижнее платье, и [тот] износил их без помех и без вреда. Это он сделал не ради прибытка, но для поругания идолов. Да что *мнимый Матфейка* ⁴, и нашего рода прежде был пермяк, который впоследствии уверовал и крестился, и стал у него [Стефана] учеником, и не могли ему кумиры зла сотворить. А если ученику не могли навредить, то тем более учителю. И оттого еще больше поняли и познали, и уверовали, что ложны и немощны и вводят в заблуждение боги твои. Если себе не могут помочь, тебе ли помогут, если себя не могут защитить, то тебя ли защитят? Поэтому мы отвергли идольскую ересь и отказываемся от идольской суеты». И еще скажу: «Отрекаемся от сатаны и от всех дел его, и от всех ангелов его, и от всех служб его, и от всего стыда его, и дали обет Христу, и столько раз обращались к Христу, и его знамением осеяли себя, и так же веруем в единого Бога Отца и Сына и Святого Духа, в Святую Троицу, как соблюдает устав соборная апостольская церковь. К тому же исповедуем крещение во оставление грехов и ожидаем воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь. Ты же, чародейный старче, чего ради, оставив голову, обращаешься к ногам? Если ты силен словами, то спорь с ним, а не с нами. Если ты немощен, то для чего беспокоишь и смущаешь нас? Но отойди, не соблазняй нас, да будет тебе известно, что ты не вступишь в двери во двор овчий, но в другое место прокрадываешься и преисполнен воровского голоса и разбойничьего вида. Мы же ягнята словесного стада и своего пастуха голос знаем, и его повеления слушаем, и им следуем, за тобой же, за чужим, не идем вослед, но бежим от тебя, потому что не знаем чужого голоса». Он же отвернулся и с гневом сказал: «Раз вы незрелы умом и жили в недостатке разума, то вас он, игумен, пересилил своим коварством; вы неразумны, как и он сам, также и вас, как подобных ему, приблизил к себе всячески, против меня же невозможно ему строить козни, так как я скоро низложу его».

И был сей кудесник лютый противник преподобному и злой ратоборец великий, неукротимый враг и воитель, хотящий развра-

тить веру христианскую, спорил с ним, часто возражая ему о вере, подобно тому как Анний и *Замврий*⁵ в Египте противились Моисею и как во время исхода израильтян из Египта в обществе иудейском опять воспротивились люди Моисею, от них же *Корей*, *Дафан* и *Авирон*⁶, на них разгневался Господь Бог, и разверзлась, раскрылась земля под ними, и проглотила их, и дома их поглотила. Таким же казням подлежат те, которые противятся Богу и Его повелению, и так в Деяниях святых Апостолов *Елома* (*Елима*) волхв сопротивлялся апостолу Павлу, пытаясь отвлечь *Анфуната* (Сергия?) от веры, за что апостол сделал его слепым⁷. Сказал же тогда апостол Павел тому Елуме волхву: «О исполненный всякого лукавства и злобы сын дьявола, враг любой правды, не перестанешь ли совращать с прямых путей Господних? И вот ныне рука Господня на тебе, и будешь слеп, не видя и солнца, и света»⁸.

И сразу в тот же час стал волхв слеп и ходил на ощупь, и искал поводыря, и снизошел страх на видящих и слышащих это. И как *Симон*⁹, злой волхв, перед Нероном царем спорил с апостолом Петром и, сильно возгордившись, вознесся в небо и душой, и телом и, упав с высоты, разбился и погиб и душой, и телом. И как Александр кузнец, сопротивлявшийся апостолу Павлу, о котором и сказал Павел: «Александр кузнец много мне зла сделал, да воздаст ему Господь по делам его, ибо сильно противился он словесам нашим»¹⁰.

О таких ведь противниках пророк Михей, оплакивая такую злобу людскую, говорил: «Язык их возгордился в устах их»¹¹, «Увы, душа, ибо погибло изобилие земное»¹². И пророк Давид говорил: «Гроб открытый — гортань их, языками своими льстили. Суди их Бог!»¹³. И Соломон говорил: «Злой человек с оскорблением беседует, и потому речь из уст безумных — опора поношению»¹⁴. И так сей волхв, чародейный кудесник, сильно возгордившись перед рабом божьим и хулительные слова направив на Бога, оскорблял и порицал веру христианскую, и хулил проповедь евангельскую, и людям с гневом говорил: «Я вашего *дидаскала*¹⁵ Стефана не боюсь, не боюсь и сопротивления, и пустословия находящихся с ним учеников его, и один я на всех вооружаюсь, ни во что же не ставлю сказанное ими, хотя они считают себя мудрыми. Я же думаю, что скоро низложу их; как дрожащая листва, ветром сотрясаемая, так и они, ниспадут, не могут ведь они стать предо мною, и пред лицом моим не выдержат появиться, но подобны будут воску, тающему вблизи большого пламени, не говоря о том, что не посмеют они состязаться со мною речами в гаданиях, прениях и спорах».

Божий же человек Стефан, укрепившись благодатью Божией, сказал волхву: «О обманщик и развращения начальник, вавилонское семя, халдейский род, ханаанское племя, тьмы темной помраченное

дитя, Пентаполиев сын, египетской тьмы, вводящей в заблуждение, внук и разрушенного столпотворения правнук, послушай, так говорит Исаия пророк: «Горе напоющему ближнего своего смесью мутной»¹⁶, и так говорит пророк Давид: «Что себя хвалишь, о злобный, сильный, весь день замышлял беззаконие и неправду, язык твой, как бритва наостренная, создал ты обман, возлюбил ты злобу больше доброты, [полюбил] говорить неправду более, чем правду, возлюбил ты слова гибельные, язык коварный, за это Бог уничтожит тебя до конца, вырвет тебя и корень твой из земли живых»¹⁷, потому что ты укоряешь веру христианскую. Скажи мне, окаянный, суемудрый старец, чего ради хулить и порицать начинаешь ты спасительную евангельскую проповедь, ею же невежественные были просвещены, ею же потерявшие истинный путь были наставлены, с ее помощью много хорошего было создано.

Что может быть лучше, чем служить живому Богу Вседержителю и Единородному Сыну Его и Святому Духу Его? Тот ведь — Бог богам, Господь господам, Царь царям, его же держава неизменна и слава непостижима; Он живет в мире невыразимом, неприступном и неприкосновенном, Ему предстоят со страхом и трепетом небесные силы, чины бесплотных и тьмы тем архангелов предстоят пред Ним, и тысячи тысяч ангелов служат Ему, беспрестанно славят Его, восклицая и говоря: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф», преисполнены небо и земля славы Его, Он все извел из небытия в бытие. Им же все управляется и устроится, направляемое Его предначертанием. В Того веровать подобает более всего, и Того чтить похвально, и Тому служить лучше, нежели бесам пагубным, идолам безумным — вашим богам, кумирам глухим, статуям безгласным, истуканам бессловесным, выдолбленным изваяниям, всякого срама и стыда исполненным, и всякой скверны создателям, и всякого зла начинателям, и всякого греха творцам. Да каковы же сами идолы, таковы же и верующие в них, подобные им. Ибо Давид сказал: «Подобны им да будут творящие их и все надеющиеся на них»¹⁸, те, которые в нынешнем веке пойдут в огонь вечный и неугасимый, уготованный дьяволу и ангелам его.

Кудесник и чародей сначала стал в мыслях своих кичиться и возвеличиваться, словами своими гордятся вполне, и в ответ сказал: «Какой властью сие творишь, или кто есть давший тебе власть сию, или кто есть пославший тебя в страну нашу, чтобы ты делал сие: богов наших подверг поруганию и храмы их разрушил, и огнем опалил, и службу нашу и честь нашу обесчестил, и веру нашу идешь искоренить, но, мало этого, и нас самих всех уничтожить хочешь своими ухищрениями и подобными себе сделать желаешь? И такое множество злых дел сделал ты, которых никто иной не сотворил, не

сотворит, не смеет, не сможет сотворить, и такую вещь содеял ты, которую и слух наш не может воспринять, и язык наш выговорить не дерзнет. А так как творящие такое по приговору моему достойны казни и заслуживают смерти, то она и будет вскоре тебе от меня. Я не промедлю создать чары на твою гибель и богов моих напущу на погубление твое, чтобы истребить из земли память о тебе, и сотворю мечь за богов моих вскоре и отмщение за всех моих людей, получивших от тебя спасение¹⁹».

Божий же священник сказал ему: «Те, кем ты хвалишься, и те, кого ты поминаешь, боги твои, погибли. Ибо сказано: «Боги, которые не сотворили неба и земли, да погибнут!» Не те ли они, которые нашими руками низложены были и огнем сожжены были, и бессильны стали, и пропали? Исполнилось слово досточтимого пророка Моисея, гласящее: «Боги, которые не сотворили неба и земли, да погибнут». И тот же видевший Бога Моисей в своих книгах, называемых *Девтерономия*²⁰, то есть Второзаконие, во *второй песне*²¹, как бы от лица Господа, говорит так: «Где боги их, на которых они уповали, которые ели тук их жертв и пили вино жертвенное? Да воскреснут и помогут вам, и да будут вам покровителями! Видите, видите, что я — Бог, и нет иного кроме Меня: Я убью и дам жизнь, поражая исцелю, и нет никого, кто избавлен от рук Моих»²². Вы же отрекитесь от идолов своих и не обманывайтесь ими, надеясь на них. И еще тот же Моисей сказал: «Не таковы же боги их, как Бог наш»²³. И Давид пророк Богу сказал: «Направь ярость Твою на народы, не знающие Тебя, и на царства, которые не призвали имени Твоего»²⁴.

Волшебный же кудесник сказал: «Боги наши, хотя и поруганы тобой были, но проявили милосердие и не погубили тебя, а если бы у них не было милосердия, то давно бы тебя сокрушили и уничтожили; поэтому пойми, что они добры и милосердны и что вера наша намного лучше вашей веры, потому что у вас, христиан, единый Бог, а у нас много богов, много помощников, много защитников. Они дают нам охотничьи и рыболовные угодья и все, что в водах и в воздухе, и в болотах, и в дубравах, и в лугах, и в кустарниках, и в чащах, и березняке, и в сосняке, и в ельнике, и в терновнике, и в прочих лесах, и все, что на деревьях; белки или соболи, или куницы, или рыси, и прочая добыча наша от них же добралась и до вас. Нашей добычей и ваши князья и бояре обогащаются, в нее облачаются и ходят, кичась подолами одежд своих, гордясь своими народами, и длительное время являясь богатыми, и долгие годы живя в изобилии, и пользуясь этим богатством. Не от нашей ли добычи и в Орду посылаются дары и доходят даже и до самого того мнимого царя, но и в Царьград, и в германские страны, и в Литву, и в прочие грады и страны к дальним народам посылаются?

И еще по другой причине наша вера намного лучше вашей, ибо у нас один человек или вдвоем выходят часто на брань, чтобы сразиться с медведем, и, в сражении победив, убьют его и даже шкуру его принесут. У вас же на одного медведя многие выходят, числом даже до ста или до двухсот, и часто бывает, что, найдя медведя, привозят его, иногда же возвращаются безуспешно, не везя ничего, но напрасно потрудившись, что нам кажется достойным осмеяния и насмешек. И еще по одной причине наша вера лучше: вести у нас скорее доходят. Что делается в дальней стране, в другом городе, на девятой земле, что сегодня случилось, сего же дня в тот же час в точности оказывается, известным у нас, о чем вы, христиане, не без труда сможете узнать через много дней, а то и через долгое время не узнаете²⁵. И еще потому наша вера лучше, намного лучше вашей, что мы имеем много богов, помогающих нам».

Божий же священник в ответ сказал ему: «Тем ли хвалишься, окаянный, многобожие вводя и многих богов признавая, ведь более пристало тебе устыдиться, по сказанному: «Да постыдятся все, кланяющиеся истуканам, хвелящиеся идолами своими»²⁶. Послушай же еще и Давида, говорящего: «Бог наш на небесах и на земле творит все, что хочет»²⁷, «Кто Бог такой великий, как Бог наш!»²⁸, «страшен над всеми богами» ибо все боги языческие суть бесы, «и идолы языческие, серебряные и золотые, дела рук человеческих, уста имеют и не говорят, очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат, ноздри имеют и не обоняют, руки имеют и не осязают, ноги имеют и не ходят, и не издают голоса гортанью своею: Подобны им да будут творящие их и все, надеющиеся на них»²⁹.

Поэтому не подобает вам во многих богов веровать, так как многобожие — обольщение идольское, но следует в единого Бога веровать. Так ведь святые отцы на соборе, устанавливая веру, говорили: «Верую в единого Бога»: един ведь Бог по истине, в него же все христиане веруют, и нет иного бога ни на небесах, вверху, ни на земле, внизу, но только один Господь Бог Израилев, который, создав Адама и сотворив вечность, и в Ветхом Завете некогда говоривший с Моисеем на горе Синайской, сказал: «Я Господь Бог Авраама, Исаака, Иакова»³⁰ и еще сказал: «Я Бог первый, Я же в настоящее время, и в веки грядущие буду»³¹. И еще сказал: «Я не изменяюсь». О нем и Иеремия пророк сказал: «Се Бог наш и не приложится иной к нему», и Давид пророк сказал: «Ибо Ты Господь Бог един»³², славен во всей вселенной, Его и все пророки прорекли на много лет вперед разными способами и по-разному, его и апостолы у народов проповедовали, в странах провозвестили и во всем мире прославили, о нем *евангелисты-благовестники*³³ благовестили, проповедники проповедовали, *исповедники*³⁴ испо-

ведовали, за него и мученики мучились, страдалцы страдание приняли, кровь свою пролили, смерть претерпели, ради него *постники*³⁵ постились, в него святые отцы веровать научили, о нем же священнослужители многие, наставники, толкователи, повествователи святые книги составили, переписали и передали великой святой апостольской церкви, которой и мы следуем.

Ведь апостол Павел сказал: «Один Бог, одна вера, одно крещение»³⁶, ибо исповедую, сказал, одно крещение во оставление грехов, и нет ни иного евангелия, ни иного благовествования, и нет иной веры, кроме только христианской веры православной, это вера апостольская, это вера отеческая, которая святыми апостолами проповедана, и святыми отцами установлена, утверждена и возведена, и соборной апостольской церкви передана, и на разных и различных соборах обсуждена, изложена и установлена, которая на семи соборах утверждена, которая многими святыми отцами укреплена. Число святых отцов на первом Никейском соборе было триста восемнадцать, на втором соборе в Константинополе — сто пятьдесят, и в Эфесе на третьем соборе святых отцов — двести, и в Халкидоне на четвертом соборе — шестьсот тридцать, и в Царьграде на пятом соборе — сто шестьдесят пять и еще в Царьграде на шестом соборе святых отцов — триста восемьдесят пять, а на всех них — две тысячи: такова вера христианская³⁷.

Поэтому подобает вам отвергнуть от себя языческий обман многобожия, отдаляя, отказывайтесь от идолопоклонства, отдаляйтесь от суеты прошлого житья вашего, вашими отцами вам установленного. Как сказал апостол Павел: «Как язычники поступают по суетности ума их, помраченные помыслами. и чужды славы Божией»³⁸. Это говорим мы не только тебе одному, но и всему народу пермскому, и находящимся здесь, и не находящимся». Сказал же кудесник в ответ: «Я в вере, в которой родился, и воспитался, и возрос, и прожил, и состарился, в которой пребывал все дни жизни моей, в той и умру; привыкнув к ней, и ныне, на старости лет, не могу отказаться и осудить ее. И не думай, что я один так говорю, но и за всех людей, существующих в земле сей, не только от моего имени слова, обращаемые к тебе, но как бы от лица всех пермяков говорю тебе: разве я лучше всех отцов моих, что так сделаю [осудив ее]? Это ведь отцы наши, деды, прадеды и пращурь так установили, я ли окажусь лучше их? Нет же, пусть не будет так! Скажи мне, какой же истиной владеете вы, христиане, что к вашей (нашей?) жизни дерзаете с презрением относиться?»

Божий же *иеромонах*³⁹ в ответ сказал ему: «Послушай о силе нашего Бога и тайне нашей веры». И стал говорить о милосердии Божиим, и о заботе Его о нас, и так, вдохновляясь силою Священного

Писания, начал рассказ от сотворения мира, от создания вселенной, которое от Адама до распятия Христова и воскресения и вознесения, дойдя затем и до конца мира. И пребыли они вдвоем, только друг с другом состязались в речах, не имея перерыва, не давая себе отдыха, не позволяя сна, но все время в споре противодействовали друг другу, в словах упражнясь. И так хотя и много высказал ему [Стефан], но, однако, казалось, как на воду сеяв, ибо сказано: «В душу безумного не выйдет мудрость и не сможет укорениться в сердце оскверненном»⁴⁰.

Кудесник же, хотя и многие поучения слышал, но ни одному не верил, и не внимал сказанному, и [не только] не воспринимал ранее сказанного, но, напротив, возражая, говорил в ответ: «Я не имею веры; все это кажется мне ложью, и вымыслом, и вздором, вами вымышленными, и я не уверю, пока не предприму испытание веры».

И стало так по слову их, когда окончились все речи эти, после многих прений и противоречий захотелось это им обоим. И выбрали для этой цели самих себя двоих, и захотели предпринять испытание веры, и сказали друг другу: «Пойдем и зажжем огонь и войдем в него; как сквозь огонь палящий, пройдем посреди пламени, вместе пройдем, оба, я и ты, и тут предпримем проверку, и тут получим доказательство правоты веры, и тот, кто выйдет цел и невредим, тот имеет истинную веру, и тому все последуем. И еще в следующий раз другое испытание предпримем таким образом: пройдем оба, взявшись за руки, и войдем вместе в одну прорубь, и сойдем вниз, в глубину реки Вычегды, и отправимся вниз под лед, и потом, по прошествии значительного времени, без единого всплеска из одной проруби вместе появимся, и чья вера окажется правой, тот выйдет цел и невредим, и тому остальные все пусть повинуются».

И понравилось слово это всему народу, и сказали все люди: «Поистине хороша речь, которую вы сказали сегодня». Когда собрались во множестве люди, Стефан, сам стоящий среди них, призвал пришедших: «Мужи, братья, слышали ли слова сии из уст наших, внимайте с пониманием сказанному, не оказывайте предпочтения одному лицу, и не стесняйтесь ни одного из нас, но праведным судом судите, мне же подвиг суровый предстоит, и я с радостью стремлюсь потрудиться и пострадать, и не только к этому [готов], но и умереть рад за святую веру православную, по Апостолу: «Потому что дано не только в Него веровать, но и за Него страдать»⁴¹. Мне же, сказал, если [суждено] жить — [значит есть] Христос, а если [волхв] умрет — благо»⁴². Обратившись же к волхву и кудеснику, сказал: «Подобало тебе без возражения послушать меня, как возвещающего благое и благове-

ствующего и ничего не требовать от меня, и следовало тебе ранее объявленному учению повиноваться и без такого свидетельства, но поскольку возжелал ты сей вещи, превосходящей мое смирение и превышающей мою силу, и противоречащей моему сану, то надеюсь на милосердие Бога Вседержителя и уповаю на милость Его, так как Он нашего спасения хочет и нашего покаяния ожидает, ибо Он глубиною мудрости все устроил и дает все, что на пользу просящему».

И обратившись к стоящим перед ним людям, сказал: «Благословен Господь! Возьмите огонь и принесите его сюда, зажгите вон тот крайний дом, и сильно разожгите его, пока он полностью не разгорится». И после этого преподобный сотворил молитву, говоря: «Владыка многомилостивый, всемогущий, дай же нам помощь от печали, пошли милость свою, яви человеколюбие свое, покажи нам истинную веру, чтобы поняли люди сии, находящиеся здесь, и, поняв, устыдились и познали, что Ты — истинный Бог один, а я — раб Твой, Тебе служащий, все сие охраняю, „ибо вот враги Твои зашумели и ненавидящие Тебя подняли голову“⁴³, „подняли к небу уста свои, и язык их ходил по земле“⁴⁴. Ради этого „покажи на мне знамение во благо, и да увидят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня“⁴⁵, потому что Ты Бог милостивый на всякие утешения, утешаешь нас во всякое время утешением Святого Твоего Духа утешителя параклита, с ним же Ты благословен во веки веков, аминь!»

И, сотворив молитву и сказав «аминь», после слова «аминь» молвил людям: «Мир вам, спаситесь, простите и молитесь обо мне, с мужеством идем на предстоящий нам подвиг, обращаясь к основателю веры, создателю Иисусу». И так стремился, действуя смело, войти в огонь и, обратившись к волхву, сказал ему: «Пойдем вместе, взявшись за руки, как обещали». Он же [волхв] не пошел, утрашившись треска огненного, ужасен стал, но не пошел. Так как народ стоял перед ними, люди собрались, и очевидцы смотрели во все глаза, как горит огонь и разгорается пламя, преподобный еще раз обратился к нему, дотронувшись до него и понуждая его пойти, и, рукою взяв волхва за ризу и крепко сжав ее, схватил его и силой потащил к огню лицом.

Чародей же опять назад отступил, и сколько это продолжалось, столько же раз он, когда его быстро тащили [к огню], кричал: «Не трогайте меня, дайте передохнуть». Вознегодовав в третий раз, преподобный позвал его, говоря: «Пойдем и войдем оба в огонь горящий по слову твоему и по рассуждению твоему, как ты пожелал». Он же не хотел войти, и сказал ему Стефан: «Не это ли твои слова, которые ты прежде говорил, не сам ли ты выбрал это и таким образом хотел

испытать Бога живого, а как же теперь не хочешь сделать этого?» Он же, бросившись к нему [Стефану], бил челом и, припадая к ногам его, объяснил совершенный проступок, о слабости своей сообщая, суетность и заблуждение свои обличая. Люди, бывшие тут, трижды спросили его, говоря: «Пойдешь или нет? Почему не идешь?» Он же трижды отказывался, говоря: «Никак невозможно мне идти, не осмеливаюсь прикоснуться к огню, остерегаюсь и избегаю из предосторожности приближаться к большому пламени горящему, и, как сено сухое, не смею броситься в него, чтобы не растаять, как тает воск от огня, чтобы не сгореть, как воск и трава сухая. И сразу сгорю, и от огня умру, и впредь не буду, и какая польза от крови моей? Когда начну истлевать, искусство колдовать переймет другой, и будет двор мой пуст, и в усадьбе моей не будет живущего».

Преподобный же Стефан, померившись силой с волхвом в этом начинании, еще и другим образом победу одержал над ним: схватив его с помощью людей, привел к реке, и сделали они две большие проруби: одну выше, а другую дальше, вниз по течению, одна верхняя, в которую им вместе предстояло нырнуть, взявшись за руки, другая же нижняя по течению, из которой, пройдя внизу подо льдом, им нужно было снова вынырнуть. Чародейный волхв, и там побежденный, был посрамлен, но и там три раза принуждали его нырнуть и много раз отказывался он, говоря: «Никак не смогу этого сделать, даже если и тысячу раз признаете меня виновным».

Мужи же спросили его, говоря: «О состарившийся, день за днем творя зло! Вот ныне выпали лишения на твою долю, скажи, окаянный, почему не вошел ты ни в огонь, ни в воду, но всячески посрамлен?» Волхв в ответ сказал: «Я не научился противостоять огню и воде, а дидаскал ваш Стефан в детстве и юности своей научился от отца своего колдовством и ворожкой заговаривать огонь и воду, и ни в огне он не горит, ни в воде не тонет, потому что он научен этому и умеет это хорошо. Я же многим злокозненным хитростям научился за всю свою жизнь и умею творить чары, волшебство и колдовство, волхвование и чародейство и прочие многие чары, а того одного не умею — заговаривать огонь и воду, то есть *пренебрегать телесным ущербом своим*⁴⁶ — этому я не научился».

Потом люди спросили его, говоря: «Скажи нам, чародей, ради чего поступил ты так: зная немощь свою и придерживаясь нечестивой веры и одержим неверием, за веру, однако, обещал пройти огонь и воду?» Он же в ответ сказал им: «Перехитрил меня Стефан. Когда я спросил его, научен ли он таковой хитрости, он мне ответил: «Не умею я заговаривать огонь и воду, не учился этому». Я же, сие от него услышав, поверил слову его и подумал, сам себе

говоря: «Если он этого не умеет, как и говорит, то я тем пугаю его, хотя и сам не умею». Но так как тот не знал о моем неумении, я надеялся своими хитростями перехитрить его, и, одолев, посрамить его, и похищенных им разом оторгнуть от рук его и заставить их опять принять свой прежний закон. Всех их, увя мне, не возвратил, и в яму, которую выкопал, сам и провалился, и в сети эти, которые расставил, попала нога моя⁴⁷, и ров вырыл ему, и сам упал в него⁴⁸, и было мне последнее горше первого, поскольку Стефан, одолев меня, посрамил, и показал меня ничтожным, и явил меня немощным. И теперь, что сделаю или куда убегу, не знаю, покрыл стыд лицо мое, и теперь невозможно мне открыть рот от оскорбления и стыда. Было оскорбление соседям моим, и страх знакомым моим, и насмешки и поругание бывшим вокруг нас; весь день позор мой не покидает меня, и стыд не сходит с лица моего».

Люди же сказали ему: «Повсюду, окаянный, сам предрекал свою гибель. Ты делаешь вид, что Стефан колдовством тебя победил. Но не было этого, и не обманывайся пустыми надеждами мира сего, не учился он этому никогда. Но смолodu изучал Стефан святые книги, могущие его одарить мудростью и научившие, как делать угодное Богу, и открылись ему три вещи сии — вера, любовь, надежда; надежда не навлекает позора, верою же святые погасили силу огня, любви же никто не противодействует. «Кто же нас, — сказано, — отлучит от любви Божьей, ни смерть, ни жизнь, ни меч, ни огонь»⁴⁹. И еще о верующих Спаситель сказал: «Верующему все возможно, имейте веру и не усомнитесь, но если и горе сей скажете: „Поднимись наверх и ввергнись в море — будет вам. И все, что в молитве просите, веруя, получите“⁵⁰. И Апостол сказал: „Без веры же невозможно угодить Богу“⁵¹.

Поэтому хорошо усвой, человек, что тремя сими добродетелями смог он [Стефан] тебя победить: верой, любовью, надеждой; надежду великую возлагая на Бога и любовью божественной воспламеняясь, и за веру сражаясь, действует он смело, и огонь и воду не обходя без всякого сомнения. Ты же, человек, если уверуешь, узнаешь и больше этого, хочешь ли в таком случае веровать и креститься, потому что ты приперт к стене?» Наделенный же волшебными чарами волхв нечестивый не захотел понять истинного знания и так, без обиняков, сказал: «Не хочу веровать и креститься». Преподобный же, взглянув на народ, сказал: «Вы свидетели всему этому, скажите мне, что вы думаете?» Они же сказали: «Заслуживает казни». Тогда мужи пермские, подойдя к нему, взяли его и, взяв, передали Стефану, говоря: «Возьми сего и казни его, ибо он достоин казни, и по нашему исконному обычаю должен умереть, потому что слова Божьего

не слушает, Евангелие хулит, проповедь Евангельскую оскорбляет, над Благовествованием глумится, над верой христианской насмехается, в Бога не верует, поучений не воспринимает, сеет плевелы посреди пшеницы и уходит, развращает людей новокрещенных, велит опять тесать идолов и сильно противится словам нашим. Ныне же после всего и в довершение всего тягался с тобой в речах и не пересилил, но сам побежден был, спорил о вере и не победил в споре, но и сам разоблачен был, одолевал да не одолел, но и сам побежден был и еще к тому же пребывает в неверии и креститься не желает. Да как же он не достоин казни и как же не должен умереть? Да если сего отпустишь живого и не осмеянного, и не казенного, то опять еще больше вреда будет причинять он».

В ответ Стефан сказал им: «И все же не будет так, и не будет рука наша на нашем враге, и вскоре ни руку не подниму на него, ни казнью не казню его, ни смерти не предам его. Ибо не послал меня Христос бить, но благовестить, и повелел мне не мучить, но учить с кротостью и убеждать со спокойствием,— и не повелел казнить, но наказывать с милостью, по сказанному: „Пусть накажет меня праведник милостью своею и обличит меня; масло же грешника пусть не умастит головы моей“⁵², „Да обратятся ко мне боящиеся Тебя и знающие откровения Твои“⁵³, ибо Христос в святом Евангелии так заповедовал, говоря: „Идя по всему миру, научите все народы, проповедуйте Евангелие всей твари. Кто верует и крестится, спасен будет, а кто веры не имеет и не крестится, осужден будет“⁵⁴. Я же не поленился и по мере сил своих исполнил свое дело, и плод уст моих предложил, имя Божье благовестил, вере православной научил, поучения от Ветхого и Нового заветов истолковал, и много речей произнес из книг Ветхого завета и Нового, и ничего же не утаил и ничего не скрыл; более того, что хотел сотворить ему [Паму] и не сотворил, только то и сотворил ему, что строго *запретил*⁵⁵ ему [проповедовать], чтобы после того уже нельзя было ему учить учению своему языческому, вводящему в заблуждение; также пусть совсем не слышно будет от него о кумиролужении и о вере идольской, но да отлучен будет от церкви и от вездесущего *собора*⁵⁶, да отсеется мечом духовным, да отлучится, как *Симон волхв от Петра апостола*⁵⁷, да изгнан будет из среды правоверных, да не окажется в селении и в пределах христианских, и да не будет ему ни части, ни доли с новокрещеными, и ни есть ему, ни пить с ними нигде же, никогда же, ни в чем не соединяться с ними: „Какая связь у света с тьмой, или что общего у верного с неверным?“⁵⁸ Сказал Апостол: „Извергните дурное из среды вас самих“⁵⁹, да не будет „малая закваска, испортившая все тесто“⁶⁰. Затем, обратившись к волхву, [Стефан] сказал: «Слышал ли все

сие, о, обманщик?» Он же отвечал: «Поистине, отче честный, все вышеупомянутое слышал, и с вниманием вошло оно в уши мои». И еще спросили у него: «Неужели ты не будешь ни вредить, ни развращать веры?» Он же отвечал: «Нет, отче честный, если буду противник или веры твоей разрушитель, тогда умру пред ногами твоими».

И еще преподобный сказал ему: «Вот, подтверждаю пред многими свидетелями и строго запрещаю тебе, чтобы не оказывался ты нигде виноватым ни в чем вышеупомянутом; если же случится, что спустя несколько дней после запрещения ты нарушишь наши приказы эти и не будешь радеть о них, тогда впоследствии подвергнешься ты относящимся к канону епитимьям и будешь подлежать наказаниям светского закона. Ныне повелеваю отпустить тебя: изыди с глаз наших цел и невредим, только впоследствии берегись, чтобы потом жестоко не пострадать».

И когда сказал это, мужи, державшие волхва, отпустили его, он же убежал от них, как олень, и, идя прочь от сборища людского, радовался, что невредим. Когда же волхв ушел, то некоторые пришли к Стефану, рассказывая ему о внезапном притворном умилении волхва, о том, как волхв дивился разуму Стефанову и премудрости слов его и дивным ответам его, и сам осуждаем был совестью своею, знал, что истину говорит Стефан и праведному наставляет, но влеком был неправедным своим обычаем; утвердившимся в нем чародейством, как поводьями и уздою, сдерживаем был; как тьмою, ослеплен был колдовскими действиями своими, и на свет истинный воззреть не хотел, более того, скажу, не мог, и потому, все слова Стефановы забыв, опять стал держаться за свой прежний давний злой обычай.

Преподобный же сказал: «Прение наше с волхвом, которое едва не окончилось для нас исполнением сказанного: „Прошли огонь и воду“, не привело нас к успокоению, однако, когда ушел волхв, мы обрели покой, после многих споров от многих забот и многословия успокоились мы».

Итак, сократим речь сию о волхве ⁶¹, и тут тотчас же и закончим. Тем временем преподобный крестил людей, здесь и там находящихся, приходящих из различных селений мужей, жен и детей, сущих младенцев; всех, сколько было верных, сколько готовящихся к святому крещению, сколько хотящих возродиться с помощью обряда крещения, сколько желающих принять Христово благословение, сколько приходящих к святому крещению — и сих всех, наставляя в вере, поучая, крестил, как было у него по обычаю, который он всегда исполнял.

Стефан постоянно был занят делом: книги писал, переводя не только с русского, но часто и с греческого языка на пермский язык,

и немало беспокойства имел, об этом деле заботясь: то изучал святыя книги, то переписывал их⁶², это было его занятие постоянное, потому и ночами часто пребывал он без сна и творил всегдашние бдения, днем чаще всего тоже не пребывал в праздности, то занимаясь неотложными делами, которые требовали его участия, то устраивая и приготавливая то, что нужно церкви или на потребу себе и бывшим с ним.

Примечания

1. *Тиунъ* — «должностное лицо по управлению города или местности» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Ст. 962—963).

2. *Приставъникъ* — «надсмотрщик, управитель, начальник, церковно-судебное должностное лицо» (Срезневский. Указ. соч. Т. 2. 1902. Ст. 1459—1460).

3. В подлиннике непереводаемая игра слов — *падениемъ падоша*.

4. Место испорчено, в списках памятника читается по-разному: *мнимому* (вариант: *мниможу* — ?) *Матфейку*. По-видимому, здесь подразумевается противопоставление мало известного пермякам «мнимого» Матфейки их соплеменнику, крестившемуся ученику Стефана, которому также не могли навредить языческие идола.

5. *Замврий (Зимри)* — сын Салу, начальник колена Симеонова во время странствия евреев по пустыне. Будучи застигнутым Финесом, сыном Елеазара, в спальне с Маданитянкой, был пронзен копьем за свое нечестие (См. Четвертая книга Моисеева. Числа 25, 6—15).

6. *Корей* вместе с братьями *Дафаном* и *Авироном* вступил в заговор против Моисея и Аарона, затем к ним присоединились еще двести пятьдесят других именитых мужей Израильских. В наказание

за свое сопротивление Корей, Дафан и Авирон со всем имуществом были поглощены разверзшейся под ними землей. Двести пятьдесят человек, восставших на Моисея, были сожжены огнем (См. Числа, 16).

7. *Елима (Вариисус)* — иудейский волхв, который во время проповеди апостола Павла и Варнавы пытался отвратить проконсула Сергия, в свите которого он состоял, от христианской веры. Апостол Павел подверг его гневному обличению. За свое нечестие Елима был наказан слепотой. В тексте Жития проконсул имеет имя Анфупат.

8. Деяния святых Апостолов 13, 10—11.

9. *Симон* волхв, уроженец Самарии, крестившись, продолжал волхвовать и привлекать к себе многих своим колдовством. В Риме он устроил состязание с апостолом Петром, пытаясь воскресить сына некой вдовы. Петр посрамил его, совершив чудесное воскресение, которое было не под силу Симону. Тогда волхв в доказательство своего могущества хотел вознестись на небо, но тщетно. Успев подняться на некоторую высоту, он, по молитве Петра, упал и погиб (См. Деян. 8, 9—24).

10. Второе Послание к Тимофею 4, 15.

11. Книга Пророка Михея 6, 12.

12. В тексте Жития: «увы душе, яко погибе говеинь от земля». Слово *говеинь* — «богобоязненный, благочестивый» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 51) является, вероятно, вторичным чтением. Первоначальное чтение, по-видимому, было связано со словом *гобино* — «изобилие», ср. Михей 7, 1: «Горе мне! Ибо со мною теперь — как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелого плода, которого желает душа моя» (Здесь и далее перевод цитируется по Синодальной Библии).

13. Псалтырь 5, 10. Далее — *Пс.*

14. Книга Притчей Соломоновых 14, 3.

15. *Дидаскал* (греч. *didaskalos*) — «учитель, наставник».

16. В издании В. Г. Дружинина отмечается, что этого текста в Книге пророка Исаии нет.

17. Пс. 51, 3—7.

18. Пс. 113, 16.

19. Вариант по спискам Жития: приемших ... пакости. *Пакость* — «зло, вред, ущерб», «поругание», «тяжелое испытание: беда, несчастье», «нечистота, мерзость» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1988. Т. 14. С. 130).

20. *Девтерономия* (греч. *Deuteróomion*) — пятая из книг Моисеевых, Второзаконие.

21. Ошибочно: вместо *тридцать вторая*.

22. Пятая книга Моисеева. Второзаконие 32, 37—39. Далее — *Второзак.*

23. Второзак. 32, 31.

24. Пс. 78, 6.

25. Третья причина, по которой языческая вера объявляется лучше христианской, несколько загадочна. Очевидно, имеется в виду ясновидение волхва.

26. Пс. 96, 7.

27. Пс. 113, 11.

28. Пс. 76, 14.

29. Пс. 113, 12—16.

30. Вторая книга Моисеева. Исход 3, 6.

31. Ср. Книга Пророка Исаии 44,6: «Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога».

32. Пс. 85, 10.

33. Слова *евангелист* и *благовестник* являются синонимами, первое из них — гречизм (греч. *evangelistés*) — «благовестник, проповедник учения Христова».

34. Слово *исповедник* имеет ряд значений: «святой, потерпевший гонения за веру», «проповедник», «последователь Христа, проповедник его учения». Название исповедник присоединяется к именам некоторых святых, например Василия, Максима и др. (Срезневский. Указ. соч. Т. 1. Ст. 1129; Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 17. С. 245).

35. *Постник* — монах, налагавший на себя обет большего чем обычно воздержания от пищи, питья, а также обет молчания (Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 17. С. 245).

36. Послание к Ефессянам 4, 5. Далее — *Посл. Ефес.*

37. Речь идет о семи Вселенских соборах, собраниях высшего духовенства, на которые согласно разработанной процедуре посылались представители христианских поместных церквей. На соборах разрабатывались вопросы богословия, христианского вероучения, нормы и правила богослужения, обсуждались приемы борьбы с ересями. Так, например, I Никейский собор (325 г.) принял «символ веры», осудил арианство как «безбожную ересь», рассмотрел и другие вопросы, на II Константинопольском соборе (381 г.) был канонизирован «символ веры» и продолжена борьба с ересями (ариан, евномиян и др.), была выработана формула «троичности Бога».

38. Ср. Посл. Ефес. 4, 17—18: «Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего. Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их».

39. *Иеромонах* — монах в сане священника.

40. Книга Премудрости Соломона 1, 4 (не входит в канон ветхозаветных книг).

41. Послание к Филиппийцам 1, 29.

42. Место неясно, в списках памятника имеются разночтения, которые препятствуют однозначному пониманию текста: «Мне бо, рече, еже жити — Христос, еже умрет (вариант: умрети) прибыток есть». Очевидно, речь идет о том, что если Стефан останется жить после предпринятого испытания, то «есть Христос» и восторжествует христианская вера, а если умрет (подразумевается волхв?), то Стефану будет это во благо, так как будет свидетельствовать о неправоте языческой веры. Если же считать, что в конструкции *еже жити ... еже умрети*, второй глагол тоже относится к Стефану, то остается неясным, какой «прибыток» будет священнику в случае его собственной смерти.

43. Пс. 82, 3.

44. Пс. 72, 9.

45. Пс. 85, 17.

46. Место испорчено и содержит разночтения по спискам Жития Стефана Пермского: «преобидевшиа убытка» (издание Дружинина), «преобидети у батка» (издание Кушелева-Безбородко). У глагола *преобидети* отмечен ряд значений: «относиться с презрением», «пренебрегать» (Срезневский. Указ. соч. Т. 2. Ст. 1675—1676).

47. Ср. Пс. 9, 16: «Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их».

48. Ср. Пс. 7, 16: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил».

49. Ср. Послание к Римлянам 8, 38—39: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

50. Евангелие от Матфея 21, 21—22.

51. Послание к Евреям 11, 6.

52. Пс. 140, 5.

53. Пс. 118, 79.

54. Евангелие от Марка 15, 15—16.

55. В подлиннике непереводаемая игра слов *запрещением запретила*.

56. Под словом *собор* здесь подразумевается собрание верующих во Христа, христианская церковь.

57. См. прим. 9.

58. Второе послание к Коринфянам 6, 14—15.

59. Первое послание к Коринфянам 5, 13.

60. Послание к Галатам 5, 9.

61. О Паме сохранились сведения, что после известного поражения в прении со Стефаном волхв, покинув Пермь, отправился в Сибирь и там, на реке Оби, основал селение Алтым.

62. Книги, написанные на зырянском языке изобретенными Стефаном буквами зырянской азбуки, к сожалению, до настоящего времени не сохранились. Остались лишь надписи зырянскими буквами на иконах и крестах.

*Вступление, перевод и примечания
кандидата филологических наук
Г. С. Баранковой*

Почему Даугавпилс назывался Борисоглебовом

*А. М. КУЗНЕЦОВ,
кандидат филологических наук*

Город Даугавпилс, расположенный на территории Латвии, был основан в 1275 году магистром Ливонского ордена Эрнестом фон Ратцебургом. За долгое время своего существования он не раз переходил из рук в руки, был перенесен на новое место, сменил несколько названий. Первоначально крепость именовалась Динабургом по реке, на правом берегу которой и был выстроен замок. С Западной Двиной, или Даугавой, связаны и следующие названия города: в 1893 году город получил русское имя Двинск, а в 1918 году латышское — Даугавпилс. Но в XVII веке был небольшой период, когда город, войдя в состав России, стал называться Борисоглебовом. Напоминает об этом факте возвышающийся над городом Борисоглебский собор, построенный в 1905 году. Какое отношение имеют первые русские святые Борис и Глеб к истории города?

В существующей литературе, казалось бы, можно найти ответ на

этот вопрос. После воссоединения Украины с Россией началась русско-польская война, в которую вмешалась Швеция. Динабург оказался в зоне военных действий. Эпизод взятия города русскими войсками описан, например, в книге искусствоведа Л. Л. Тайвана «По Латгалии». Он приводит текст разрядных книг по витебскому изданию 1893 года книги А. Сапунова «Река Западная Двина. Историко-географический обзор»: «В 1656 году Динабург в качестве военной добычи попал в руки русского царя Алексея Михайловича. В разрядных книгах так рассказывается об этом событии: „Июля в 30 день, великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, изволил праздновать страстотерпцам Христовым Борису и Глебу и слушал всенощную, и по свершении всенощного указал государь своим государевым ратным людям к немецкому городку Динабургу приступить: и его государевы ратные люди город Динабург взяли, и дворы и костелы выжгли, а немецких людей высекли, и наряд и всякие пушечные запасы поимали“.

Соответственно дню взятия город Динабург был переименован в Борисоглебск и на протяжении четырех лет носил это название» (Серия «Дороги к прекрасному». М., 1988. С. 71).

Русский историк С. М. Соловьев, описывая этот эпизод, вероятно, пользовался другими документами: «5 июля царь торжественно въехал в Полоцк и 15 выступил с полками против шведов в Ливонию; 31 июля 3400 русских ратных людей приступили к Динабургу ночью; за два часа до света большой город был уже взят, потом взяли и меньшей, или верхний, где вырубили всех людей. Немедленно царь велел построить в Динабурге церковь св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом» (История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. Т. 10. С. 656).

Как видим, во-первых, не совпадают формы русского названия города *Борисоглебск* и *Борисоглебов*; во-вторых, С. М. Соловьев ничего не говорит о всенощной перед взятием города 31 июля, зато указывает на строительство церкви в честь Бориса и Глеба.

Прежде чем прокомментировать эти два рассказа, обратимся к другим источникам. Благодаря стараниям сотрудников Даугавпилсского краеведческого музея удалось обнаружить несколько русских грамот времен Алексея Михайловича, посланных из Динабурга на имя царя. Местные архивы утрачены, а уцелевшие грамоты хранятся в Центральном государственном архиве древних актов. Фотокопии этих документов теперь имеются в музее. Одна из грамот, на которую сейчас нам следует обратить внимание, несколько лет демонстрировалась за стеклом музейной витрины. По просьбе сотрудников я прочитал скорописные тексты. Вот перевод грамоты, она не имеет указаний на год написания, но по содержанию явно относится к 1656 году: «Государю царю и великому князю Алексею Михайло-

вичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу холопы твои Сенька Стрешнев с товарищами челом бьют.

Июля, государь, в 1 день в твоей государевой и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца грамоте писано нам, холопам твоим, что велено отписать тебе, великому государю, тотчас, что у нас, холопов твоих, твоего государева дела делается. И июля, государь, в 19 день писали мы, холопы твои, тебе, великому государю, с друйским казаком Гришкой Скимонтовым, что мы, холопы твои, со всеми твоими государевыми служилыми людьми пришли к Динабургу [в оригинале: Динобороку.— А. К.] июля в 18 день и город Динабург осадили, и божьим и твоим государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца произволением над городом и над городскими жителями начали властвовать, шанцы [окопы.— А. К.] копать и туры [мешки с песком.— А. К.] ставить того же числа.

А рекою, государь, Двиною твоим государевым служилым людям ныне в стругах [деревянное плоскдонное судно.— А. К.] мимо города пройти невозможно, потому что со стороны города и против города на другой стороне реки Двины по берегу вырыты были шанцы, и на реку на Двину с берега стреляют из полуторных пищалей беспрестанно. И мы, холопы твои, милостью божьей из-за Двины реки из шанцев выбили и заботимся мы, холопы твои, о том, чтобы струги с твоими государевыми служилыми людьми мимо города пропустить быстрее. А чаем, государь, милости божией и по твоей государевой молитве струги с твоими государевыми служилыми людьми мимо Динабурга пропустим. А какого числа, государь, струги с твоими государевыми служилыми людьми рекою Двиною мимо Динабурга вниз пропустим и мы, холопы твои, с твоими государевыми служилыми людьми за ними пойдем, тебе, великому государю, о том отпишем того же числа».

Итак, осада Динабурга русскими войсками началась 18 июля (по старому стилю) 1656 года. В тот же день русские уже были в городе, а 19 июля Семен Стрешнев сообщает царю о том, что только берега реки заняты противником, и обещает отписать царю сразу же, как их удастся захватить.

Таким образом, дату в разрядных книгах, цитируемых Л. Л. Тайваном, надо понимать как дату записи, а не дату взятия города. Не мог Алексей Михайлович 30 июля слушать всенощную. Память святых Бориса и Глеба русская православная церковь отмечает 24 июля. Эта традиция восходит к XI веку. Кроме даты 24 июля (дня смерти одного из братьев — Бориса) церковь отмечала еще 5 сентября (смерть Глеба), 2 мая и 30 мая, потом добавились также 12 августа и 11 августа. Но день 24 июля оставался главным из всех этих

празднеств и причислялся к великим годовым праздникам (Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. XI—XVI вв. М., 1986. С. 13—36).

Следовательно, царь Алексей Михайлович слушал всенощную 24 июля. Не в этот ли день он получил известие о взятии города передовыми отрядами? Вполне вероятно, что отписка Семена Стрешнева, отправленная из Динабурга 19 июля, шла до Полоцка, где на 5 дней остановился царь. Получив добрую весть, Алексей Михайлович расценил эти события как помощь Бориса и Глеба, отслушал всенощную и повелел двигаться войскам к Динабургу, который отныне будет называться Борисоглебовом. В ночь с 30 на 31 июля царские войска вошли в Динабург. То есть переход был осуществлен опять-таки за 5 дней (вышли 25 июля)!

Что касается названия *Борисоглебск*, то оно неправильное. К сожалению, именно эту форму приводят в популярной справочной литературе, в рекламных надписях. Во всех русских грамотах XVII века город называется Борисоглебовом в отличие от Борисоглебска — города в Воронежской области, основанного в XVII веке. Кстати, Борисоглебовом Динабург именовался не 4 года, как указывает Л. Л. Тайван, а больше — до 1667 года, а самые поздние из сохранившихся грамот относятся к 1664 году.

Даугавпилс,
Латвия

СРЕДСТВА СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ДОКУМЕНТАХ XVIII ВЕКА

Г. И. БАГРЯНЦЕВА,
кандидат филологических наук

Интересной страницей нашего прошлого являются деловые бумаги, которые отличаются друг от друга не только историческими реалиями, но и языком, стилем, построением. Причин такому отличию много и в некоторых из них мы попытались разобраться, используя документы XVIII века.

При сравнении деловых бумаг петровской эпохи с более ранними бросается в глаза то, что в этот период заметно активизировалась переводческая деятельность. Переводили в то время, главным образом, с немецкого, а его синтаксический строй испытал сильное воздействие латинского языка, что и оказало влияние на формирование стиля русской деловой речи (см. подробнее Гухман М. М. и др. История немецкого литературного языка XVI—XVII вв. М., 1984. С. 13, 21).

В первую очередь это влияние сказалось на величине объема периодов и отдельных предложений, которые стали громоздкими. Особенно велики они в указах, докладах, доношениях, рапортах и прошениях, описательных по своему характеру. Одно предложение часто занимало полстраницы, например: «Сего 1726 г. марта 19-го дня Ея Императорское Величество указала грузинскому царю Вахтангу <...> со всея при нем фамилии ево и протчими чиновными и другими людьми, которые с ним царем поедут, включая в то число и тех, которых он царь с собою берет из Москвы от царевны меретийской,— двадцать тысяч рублей» (Из Указа Екатерины I).

Влияние латино-немецкого синтаксиса сказалось на порядке слов и составе предложения. Суть его заключалась в постановке глагола, а также любой другой части речи, выступавшей в роли сказуемого, в конце предложения: «И по тому их челобитью вывоз оным нарвским жителем впредь гишпанской соли, табаку и вина французского и о продаже позволения Сенат без указу Вашего Величества *дать не может*; а мнение свое *доносит*, что тот торг по мнению камор и коммерц-коллегии нарвским жителем с показанным в том мнение подтверждением и с платежем пошлин почему прежде сего *платили, позволить надлежит*» (Всепоподданнейшее доношение Сената. Здесь и далее курсив в цитатах мой.— Г. Б.); «Вашего И.

В-ва указ, за подписанием собственныя Вашего И. В-ва руки, сего декабря от 15-го, о изготовлении во флоте, к прибытию В. И. В-ва в С.-Петербург, к рассмотрению подлежащих ведомостей, сего же декабря 21 дня, адмиралтейств — коллегия *получили*, и по тому В. И. В-ва указу, оная коллегия всеподданнейше *исполнять будет*» (Всеподданнейший рапорт Адмиралтейской коллегии).

Другой отличительной чертой текстов документов XVIII века являются средства связи предложений. Анализ конкретных источников показал, что на всем протяжении XVIII века в деловой письменности были широко представлены сложные предложения с развитой системой подчинительных связей, так как «основная разновидность канцелярского [делового. — Г. Б.] стиля имеет своей задачей представить все обстоятельства дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом. Отсюда и вытекает культура сложных предложений по способу подчинения в канцелярском стиле» (Щерба Л. В. Современный русский язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 21).

Необходимость разъяснения причин и мотивов, послуживших поводом к отдаче того или иного приказа или распоряжения в указах и рескриптах, обязательность аргументации просьбы в доношениях, рапортах и прошениях обуславливали наличие в структуре этих документов казусно-мотивировочного раздела. А это, в свою очередь, вело к преобладанию придаточных предложений причины.

Большинство таких предложений оформлено союзом *понеже*, который в «Словаре Академии Российской» (1789—1794) охарактеризован следующим образом: «Союз винословный [причины. — Г. Б.]. Поелику, ибо, потому что» (СПб., 1794). Союз *понеже* возник из союза *поне* и частицы *же* еще в древнерусский период. Но лишь к началу XVIII века этот союз становится самым распространенным причинным союзом в документальных текстах. Причем, если придаточное предложение причины начинается союзом *понеже*, то началом главного предложения является союз *того ради*, который выполнял функции заключительного и усилительно-выделительного союза, например: «*Понеже* высокому Ея И. В-ва интересу не малое чрез то препятствие чинится, то едва не все при Академии Наук обретающиеся служители, вместо исправления своей должности и надлежащей работы, для нужного пропитания по миру ходить и время свое прошением милостыни препровождают принуждены, *того ради* для высокога интереса и собственной Ея И. В-ва славы, обязанна себя нахожу именем толь многих совершенную нужду и крайнюю бедность претерпевающих людей просить...» (Всеподданнейший доклад Шумахера).

Наряду с *понеже* придаточные предложения причины оформлялись союзом *поелику*, имевшим в рассматриваемый период значе-

ния: «Понеже, потому что, для того что, ибо» (Словарь Академии Российской). Но эти конструкции с союзами *понеже* и *поелику* не закрепились в русской деловой речи и впоследствии исчезли. На смену им пришли придаточные предложения, оформленные сложными причинными союзами: *потому что, для того что, так как*.

Второе место по употребительности в деловых текстах XVIII века занимали придаточные предложения цели, которые были оформлены союзами *дабы* и *чтобы/чтоб*. Союз *дабы* — «союз сочиняемый [употребляемый. — Г. Б.] с глаголами прошедшего неопределенного, и совершенного времени, так же с неокончательным наклонением, значащий *Чтобы*» (Словарь Академии Российской) употреблялся обычно с придаточными цели. Целевые придаточные предложения с союзом *дабы* начинают встречаться в деловой письменности уже во второй половине XVII века и по традиции переходят в документы XVIII, например: «...того ради по силе того тарифа марта 9 дня сего 724 г. посланы во все губернии и провинции его и в указы, *дабы* те полотна к Санкт-Петербургскому порту ис тех губерний и провинций пропускали невозбранно...» (Промемория из Коммерц-коллегии).

Союз *чтобы/чтоб* имел такое же значение, что и *дабы*, поэтому они употреблялись как синонимы: «Сенату по сему повелеваем заблаговременно учредить такое распоряжение, *чтоб* с перваго будущего генваря сумма сия по верному расчислению камор, берг и мануфактур коллегий доходила в казну нашу» (Указ Екатерины II). Придаточные предложения цели, оформленные союзом *чтобы/чтоб*, оказались наиболее устойчивыми в русской деловой письменности, так как *чтобы* является исконно русским союзом, сформировавшимся в живой разговорной речи.

В современных документальных текстах конструкции придаточных предложений цели с союзом *чтобы* являются самыми распространенными.

Союзами *дабы, чтобы/чтоб* оформлялись, кроме того, изъяснительные предложения: «Того ради Вашего И. В-ва всеподданнейше прошу, *дабы* соблаговолено было о произведении означенных регламентов в печать, для всенародной пользы, Академии указное позволение учинить и в продажу повелеть» (Всеподданнейший доклад Корфа); «Согласуя с мнением вашим, *чтобы* на случай войны с сильным и регулярным неприятелем иметь надежный и свойственный тому отборный корпус кавалерии, соизволяем, *чтобы* полк Наш лейб-кирасирский устроен был из тридцати эскадронов в пятнадцати дивизионах» (Рескрипт Екатерины II).

Условные предложения чаще встречались в законодательных актах (регламентах, трактатах, уставах и др.), реже — в докладах, доношениях рескриптах и других документах служебной переписки, однако везде эти предложения имеют одинаковый набор союзов.

Самый употребительный среди них *буде* — «Союз условный. Ежели, если, когда» (Словарь Академии Российской).

В XVIII веке этот союз прочно закрепляется за документальными жанрами: «... во исполнение онаго из Правительствующего Сената указу помянутых записных в красильной цех крестьян Петрова и Григорьева, также и других, *буде* кто в тот цех Московским Магистратом записаны, ис того цеху выключить» (Промемория из Главного магистрата).

Условные предложения оформлялись и союзами *ежели, если/если*. *Ежели* имел значения «когда, *буде*» и всегда употреблялся с одним из сочинительных союзов (*а, и, но*), образуя сложный, одновременно выражающий условие и связь между собой частей высказывания: «Прошедшего февраля 10 дня (...) повелено объявить бывшему Иркутскому вице-губернатору Жолобову милосердый Вашего И. В-ва указ, чтоб он совестно объявил вину свою во всем, в чем виноват, и *ежели* истину объявит, то может получить в том милосердное прощение, а *ежели* что утаит, а потом сыскано будет, тогда с ним поступлено будет, чего он по делам своим достоин будет» (Всеподданнейший доклад Следственной комиссии).

Союз *если/если* имел значения, аналогичные союзам *буде* и *ежели*, и поэтому выполнял одинаковую с ними функцию, например: «Вы же и с своей стороны имеете сии Наши повеления сообщить в точности как адмиралу Спиридову, так и контр-адмиралу Эльфинстону, *если* сей последний находится будет тогда со своею эскадрою в какой-либо определенной и особливою экспедиции» (Рескрипт Екатерины II).

Кроме того, в главном предложении употреблялся соотносительный союз *то*, который выполнял при этом роль слова-скрепы: «А *буде* в продаже деревень ныне дать ей, графине Шереметевой, позволение, а дети ее еще не в совершенных летех, *то* указам Вашего Величества будет противно» (Всеподданнейший доклад Верховного тайного совета).

Из названных условных союзов в современной деловой речи употребляется только *если*. Союз *ежели* уже в первой трети XIX века сохраняется только в просторечии и диалектах (Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. С. 236). К началу XX века выходит из употребления и союз *буде*.

Для оформления уступительных предложений в документальных текстах XVIII века употреблялся союз *хотя*: «*Хотя* поданным от военной коллегии докладом требовано об отпуске (...) денежной казны 12000 руб., однакож, по резолюции Вашего И. В-ва Кабинета, велено той коллегии прежним деньгам освидетельствовать расход порядочно» (Всеподданнейший доклад Военной коллегии). Этот союз

как основной уступительный встречается и в современной деловой речи.

Достаточно часто союзы, выражавшие логические отношения в пределах высказывания, употреблялись в документальных текстах совместно с сочинительными *и*, *а*, *но*. Они имели усилительно-выделительное значение при связи отдельных частей подчинительной конструкции, являясь союзами-частицами: «*Но понеже*, Всемилостивейшая Государыня-Императрица, не отпущено еще в означенный л-гвардии конный полк, в положенную по табелю на прошлый 1736 г. на жалованье-ж и на другие расходы денежную-ж сумму, из Сибирского приказа и доньне 40242 руб 86 коп. <...> *и того ради* Вашему И. В-ву всеподданнейше доношу...» (Всеподданнейший доклад Траутфеттера); «*И буде* в Астрахани пользоваться ему доктору будет не можно, *то б* его отпустить» (Всеподданнейшее доношение Медицинской канцелярии).

Совместное употребление подчинительных союзов, а также *и*, *а*, *но* в документах XVIII века говорит о совмещении в их синтаксисе книжных и разговорных черт. Все подчинительные союзы по своему характеру были типично книжными, в то время как сочинительные средства связи несли на себе печать живой речи данного периода.

Частота употребления сочинительных союзов для связи высказываний в документальных текстах данного периода заметно снизилась, так как увеличился отрыв делового языка от разговорной речи. Однако в документах первой трети XVIII века еще встречаются союзы *и*, *а*, *да*. При этом для высказываний, оформленных названными союзами, характерно отсутствие каких-либо логических отношений, в них наблюдается простая констатация фактов.

Тула

Севастополь, Чистополь

Названия городов на *-поль*

А. И. МОИСЕЕВ,

доктор филологических наук

В русском языке довольно широко представлены названия городов на *-поль*: Севастополь, Чистополь, Григориополь, Каргополь, Мариуполь, Овидиополь и многие другие. Они разнообразны прежде всего по характеру их первой составной части, до *-поль*, но и вторая их часть, собственно *-поль*, по своему происхождению и значению тоже не одина.

В наименованиях типа Севастополь, Мариуполь, Григориополь их составной элемент *-поль* восходит к греческому слову *полис* (*polis* со значением «город»): *Мариуполь* буквально — «город Марии». Именно в таком значении использовал этот элемент А. С. Пушкин в своем поэтическом неологизме *Петрополь* — «поэтическое наименование Петербурга» (Словарь языка Пушкина. М., 1959. Т. 3. С. 333): «И всплыл Петрополь, как тритон, по пояс в воду погружен» (Медный всадник).

Слово *полис* заимствовано в русский язык из греческого не только в значении «город», но и в более специфическом — «город-госу-

дарство», что фиксируют многие словари и энциклопедии, начиная с энциклопедии братьев Гранат. Но употребляется слово *полис* редко, и только в специальных текстах применительно к античной истории.

Корневая часть этого слова встречается и во многих заимствованных нарицательных именах существительных: *акрополь*, *некрополь*, а также в составе сложного слова *мега(ло)полис*.

Акрополь (буквально — «верхний город, вышгород», от греч. *akros* — «верхний») — «центральная укрепленная часть древнегреческого города, расположенная обычно на холме; крепость, кремль» (Словарь современного русского литературного языка. В 17 т.). Буквальный перевод слова *акрополь* использован в названии древнерусского города *Вышгород*, пригорода Киева. Вышгород в древности считался городом княгини Ольги: «...бе бо Вышгород город Вользин» («ибо был Вышгород городом Ольги» — Повесть временных лет. М., 1959. Ч. 1). *Некрополь* (буквально — «город мертвых», от греч. *nekros* «мертвый») — «в древнем мире — большое кладбище»; «кладбище, на котором похоронены знаменитые люди».

Мега(ло)полис (буквально — «большой город», от греч. *megos* — большой) — «сверхкрупный город, городская конгломерация».

Древнейшим, исходным образцом для городских наименований с *-поль* было название города *Константинополь* (буквально — «город Константина»). Столица Византийской империи Константинополь основан в 324—330 гг. римским императором Константином I Великим на месте более древнего города Византии; после захвата Византии турками Константинополь был переименован в Стамбул.

В Древней Руси было принято столицу Византийской империи называть не Константинополем, а *Царьградом* или *Цесарьградом* («Повесть временных лет»). Русские князья со своими дружинами совершали частые походы на Царьград по знаменитому пути «из варяг в греки». Наименование *Царьград* (*Цесарьград*) — неполная, частичная калька *Константинополя*. Первая часть исходного наименования передана (переведена) с метонимическим переосмыслением: Константин — император, по-русски — царь. Само слово *царь* восходит, также с переосмыслением и метонимическим переносом, к имени (прозвищу) римского императора Гая Юлия Цезаря (102 или 100—44 гг. до н. э.). *Цезарь* — буквально «вырезанный», т. е. рожденный с применением «кесарева сечения». Вторая часть — *-поль* переведена словом *град*, старославянская параллель русского *город*.

Наименования городов на *-поль* в русском языке в основной их части сложились и закрепились, главным образом, во второй половине XVIII века, в царствование Екатерины II. Показатель *-поль* при этом уже не калькировался, а заимствовался как топонимическая примета. Первые части таких наименований были преимущественно именами собственными: *Александрополь*, *Борисполь*, но встречаются

ся и с нарицательными существительными в первой части, во многих случаях заимствованными: *Никополь*, *Богополь*, *Новополь*, *Острополь* (*Старый Острополь*), *Севастополь*, *Серебродоль*, *Симферополь*, *Ставрополь*, *Тернополь*, *Ямполь* (ср. Ямбург).

Но мало определить составные части наименований, надо знать их значение, их прикрепленность к конкретным носителям. Если в начале названия, например, города Григориополь находится собственное имя Григорий, то надо знать, кому оно принадлежало. В этом отношении с достаточной определенностью могут быть разъяснены пока лишь некоторые наименования.

Александрополь — название города Кумайри (Армения) в период с 1840 по 1924 год (с 1837 — русская крепость на границе с Турцией). Переименование было проведено в честь императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Борисполь (Украина), известен с 1590 года. Судя по хронологии, город был назван в честь Бориса Годунова, правителя Московского государства при царе Федоре Иоанновиче.

Григориополь (на левом берегу Днестровского лимана, Молдавия), основан в 1792 году и назван в память князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, «устроителя всего Новороссийского края» (Городские поселения Российской империи. СПб., 1865. Т. V. Ч. 2. С. 60); «Название нового города Григориополем было дано самой государыней» (там же). При Павле I проведено переименование в город Черный, при Александре I возвращено первоначальное наименование.

Екатеринополь (Украина). В Указе Екатерины II (1795) город назван «бывшим местечком Кальниболотом», но далее именовался в ее честь.

Елизаветполь — название города Гянджа (Азербайджан) в период с 1804 по 1918. Переименовывался по имени Елизаветы Александровны, жены Александра I.

Мариуполь (Украина). Существуют два предположения: 1) город назван в честь Марии Федоровны, жены Павла I, тогда еще наследника престола (Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966); 2) город «был обязан своим началом выселившимся из Крыма грекам, потомкам древних таврических колонистов. Переселение было совершено под влиянием Суворова в 1779 году. Придя на отведенные им земли, греки основали 20 поселений и город Мариуполь или Марианполь, названный так во славу пресвятой девы Марии, древняя икона которой привезена была греками из Крыма» (Городские поселения. Т. II. С. 187).

Овидиополь, основан в 1793 году при Днестровском лимане, но развития не получил. Назван в честь римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.), сосланного примерно в эти места

императором Августом Октавианом (63 до н. э. — 14 н. э.). «Громкое имя Овидиополь было дано новому городу в том предположении, что, по мнению ученых, в здешних местах находился г. Томи, куда был сослан... Овидий Назон» (Городские поселения. Т. V. Ч. 2. С. 104). Город Томи (Томы), а также место ссылки Овидия локализуют и в других пунктах Причерноморья, но связь названия города Овидиополь с именем римского поэта при этом не подрывается.

Лиц, давших жизнь наименованиям городов *Аннаполь*, *Андреаполь*, *Иванполь*, *Мариянполь*, можно было бы также поискать среди исторических «знаменитостей», но прямых данных для этого нет. Сами же объекты часто были весьма незначительными, например, Аннаполь — местечко на Волыни «составляет частную собственность»; «Миланка, или Быково, иначе Аннаполь» (Городские поселения. Т. V. Ч. 2. С. 237). Можно предположить, что в основу многих таких наименований легли имена каких-либо местных, даже семейных «знаменитостей»: «В основном это названия бывших помещичьих имений. Они содержат в первой части личные имена, мужские и женские, а иногда и фамилии (Корнполь)...» (Семенова М. Ф. Некоторые русские топонимические названия Латвийской ССР // Питання ономастики. Киев, 1965. С. 232).

Теофиполь (*Теофильполь*), до 1740 года — Чолхан, «переименование... по имени владельницы» (Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863—1885. Т. V. С. 101). Сравним первоначальное (до 1951 г.) название города Первомайска (Нижегородской обл.) — Ташино, по имени Таша (Наталья), жены владельца местного завода помещика А. Н. Карамзина, сына историка и писателя Н. М. Карамзина (Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня. 1917—1992. М., 1993. С. 143).

В наименованиях *Ольвиополь* и *Тирасполь* нашла отражение память о древнегреческих колониях в Причерноморье — Ольвии и Тирасе.

Ольвия (греч. *Olvia* «счастливая») — античный город (6 в. до н. э. — 4 в. н. э.) на берегу Днепро-Бугского лимана; сохранились руины у села Парутино близ города Николаева. *Ольвиополь* — город с 1773 года (с 1920 г. Первомайск, Николаевской обл.).

Тирас — древнегреческое название реки Днестр. *Тирасполь* (буквально — «город на Тирасе») основан в 1792 году на левом берегу Днестра, на месте, выбранном А. В. Суворовым, против города Бендеры (в то время — турецкая крепость). Здесь находилось селение Старая Сукля.

При выяснении наименований, образованных от нарицательных имен, возникают этимологические трудности. Так, например, в России было два города с названием Ставрополь: *Ставрополь* в Самарской обл. (современный — Тольятти, с 1964 г.) и *Ставрополь* на

Северном Кавказе, административный центр края. Этот город в 1935—1944 гг. значился под именем Ворошиловск, затем вновь стал Ставрополем. Самарский Ставрополь старше и основан в 1737 году, кавказский — в 1777. Название *Ставрополь* переводится как «город (святого) креста», от греч. *ставр* — «крест» (Юшманов Н. В. Элементы международной терминологии. М., 1968. С. 32).

Самарский Ставрополь первоначально крепость. Основан на Волге для крещеных калмыков во главе с их княгиней Анной, вдовой князя Петра Тайшина, получившего княжеский титул после крещения от императрицы Анны Иоанновны: «имя крепости велено было дать Ставрополь, что значит „город святого креста“...Туда вскоре переехала княгиня Анна и с нею 700 кибиток крещеных калмыков» (Городские поселения. Т. IV. С. 395). В середине XX века город перенесен на новое место и в 1964 году переименован.

О кавказском Ставрополе географ П. П. Семенов писал так: «Когда и по какому случаю ему присвоено греческое название Ставрополь (т. е. город креста) — не известно. По преданию, при основании укрепления был найден в земле крест, что и послужило к названию. Но ученые утверждают, что город назван Ставрополем в память бывшей на берегу Каспийского моря целой области Ставрополь. Кроме нынешнего города на Северном Кавказе название Креста носили еще два города» (Географическо-статистический словарь. Т. IV. С. 719). В. А. Никонов также писал о найденном кресте, но при постройке другого населенного пункта, название которого и перенесено на данный город.

Никополь (Украина), до 1782 года — село Никитино. Наименование *Никополь* означает «город победы»: первая часть *Ник(о)* — от греч. *nike* (*nike*) — «победа». Был и другой «город победы» — древний Никополь (римский город 2—7 вв. на территории современной Болгарии), но между этими двумя Никополями вряд ли была связь непосредственной преемственности. Название нового Никополя сложилось самостоятельно. Это своеобразное продолжение или наследие предшествующего названия того же селения — Никитино, от личного имени Никита, буквально — «победитель».

Севастополь заложен в 1783 году как морская крепость на месте татарской деревни Ахтиар (Белый яр, обрыв). Название *Севастополь* буквально (по внутренней форме) толкуется как «славный город» (Городские поселения), «красивый город» (Брокгауз и Ефрон), исходя из греч. *sebastos* — «высокий, священный» (этого же корня и личные имена Себастьян, Севастьян).

Первая часть (до *-поль*) наименования *Симферополь* состоит из *Сим-* (греч. *sym*), означающего приставку «со-» и *-фер-* от греч. *phero* — «нести», в целом (*symphero*) — «сносить», а также «быть выгодным», (*sympheron*) — «выгода, польза». Исходя из этого, *Сим-*

ферополь буквально означает «сборный город», «город-собиратель», или, что более убедительно, «город пользы и выгоды». В гербе города была раньше надпись — *полезное*.

Пока говорилось лишь о названиях на *-поль* со значением «город». Но есть наименования городов на *-поль* с другим значением — «поле». Это прежде всего город *Чистополь* (на реке Кама в Татарстане): до 1781 года здесь было село *Чистое Поле*. Названия населенных пунктов на основе или с использованием слова (понятия) *поле у нас — не редкость: Лодейное Поле* (на реке Свирь в Ленинградской обл.), *Гуляйполе* (Запорожская обл.), *Перекашиполе* (Смоленская обл.), *Белополье* (Сумская обл.), *Мирополье* (Курская обл.), *Триполье* (село под Киевом; по этому селу названы Трипольская культура и Трипольский поход), *Мариямполье* (название литовского города Капсукас до 1955 года) и др.

В Нижегородской области отмечено до двадцати названий со словом *поле: Большое Поле, Чистое Поле* и т. п. (Трубе Л. Л., Хорев Б. С. К топонимии населенных пунктов Горьковской области // Питання ономастики. Киев, 1965. С. 216). Исследователь М. Ф. Семенова, приведя около 25 наименований на *-поль*, в указанной ранее статье пишет: «...возможно, что *-поль* в данном случае является калькой немецких образований на *-фельд*» (Указ. соч. С. 232).

Именно с этим значением показатель *-поль* отмечается в названиях *Каргополь* и, видимо, в *Тернополь*. Каргополь (Архангельская обл.) известен с 1380 года, расположен в верховьях реки Онеги. К. П. Гемп предложил в своей работе «Каргополь» (Архангельск, 1968) несколько этимологий. Одна из них: *Каргополь* — «воронье поле» (*карга* — ворона); отмечено раздельное написание: *Карго поле*.

Областной центр *Тернополь* расположен на реке Серет. Известен с 1540 года до 1944 — *Тарнополь*. С 1772 года находился в составе Австрии; с 1919 — Польши, с 1939 — Украины. Предположительно образован от *терн* и *поле* — город в «степи, заросшей терном, терновником», «в тернистом поле».

Пока не выявлена этимология названия *Ямполь*. Имеется по крайней мере четыре города с названием Ямполь: в Винницкой, Донецкой, Сумской и Хмельницкой областях. Первая часть этого наименования может ассоциироваться с существительным *ям* — «почтовая станция или селение на почтовом тракте» и *яма* «углубление в земле», а вторая часть — с *полис* «город» и с *полем*: Ямполь, таким образом, буквально может значить и «ямской город» и «ямское поле». Все Ямпольи оказались на юге, где распространены названия на *-поль* со значением «город». А вот пример с начальным *Ям-*, но с другим «городским» продолжением: *Ямбург*: «...полагают, что еще в половине IX в. на месте его находилось селение, носившее название Яма...». В летописи под 1384 годом говорится, что новгородцы «по-

ставили городок <...> на реке на Луге Яму» (Семенов П. П. Указ. соч. Т. V. С. 951). За долгое свое существование город переходил к Литве, Швеции и лишь в 1703 году был окончательно присоединен к России; по повелению Петра I был наречен *Ямбургом* и вошел во владение Меншикова. В 1922 году переименован в Кингисепп (Ленинградская обл.).

Ямбург II на полуострове Ямал, отраженный в названии Ямбургского месторождения газа, имеет местную этимологию — «большое болото» — и лишь «втянуто» в ряд наименований на *-бург* «город».

Итак, в названиях городов на *-поль* довольно широко проявляются по крайней мере два значения этого форманта, идущие от слов: 1) *полис* — «город» и 2) *поле*. Но в топонимической литературе отмечен еще один *-поль*, со значением «край», «сторона/страна» (из финно-угорских языков): *Метсеполе* (Латвия) — буквально «лесной край» (Семенова М. Ф. Указ. соч. С. 232).

Санкт-Петербург

Шестая сказка Пушкина,
или
Для чего собирались звери

Д. Н. МЕДРИШ,

доктор филологических наук

Нередко ошибочные утверждения считаются истинными, поскольку положения, на которых они покоятся, принимаются за аксиомы, хотя на самом деле таковыми не являются. Не этим ли обстоятельством объясняется незыблемость характеристики, которая при посмертной публикации была дана одному из пушкинских шедевров — «Сказке о медведихе»? Уже полтора столетия спорят ученые о том, почему «не задалась» Пушкину эта сказка и отчего он ее не закончил, в то время как предварительно следовало бы выяснить: а действительно ли перед нами незавершенное произведение? И только совсем недавно Т. В. Зуева высказала сомнение на этот счет — на том основании, что два эмоциональных полюса — веселые игры медведей и убийство медведицы с медвежатами — «создают идейно-художественную целостность», а «ступенчатое сужение концовки подчеркивает художественную завершенность произведения» (Зуева Т. В. Сказки Пушкина: Книга для учителя. М., 1989. С. 48, 50).

Что касается первого довода Т. В. Зуевой, то ведь и ее предшественники руководствовались своими представлениями о целостности произведения, однако пришли к прямо противоположным выводам. По их мнению, балагурный перечень явившихся в гости к медведю

зверей, после описания убийства медведицы с медвежатами и плача медведя, нарушает художественную целостность произведения (оттого оно, якобы, и осталось незавершенным). Второе же замечание Т. В. Зуевой — насчет ступенчатого сужения — в принципе справедливо, это действительно признак завершения сцены или картины, но ведь не обязательно же финальной: такое построение встречается и в середине, и в начале фольклорного произведения. И тем не менее Т. В. Зуева первая, насколько нам известно, усомнилась в том, что другим казалось самоочевидным, — пусть даже истина скорее почувствована, чем доказана. Жаль, что ее выступление осталось незамеченным.

О том, что «Сказка о медведихе» — незаконченное произведение, «отрывок», «фрагмент», «набросок», писали Вс. Миллер, Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, С. М. Бонди, Р. М. Волков, И. П. Лупанова, Д. Д. Благой, В. Д. Сквозников, А. А. Карпов и многие другие. И если в дальнейшем рассматриваются прежде всего положения, выдвинутые Е. З. Тарлановым и Л. В. Савельевой в их статье «Фольклорные традиции в поэтике „Сказки о медведихе“ А. С. Пушкина» (Язык русского фольклора: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1992. С. 117—133), то такое предпочтение объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, это публикация последняя по времени и потому в определенной степени итоговая, учитывающая мнения предшественников (за исключением разве только Т. В. Зуевой). Во-вторых, как замечают сами авторы, до выхода в свет их исследования «эта незавершенная сказка ни разу не была объектом специального изучения в статьях и монографиях пушкинистов» (Язык русского фольклора. С. 119), и нигде прежде «неоконченная» сказка не рассматривалась с такой полнотой и обстоятельностью. В-третьих, авторы статьи ссылаются не столько на свои впечатления, сколько на факты («фольклорные традиции») и на конкретный анализ пушкинского текста («в поэтике»), в то время как другие исследователи и комментаторы, полагая, что сказку Пушкин не закончил, обычно объясняют это прежде всего эмоциональной несогласованностью написанных ее частей — а это уже оценка по впечатлению и в зависимости от вкуса.

Конечно, хотя «о вкусах не спорят», считаться с ними все же следует; но почему тогда не прислушаться и к мнению Ф. М. Достоевского, читавшего эту сказку на вечере памяти Пушкина и отметившего силу и целостность впечатления, которое она на него производит: «Сказание о медведе, у которого убили медведицу, — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное в его созерцании народа» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 116). Е. З. Тарланов и Л. В. Савельева впечатлениями не ограничиваются — они ищут доказательств.

Словом, в работе петрозаводских исследователей традиционная точка зрения на «Сказку о медведихе» как произведение незаконченное представлена наиболее полно и основательно. По их убеждению, Пушкин не завершил сказку оттого, что отказался от заключительной сцены, содержание которой авторы тут же восстанавливают по предполагаемому фольклорному первоисточнику: «... невозможно сомневаться в том, что в качестве первоосновы для своего произведения А. С. Пушкин избрал чисто восточнославянскую сказку (...) о медведе на липовой ноге, отомстившем мужику за свое увече» (Язык русского фольклора. С. 121). Мечь медведя, таким образом, представляется развязкой, и притом обязательной, но для Пушкина-гуманиста неприемлемой, а посему, по мнению авторов, и не смог он завершить свою сказку (вопрос, как же Пушкин-гуманист мог такую сказку начать, в статье не возникает). Это уже не впечатление — это аргументация, и противопоставить ей можно аргументацию же.

Во-первых, почему авторы статьи полагают, что коль поэт «назвал свое повествование о медведихе сказкой» (что, кстати, не совсем точно: заглавие дано публикаторами, в авторской рукописи оно отсутствует), то сюжет ее должен развиваться строго по фольклорно-сказочному канону? Это вовсе не обязательно — достаточно вспомнить, что в «Сказке о золотом петушке» (заглавие — пушкинское) сюжет во многом заведомо антисказочный. Во-вторых, расправа медведя с мужиком — вовсе не единственно возможная для этой ситуации развязка даже в рамках сказочного жанра. Более того, сказка о медведе на липовой ноге — скорее исключение, чем правило. Если в обрядовой поэзии еще сохранился мифологический взгляд на природу как некое единство, то в сказках о животных иначе: медведя здесь обычно дурачат, часто убивают, а подчас и поедают с аппетитом; во всех этих случаях мотив медвежьей мести отсутствует. Образ медведя оказался у Пушкина в центре повествования о прелести всего живого, о бесценности бытия. Медведь, пробуждающийся после зимней спячки, с давних языческих времен воспринимался как олицетворение живой природы, а медвежий праздник — как воплощение «основной первичной идеи — идеи магического содействия возрождению жизни» (Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 106).

Мифологические представления со временем получают бытовую окраску: «По народному преданию, медведь был прежде человеком и доказывается тем, что он может ходить на задних лапах, и сходные с человеческими глаза, что любит мед и водку и пр.» (Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 272). Пушкинский образ впитывает все эти изменяющиеся из века в век представления и верования — и синтезирует

их. Идея единосушия человека и тотемного животного у Пушкина преобразуется в мысль о единстве всего живого и о бесценности жизни. В-третьих, медведь в фольклоре — персонаж не только сказочный. В частности, сюжет, в котором есть расправа над медведем, но нет мести медведя, был чрезвычайно популярен по лубочным картинкам (см. об этом: Чекалов Л. Русский лубок//Лес и человек. 1988. М., 1989. С. 23—24). В-четвертых, — и это самое главное — концовка в пушкинской сказке имеется, но совсем не та, какую домысливают авторы статьи, напрямую перенося ее из предполагаемого фольклорного первоисточника. Такой концовкой у Пушкина служит перечень зверей, своей веселой тональностью смутивший не одного исследователя и комментатора. Такая концовка имеет в русской культуре прочную традицию.

Не следует забывать, что между собственно фольклором и литературой существуют явления промежуточные и переходные, и зачастую фольклорная поэтика влияет на писателя как раз при их посредничестве, — разумеется, во взаимодействии и наряду с прямыми фольклорными импульсами.

Завершающий пушкинскую сказку перечень зверей Е. З. Тарланов и Л. В. Савельева, как и их предшественники, возводят к веселой скоморошине «О птицах» из «Собрания разных песен» М. Д. Чулково. В этом авторы статьи усматривают второе обстоятельство, помешавшее Пушкину завершить «Сказку о медведихе», поскольку, по их мнению, «фольклорная традиция скоморошьей старины вводила еще одну, сатирическую, а значит, трудносовместимую интонацию» (Язык русского фольклора. С. 133). Между тем скоморошина «О птицах» — источник действительно бесспорный, но для этой части пушкинской сказки не единственный. У Пушкина ведь не просто перечень (как в песне), а сбор зверей. Именно такие концовки-прибаутки нередки в древнерусской сатирической повести, развивавшейся на стыке двух традиций — фольклорной и литературной.

Особого внимания заслуживает «Повесть о Ерше Ершовиче», стоявшая «у истоков русской сатиры» (Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры//Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977. С. 137—142). Такая концовка — как правило, рифмованная — лишь формально связана с действием, которое фактически уже завершилось: «Бежал бес, заплел ез, пришел Антоний, затинул колик, пришел Перша, заложил вершу (...) пришел Спира, стал стырить: Ерш свеш, один не съешь (...) Пришел Елизар, со всех блюд полизал, никому не сказал. К о н е ц (Русская демократическая сатира XVII века. С. 14—15). Косвенным свидетельством популярности «Повести о Ерше Ершовиче» может служить и тот факт, что забияка Ерш появляется в сказке П. П. Ершова «Конек-

Горбунок», написанной несколько позднее и высоко оцененной Пушкиным. Впрочем, такого рода перечисления встречаются и в других памятниках древнерусской культуры, и притом не только в сказках. Например: «Гостей-то гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил <...> Еще были на свадьбе таракан и паук, заморский петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица да старого попа кобылица» (Русская народная драма XVII—XX веков: Тексты пьес и описания представлений. М., 1953. С. 130). В конце пушкинской «Сказки о медведихе» — аналогичное построение:

Прибегал тут волк-дворянин.
 У него-то зубы закусливые,
 У него-то глаза завистливые.
 Приходил тут бобр, богатый гость,
 У него-то, бобра, жирный хвост. <...>
 Приходила лисица-подьячиха —
 Подьячиха, казначеиха! <...>
 Прибегал тут зайка-смерд,
 Зайка беленький, зайка серенький.
 Приходил целовальник-еж.
 Всё-то он, еж, ежится,
 Всё-то он щетинится.

Конечно, это ступенчатое сужение — перечень зверей идет по убывающей. Более того, здесь бесспорно завершенное сужение: после того как назван еж, образный ряд уже не может быть продолжен, ибо еще у Даниила Заточника сказано: «Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак...» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 395). Однако перед нами не просто завершение картины, а конец всего повествования. И в древнерусской повести о Ерше Ершовиче, и в пушкинской сказке о медведихе перечисленные гости и ранее в действии не участвовали, и в самой этой сцене ни в какие отношения между собою не вступают — их роль в повествовании иная. За чисто внешним, фабульным обоснованием эпизода — перечисляются ли звери, которые приходят к медведю, называются ли персонажи, которые являются к Ершу, — проступает глубинная причина веселого финала печальной истории. Скоморошья по манере, прибаутка-концовка пушкинской сказки выполняет ту же эстетическую функцию, что и шуточные концовки, столь любимые повествователями-балагурами и близкими им авторами книжных «повестей» и «сказаний». Назначение такой концовки — эмоциональная разрядка. Это именно к о н ц о в к а: после балагурного перечня тех, кто прибежал или пришел, ничего уже не могло следовать так же, как немислимо продолжение волшебной сказки после слов: «и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Автор древнерусской лубочной «Повести о Ерше Ершовиче», завершив повествование веселым перечнем явившихся гостей, в соответствии с традицией подобного рода изданий, написал: «К о н е ц». Пушкин, перечислив всех, кто пришел или прибежал к медведю, такого указания на завершенность произведения не оставил. Это, очевидно, должны сделать комментаторы пушкинских сочинений, отказавшись от укоренившегося заблуждения, будто «Сказка о медведихе» — произведение незаконченное.

Волгоград

Еще не вечер

В. М. МОКИЕНКО,

доктор филологических наук,

С. Г. ШУЛЕЖКОВА,

кандидат филологических наук

Выражение *еще не вечер* по употребительности и экспрессивной насыщенности завоевало прочное место в современной русской речи. Причем «завоевание» это проходило на наших глазах, точнее — как любят теперь говорить журналисты — было у всех «на слуху».

Одним из первых, в 1968 году, употребил этот оборот В. Высоцкий — в своей песне «Корсар», где оно звучит характеристическим рефреном:

За нами гонится эскадра по пятам...
А в трюме течь, и не избегнуть встречи...
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер».

Эта песня, несомненно, стала мощным импульсом широкой распространенности оборота. Еще более возросла его популярность, когда в 1974 году вышел на экраны советский художественный фильм «Еще не вечер» (автор сценария М. Ганина, реж. Н. Розанцев), в котором исполнялась песня с таким же названием.

Каково происхождение этого нового русского оборота?

Проще всего признать его не чем иным, как авторским, т. е. крылатым выражением В. Высоцкого, тем более, что 1968 год — дата одной из первых литературных фиксаций выражения. Однако лингвистический анализ «крылатики» нашего барда показывает, что «чистые» неологизмы, так сказать, «высоцкизмы», отнюдь не характерны для его творческой манеры 60-х годов. Поэт предпочитает творческую переработку цитат и реминисценций, завязывая тем самым своеобразный диалог героя песни с ее автором и слушателем (ср.: Х. Фандль. Свое и чужое у В. Высоцкого. — *Russistik*. Berlin, 1990. № 1. S. 80—92). И в случае с оборотом *еще не вечер*, как кажется, мы имеем дело с воспроизведением уже имеющегося в

разговорной речи выражения. Об этом же свидетельствуют и употребления оборота многими авторами без какого-либо прямого «намёка» на цитирование В. Высоцкого. Самый же убедительный аргумент в пользу такой констатации — то, что К. Симонов употребил выражение на пять лет раньше В. Высоцкого — в романе «Солдатами не рождаются», опубликованном в 1963—1964 гг.: «Подумаешь, испугался штрафного батальона; во-первых, еще не вечер, не за командиром дивизии последнее слово...»

Выражение *еще не вечер*, следовательно, — достаточно точно локализуемый во времени русский речевой неологизм. Именно так — как собственно русский — его и характеризуют в своей работе немецкие исследователи Р. Эккерт и К. Гюнтер, считая, что оно возникло «посредством фразеологизации и стереотипизации бывшего свободного словосочетания» (*Die Phraseologie der russischen Sprache*. Berlin, 1992. S. 148). Вместе с тем, в немецком языке имеется фразеологический «стереотип», семантически и структурно весьма напоминающий русское выражение — *es ist noch nicht aller Tage Abend* — «последнее решение еще не принято», «не все еще потеряно», «не следует падать духом». Оно употребляется равно как для утешения, так и для угрозы по отношению к адресату.

Историки немецкого языка предполагают, что оно впервые было употреблено М. Лютером (1483—1546) в одном из писем: «Ists doch noch nicht aller Tage Abend, so sind noch zwölf Stunden des Tages, es kann ja noch immer wolkig sein und Regen» — «Ведь еще пока не вечер всех дней, остаются еще двенадцать дневных часов, не всегда ведь бывает облачно и дождливо». Распространению его могло способствовать и позднейшее употребление Ф. Шиллером: «Es ist doch nicht aller Tage Abend» (*Schiller F. Wallensteins Lager*. 1798). К XX веку связь с источником уже утрачивается, и оборот *es ist noch nicht aller Tage Abend* воспринимается носителями немецкого языка как «безымянная» единица. Не случайно в немецких толковых и фразеологических словарях это выражение трактуется как обычная поговорка (ср. Friderich W. *Moderne deutsche Idiomatik*. München, 1991. S. 14).

Семантическое и структурное сходство русского и немецкого оборотов наталкивает на мысль: не является ли русское выражение *еще не вечер* одним из поздних германских заимствований? Известна же нам калька *быть под колпаком* у кого-либо (ср. нем. *unter imds Hut sein (stehen)* — «находиться под чьей-либо охраной, защитой, покровительством»), которая благодаря популярному в 70-е годы телефильму «Семнадцать мгновений весны» по сценарию Ю. Семёнова стала одной из наиболее употребительных в речи и публицистике идиом, характеризующих чей-либо постоянный, неусыпный надзор за кем-либо.

Справедливости ради следует сказать, что немецкий оборот *es ist noch nicht aller Tage Abend* — это своеобразный европеизм. И русское, и немецкое выражения напоминают крылатое изречение римского историка Тита Ливия (59—17 г. до н. э.) «Nondum omnium dierum solem occidisse (occidit)» (букв. «Не последнего дня (не последнего еще дня) солнце зашло») — «не потерял еще всякую надежду» или «Quid vesper ferat, incertum est» — букв. «Что вечер принесет, неизвестно» (Tit Livius. Hist). На образование немецкого и русского выражений могли повлиять и древние народные пословицы (также известные многим европейским языкам): *Man soll den Tage nicht vor dem Abend loben; Lobe den Tag nicht vor Abends; Хвали день по вечеру, а жизнь при смерти; Зови день по вечеру; День хвалится вечером; Вечер покажет, каков был день и Утро вечера мудренее*. Их приводит в своем замечательном собрании «Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсон (СПб., 1903, Т. II. С. 460; 1902. Т. I. С. 101).

Кроме того, еще в конце XVIII — начале XIX вв. в русской поэзии, как и в поэзии других европейских народов, «в широкое обращение входят уподобления различных периодов жизни человека (...) частям дня...» (Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 151—152). Утро ассоциируется с юностью, полдень — со зрелостью, вечер — с закатом жизни, старостью:

...С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!...

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралай!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

А. Пушкин. Телега жизни (1823).

Фразеологический словарь под ред. А. И. Федорова недаром отмечает у оборота *еще не вечер* 2-е значение — «пока еще не наступила старость» (кстати, не фиксируемое у немецкой идиомы ни в двух изданиях «Немецко-русского фразеологического словаря» Л. А. Биновича и Н. И. Гришина, ни в собрании «Deutsche moderne Idiomatik, хотя поэтическое «вечер — старость, закат жизни» известно и немецкому языку). Переводчики не спешат переводить оборот

es ist noch nicht aller Tage Abend идиомой *еще не вечер*, несмотря на ее лаконизм и семантическую емкость. Может быть, потому, что в сравнении с длинноватой немецкой фразой русская сохраняет свежесть образа и особую экспрессию. В 1960-е годы, отмеченные языковой раскованностью, почва для возникновения оборота *еще не вечер* была подготовлена. Это и конструкции с моделью «еще не ...», указывающие на то, что «какое-то действие или состояние пока не наступило, но должно наступить вскоре» (Словарь языка Пушкина. М., 1956, Т. 1. С. 762), и усиливающаяся тяга к динамичным неполным предложениям, в том числе — с пропущенным сказуемым, и, наконец, оптимистические обороты типа *еще не конец, еще не все потеряно*. Поколение шестидесятников (еще один русский неологизм!), разбуженное хрущевской оттепелью, создало это легкое шутовское выражение, отметив им свою надежду на перемены в собственной судьбе и судьбе страны.

Санкт-Петербург,
Магнитогорск

БИТЬ ЧЕЛОМ

Д. С. КУЛМАМатов,

кандидат филологических наук

Об архаическом выражении *бить челом*, часто употреблявшемся в письменных памятниках русского языка, «Русская речь» писала не однажды. Однако о его происхождении ни в одной из публикаций ничего не было сказано. Предлагаемое читателям исследование посвящено происхождению этого устойчивого словосочетания.

Фразеологизм *бить челом* довольно активно употреблялся во всех восточнославянских языках. В памятниках древнерусской письменности самое раннее его упоминание встречается в Договорной грамоте великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем 1340 года: «Имуть бити челом тебе князю великому на наших бояр» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 90). Весьма активно употребляется он и в более поздних памятниках XV—XVIII веков (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. I. С. 188).

Бить челом встречается и в староукраинском языке. Наиболее раннее употребление выражения *бить челом* отмечается в значении «обратиться кому-нибудь с прошением, с жалобой»: «Бил нам чолом писарь наш <...> пан Григорей Исаевич Громыка, о тым, што перво сего дали есьмо ему местце <...> на будованье двора его <...> и бил

нам чолом, абыхмо то ему подтвердили листом нашим на вечность [1410]» (Словник староукраїнсько мови XIV—XV ст. Київ, 1977. С. 97). Самая ранняя фиксация *бить челом* со значением «кланяться, просить» в белорусских письменных источниках регистрируется в Жалованной грамоте литовского великого князя Александра Витовта литовским евреям 1388 года: «... естли бы хрестьянин жиду рану некоторую задал, винный таковый мает вины заплатити, чим мает нам чолом бити, а ранному мает досыт вчинити» (Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983. Т. 2. С. 14).

Устойчивое словосочетание *бить челом* использовалось в русской деловой письменности XIV—XVIII веков весьма широко, приобретая при этом новые лексические значения. Московская исследовательница Н. И. Тарабасова, показывая «особенности употребления и семантических преобразований характерного для частной переписки XVII в. фразеологизма *бить челом*», отмечает следующие его значения: «приветствовать поклоном», «кланяться, приветствовать при прощании», «благодарить», «преподносить», «приносить в дар», «просить», «жаловаться», «сообщать» (Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 144—155). С. С. Волков, исследовавший более тысячи русских челобитных XVII века, также указывал ряд значений выражения *бить челом*: «просить», «жаловаться, предъявлять иск», «кланяясь, почтительно, униженно просить», «кланяясь, почтительно, униженно жаловаться, предъявлять иск» (Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. // Русская историческая лексикология и лексикография. Изд-во ЛГУ. 1972. I. С. 48—49).

Бить челом и образованные на его основе в XVI веке сложные существительные *челобитная* (из прилагательного *челобитный*), *челобитье*, *челомбитье*, а также появившиеся впоследствии вместо последних синонимичные им слова *прошение* (XVIII в.), *заявление* (XIX в.), как названия одного из видов русских деловых бумаг, привлекали к себе внимание многих современных историков и языковедов. К сожалению, исследователи не учли исторические соображения об истоках этого выражения, высказанные более чем полтора столетия тому назад А. Ф. Рихтером: «Цари [российские.— Д. К.], следуя Азиатским обыкновениям, заставляли послов повергаться пред троном на землю, от чего произошло и ныне еще употребляемое выражение *челом бить*, говорить речи, стоя на коленях <...> Таким образом, присланные от Крымского хана Девлет Гирея в 1565 году послы, быв представлены пред царя Ивана Васильевича Грозного, говорили речи, стоя на коленях» (Рихтер А. Ф. Нечто о влиянии монголов на татар на Россию. // Труды высочайше утвержденного

Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822. Ч. XVII. С. 252—253).

Справку о восточных соответствиях старинному русскому выражению *бить челом* можно найти в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова: «БАШУРМаК в. БАШ УР-МаК тоб. БАШ КУЙМаК бить челом, просить, принести жалобу, уйг. БАШ ЧАЛИШДИ, БАШ ЧалМаК бить челом, коснуться лбом земли (делать кит. *kheu — thëu*)» СПб., 1869. Т. I. С. 227).

Отметим, что в словаре Л. З. Будагова использованы старинные материалы лишь отдельных тюркских языков. Однако приведенное им выражение употреблялось и продолжает жить почти во всех современных тюркских языках, в чем можно убедиться, заглянув в тюркско-русские двуязычные словари: башкирское *баш ороу* «бить челом, падать, пасть ниц, кланяться, класть земные поклоны» (Башкирско-русский словарь. М., 1958. С. 84); татарское *баш ору* «бить челом; кланяться, класть земные поклоны» (Татарско-русский словарь. М., 1966. С. 62); каракалпакское *аягына бас ур* «кланяться в ноги»; «бить челом» (Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. С. 87); уйгурское *БАШ УРМАК* «кланяться, бить челом» (Уйгурско-русский словарь. М., 1968. С. 189); караимское *баш ур* «кивать, кланяться»; *баш урду* «он кивнул головой», *баш урмак* «поклон» (Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 109); казахское *бас ургу* «бить челом; высказывать знак покорности; беспрекословно слушаться, подчиняться» (Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1936. С. 40).

Американский исследователь П. Б. Голден в одной из своих статей, опираясь на материалы славянских и тюркских современных и исторических, толковых и тюркско-славянских двуязычных словарей, также приходит к заключению, что выражение *бить челом*, будучи тюркской калькой, «может быть, восходит к китайскому *k'ou t'ou*» (см.: Golden P. B. *Turkic Galques in Medieval Eastern Slavic.*— *Journal of turkish studies.* Volume 8. Harvard University, 1984. P. 109). Данное китайское выражение в китайско-русском двуязычном словаре объяснено так: «положить земной поклон: кланяться в ноги» (Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 2. С. 761).

Не всегда лексикографический материал дает возможность полностью проследить историю того или иного слова и словосочетания. Поэтому для проверки надежности приведенных версий и окончательного выяснения истории фразеологизма *бить челом* обратимся к фактическому материалу: к старым русским переводам среднеазиатских (написанных арабской графикой) челобитных XVII века. Основанием для этого может послужить то, что устойчивое выражение *бить челом* присутствовало в начальной части всех челобитных — собственно русских и переводных. Например, довольно витиевато

написанная начальная часть челобитной хивинского посла Авеза Бакея царю Михаилу Федоровичу от 16 января 1641 года в русском переводе того времени выглядит следующим образом: «Великому г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Михаилу Федоровичу всеа Русии г(о)с(у)д(а)рю самодержцу и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рю и обладателю Исфендияра царя посол Аvez Бака Багатырь бьет челом» (ЦГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639, д. 2, л. 206).

В тюркском оригинале русскому выражению *бьет челом* соответствует *БАШ УРУБ 'АРЗ ЭДир*, что дословно переводится «головой бия челом, делает заявление, просит (жалуется)» (там же, л. 205). А начальная часть челобитной другого хивинца Эмина Богатыря царю Михаилу Федоровичу от 6 октября 1642 года в русском переводе XVII века имеет следующий вид: «Великому г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю <...> Михаилу Федоровичу всеа Русии <...> Исфендияров царев посол Эмин Багатырь <...> бьет челом» (ЦГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3, л. 196). В тюркском оригинале выражению *бить челом* соответствует *АРЗ ЭДУБ <...> БАШ УРУРМАН* — «делая заявление, прося (жалуясь), головой бью челом» (там же, л. 195).

Следует особо отметить, что в начальной части отдельных хивинских и бухарских челобитных, написанных по-тюркски и по-персидски, употреблено *СаР МИЗаНаД (МИКАНаД)*, что дословно значит *бьет челом*. Вероятно, П. Голдену персидское соответствие *СаР МИЗаНаД* тюркскому *БАШ УРУБ 'АРЗ КИЛАМАН* осталось неизвестным, хотя его значимость для возникновения русского выражения *бить челом* переоценить едва ли возможно. Как и тюркское выражение, персидское *СаР МИЗаНаД*, употребленное в начальной части челобитной (написанной по-персидски) бухарского посла Кузея Ногая царю Михаилу Федоровичу от 11 февраля 1645 года, в старинном русском переводе данной челобитной имеет соответствие *челом бьет*: «Великому г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рю и обладателю бухарского Надыр Магамметя царя посол Кюзеи Нагаи челом бьет» (ЦГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 144 — русский перевод; л. 139 — иноязычный текст).

В данном случае необходимо остановиться на одном очень важном и интересном факте: выражение *бить челом*, хорошо укоренившееся в русских деловых текстах XVII века, в производном слове *челобитная* (<челобитный < челобитье < челомбитье), как название одного из видов русских деловых памятников, нередко употреблялось в написанных арабской графикой по-тюркски и по-персидски челобитных хивинских и бухарских послев XVII века в виде *ЧЕЛАБИТНЭ, ЧЕЛАНИНТЭ, ЧЕЛЭФитНЭ*. Это объясняется тем,

что, наверное, послам была хорошо известна семантика слова *челобитная*, хотя оно ими произносилось и писалось по-разному.

Из приведенных фактов видно, что устойчивое словосочетание *бить челом* было привычно для всех восточных языков — тюркского и персидского. Русским языком оно было калькировано с тюркского, поскольку взаимосвязь русских и тюркских народов, их языков была более интенсивной. К сказанному следует добавить, что устойчивая этикетная формула — *бить челом* «просить вышестоящих должностных лиц, особенно правителей государств, стоя на коленях», азиатский обряд, заимствованный от китайцев, правители России «стали вводить <...> у себя дома» (см. об этом подробнее: Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб, 1911).

В связи с этим российские цари не только восточных послов, но и иногда отдельных лиц заставляли «бить челом» (просить, жаловаться), стоя на коленях. Например, в деле, касающемся «приезда юргенского (хивинского) царевича Авгана Магамета царева Арап ханова сына, бежавшего из Хивы по случаю учиненного над родителем его от братьев убийства, для принятия службы и бытия в вечном российском государям холопстве и с прошением помощи военной против братьев его» (от 1622 года), читаем: «А как ц(а)р(е)в(и)чь [Авган Мухаммед] вшел в полату и явил его г(о)с(у)д(а)рю околничей <...> И г(о)с(у)д(а)рь пожаловал велел позвать ц(а)р(е)в(и)ча к руке и клал на него свою ц(а)рскую руку. А был у г(о)с(у)д(а)ря у руки отшевчи и став на коленки [царевич Авган Мухаммед] говорил речь» (ЦГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, лл. 13—14).

Термез

БОГ ШЕЛЬМУ МЕТИТ

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА,
кандидат филологических наук

Бог шельму метит — так принято говорить об особом, дурном отличии, выдающем бесчестного человека. В книге М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» в качестве комментария к пословице *Бог шельму метит* приводятся афоризмы, содержащие не столько «наблюдения народного ума», сколько его предрассудки. Это русская пословица *рыжий да красный — человек опасный* и французская поговорка *il faut défier des gens marqués au V*. Последняя советует остерегаться людей, имеющих физические недостатки, название которых начинается с *V*: *bancal* — «кривоногий», *bègue* — «заика», *bigle* — «косой», *boiteux* — «хромой», *borgne* — «одноглазый», *bossu* — «горбатый». Своеобразным резюме комментария к пословице *Бог шельму метит* является латинский афоризм, отражающий предрассудки древних римлян — *Cave a signalis* «берегись меченых» (Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. СПб., 1912. Т. I. С. 63—64).

Со второй половины XIX века выражение *Бог шельму метит* использовалось еще и в тех случаях, когда речь шла «о заслуженном,

судьбою насланном наказании» (Михельсон М. И. Указ. соч. С. 64). Так, в рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» читаем: «При виде появившихся на груди его пятен, грешный человек, было у меня на уме сказать ему, что „Бог шельму метит“, но только сдалил я это слово на устах своих...» (Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 346). Взаимосвязь значений пословицы очевидна: «наличие меты, выдающей бесчестного человека» → «наказание, о котором свидетельствует мета».

Известно, что ход развития многозначности может «воскрешать» этимологическую «память» слова (см. об этом: Трубочев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1977). Вероятно, это справедливо и в отношении афоризмов, и тогда у пословицы *Бог шельму метит* есть прототип — фраза, которую можно понять буквально, представив себе событие, ею означаемое. Какая же ситуация, какие исторические реалии могли отразиться в широко известной русской пословице? И почему в ее составе употребляется иноязычное по происхождению слово *шельма* «бесчестный человек» (нем. *Schelm* — «плут, мошенник»).

Вероятно, исторические корни пословицы уходят к *шельмованию* — «публичному обещанию, поруганию человека через палача», которое означало в XVIII веке лишение на эшафоте всех прав состояния дворян, осужденных на смертную казнь или вечную ссылку; «процесс шельмования состоял в том, что над головой осужденного палач ломал шпагу и, объявив его „шельмом“, прибавал имя его к виселице» (Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1905. Т. 20. С. 269). Объявленный *шельмом*, но не преданный смертной казни преступник становился изгоем, «изверженным из числа добрых людей и верных». Его под страхом наказания запрещалось «в компанию допускать». *Шельма* «не должно было ни в какое дело, ниже свидетельство принимать». В том случае, если «кто-нибудь такого ограбит, побьет или ранит», предписывалось «у него [шельма] челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судиться будет» (Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VI-A. С. 693—694). Поистине, «меченному» шельмованием была уготована участь «живого трупа».

Процедура шельмования, заимствованная из германского права, была введена Петром I сначала в армии и на флоте, а затем и в общих судах в 10-е годы XVIII века. Тогда же появился в русском языке юридический термин *шельм* — «преступник, подвергнутый публичному поруганию», прототипом которого было новонемецкое *Schelm* в том же значении. Любопытно, что значение «преступник, бесчестный человек» у новонемецкого *Schelm* разви-

лось из значения «труп, падаль», производного от основного значения средневерхненемецкого *Schelm* — «чума, зараза» (Lexner M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Leipzig, 1876. Т. 2. S. 694).

Метафорический перенос «труп, падаль → бесчестный человек, преступник» произошел, очевидно, на основании сходства общественной оценки того, что называлось словом *Schelm*.

Но вернемся к поговорке. В ней говорится, что *Бог метит шельму*, а не *шельма*. Чем объясняется употребление словоформы с окончанием *-а* и являются ли *шельм* и *шельма* вариантами одного слова?

В поисках ответов попытаемся проследить, как исторически складывались отношения этих слов. Прототипом обоих было нововерхненемецкое *Schelm*, которое помимо значения «бесчестный человек, преступник» имело еще «плут, мошенник», как бы уточнявшее, конкретизировавшее характер действий преступника. В начале XVIII века слово *Schelm* дважды заимствуется русским языком: непосредственно из нововерхненемецкого как юридический термин *шельм* «преступник», и опосредованно, через польский язык, в форме *шельма* со значением «плут, мошенник» (Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972. С. 404).

Заметим, что польское *szelma* было известно русскому языку XVII века в значении «зверь», воспринятом от старочешского *selma*, у которого оно развилось из значения «чума» (ср. средневерхненем. *Schelm* «чума») под влиянием типичного для славянских языков семантического соотношения «название болезни — название животного, с которым ассоциируется эта болезнь» (Horálek Jan. *Slovo selma na pozadí kulturní a společenské situace středověkých Čech. // Listy filologicke*. Praha, 1981. R. 104. № 2. S. 125—130).

Слово *шельма* в значении «зверь» было, по всей видимости, неоправданным заимствованием, поэтому, однажды промелькнув в «Книге глаголемой гречески алфавит» (XVII в.), оно бесследно исчезло.

В петровскую эпоху и до 60-х годов XVIII века, в русском лексиконе, разделив значения своего прототипа, «мирно сосуществовали» *шельм* «преступник» и *шельма* «плут, мошенник». В 1766 году, при Екатерине II, процедура шельмования была заменена так называемым «лишением всех прав состояния», и с этого времени слова *шельмование* и *шельм* исчезли из российского законодательства (Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. С. 269). Очевидно, к концу XVIII века говорящими по-русски слово *шельм* воспринималось как устаревшее, поскольку уже в «Писмовнике» Н. Курганова (1790 г.) фиксируется только слово *шельма* — «плут, лукавец» (Писмовник, содержащий в себе науку российского языка... 4-е изд. СПб., 1790. Ч. 2. С. 264). К середине XIX века в его словообразовательном гнезде было уже более двадцати производных: *шельмовать*, *шель-*

мец, шельмовка, шельменок, шельмин, шельмецкий, шельмовской, шельмовство, шельмоватый и др. (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1863. Т. IV. С. 647—648).

Благодаря своей яркой экспрессивности слово *шельма* попало в русскую разговорную речь, где используется и по сей день для выражения как возмущения — *Ах, шельма!*, — так и восхищения — *Хорош, шельма!*

Со второй половины XIX века *шельма* стало употребляться в составе фразеологизма *продувная шельма* и пословицы, которая имела дублет *Бог плута метит* (Михельсон М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 533). Со временем заимствованное слово *шельма* «вытеснило» из состава пословицы свой русский синоним *плут*. Вероятно, потому, что слово *шельма* эмоционально выразительнее, информативно богаче, чем слово *плут*: *Бог шельму* [т. е. и мошенника, и негодяя, и плута] *метит*.

Примечательно, что в современном просторечии пословица *Бог шельму метит* употребляется только в значении «судьба наказывает бесчестного человека». Очевидно, это свидетельствует о том, что для современных носителей русского языка важно убеждение в наказуемости бесчестных людей, а не наличие у человека каких-то внешних отличительных черт.

Н. С. АРАПОВА,
кандидат филологических наук

Слово *изложница* «сосуд, в который выливают расплавленный металл», не рассматривается этимологическими словарями. По-видимому, это слово с прозрачной словообразовательной структурой считается образованием с корнем *-лож-* (*положить*, *вложить* и т. п.). Так, во всяком случае, полагал В. И. Даль (1881 г.), помещая существительное *изложница* в словарной статье *излагать*.

Изложница известно в русском языке с начала XVIII века: Словарь русского языка XI—XVII вв. датирует его 1713 годом. Ранее существовало синонимичное *излойница*, отмечаемое ниже в том же словаре в памятнике XV века и вторично под 1649 годом. По-видимому, *излойница* и было исходной формой слова *изложница*.

Существительное *излойница* имеет ту же морфологическую структуру, что и *изложница*, но его корень *-лой-* связан чередованием с глаголом *лить* (ср. *бой* — *бить*, *гной* — *гнить*, *навой* — *навить*). Таким образом, *излойница* — то, во что выливают (а не выкладывают) жидкий металл.

Тот же корень *-лой-* имеют существительные *слой* (*сълой*, т. е. сливаемое), а также диалектное *налой* «ливень» (см. у В. И. Даля) и *полой* «пойменный луг, заливаемое половодьем место» (Даль). Эти три слова в настоящее время утратили словообразовательную и семантическую связь с глаголом *лить*. Пережив процесс деэтимологизации, слова легко меняют свой фонетический облик и подключаются к группе слов с другим корнем, меняя свою словообразовательную мотивировку. Так, *излойница*, превратившись в *изложница*, приобрело синоним *ложечница*, отмечаемый В. И. Далем и еще ранее И. Татищевым (Французско-русский словарь 1816 г. II. С. 726), утратив связь со старыми синонимами *ляк* и *ляло*.

**«РЖАНОЕ ХЛЕБО», «ВОРОНЕЖ»
И «КОВОШ БОЛЬШОЙ МЕДЕВЕДИЦЫ»**
по поводу трех пародий Александра Иванова

Н. А. ЕСТЬКОВА,
кандидат филологических наук

В 1969 г. Александр Иванов опубликовал на 16-й полосе «Литературной газеты» пародию «Высокий звон». Видимо, она принадлежит к числу любимых детищ известного пародиста: он читал ее многомиллионной телеаудитории в передаче «Вокруг смеха» и включил не в один сборник (в том числе — в сборник «Избранное у других», 1987 г.). Она вошла и в «Ретроспекцию „Клуба ДС“» (см. Лит. газета. 1989. 26 апреля).

Приведу полностью этот небольшой текст:

В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон.
И вижу над собою синий небо,
Косматый облак и высокий крон.

Я дома здесь. Я здесь пришел не в гости.
Снимаю кепк, надетый набекрень.
Веселый птичк, помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.

Зеленый травк ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука.
И я шепчу дрожащими губами:
«Велик могучий русский языка!»

Что же заставило пародиста так резвиться, коверкая «могучий русский языка?» Оказывается, строка поэта Валентина Сидорова «Косматый облак надо мной кочует».

Прием был бы оправдан, если бы поэт употребил несуществующую в русском языке форму. Но это не так: вариант *облак* традиционен для русской поэзии. Можно было бы подтвердить это десятками примеров, но и трех достаточно, чтобы убедиться в наличии этой формы у хороших поэтов и XIX, и XX веков.

... Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

(Тютчев)

Смычок запел. И облак душевный
Над нами встал.

(Блок)

Так ветренен был облак надо мной,
И дни летели, ветреные сами.

(Павел Васильев)

Чего же достиг пародист, высмеяв употребление варианта, освященное русской поэтической традицией? Думаю, он только продемонстрировал недостаточную начитанность в хороших стихах и не самое лучшее чутье родного языка.

«Высокий звон» — не первая пародия Александра Иванова подобного типа. На той же 16-й полосе тремя годами раньше была напечатана его пародия «Тверские страдания», «вдохновенная» такими строчками Владимира Соколова:

Нет зеленой травы, чем возле Твёри,
Чем возле, понимаете ль, Твери...

Вот что вышло из-под пера нашего пародиста:

Люблю я Мóскву, Воронéж, Ленинград,
Мне и в Харькóв поехать не слабó.
Мне говорят, что де запутан ты, брат,
Поехал бы лечиться в Цхалтубó...

Но я судьбой своею не обижен.
Что нужно мне? Глоточек кипятку.
Покину всех, уеду в Биробиджан,
А то, глядишь, махну на Камчатку!

(Лит. газета. 1966. 1 марта)

Совершенно не касаясь того, насколько удачны пародируемые строки, скажу, что обыгрывание *Твёри* — *Тверí* имеет языковое основание. Такое колебание ударения испытывает ряд существительных третьего склонения: *óси/осí*, *пéчи/печí*, *стéпи/степí*, а также *Оби/Обí*, *Кёрчи/Керчí*, *Нёрли/Нерлí*. Так что поэт явно не лишен языковой наблюдательности; пародист же, производя самые невероятные перестановки ударения, действует так же, как в случае с «птичк» и «ржаное хлебо» ...

Упорство, с каким Александр Иванов демонстрирует свою филологическую неискушенность, поистине удивительно! В 1983 г. все на той же 16-й полосе «Литературки» помещена его пародия «Брак в небесах». Ее вызвало к жизни такое двустишие поэта Геннадия Русакова:

Горит на небе зверье око.
Течет к земле Молочный путь.

Вот текст пародии:

Вам не случилось удивиться,
Завидя в небе как-нибудь

Ковош Большой Медеведицы
И рядом с ним — Молочный Путь!

Такая у меня манера —
Названья звездам сам даю.
Сатурон, Ури, Юптер и Внера,
Я всех их сразу узнаю!

Долой запреты для поэта,
Свободу мыслям в голове!
И впредь пускай учет все это
Паланетарий в Мосокве!

По двум строчкам нельзя судить, насколько удачно применена Г. Русаковым языковая игра: замена *Млечного Пути* *Молочным*. Но ясно, что этот автор знает о существовании в русском языке соотносительных корней с полногласными и неполногласными сочетаниями. (Оно и не удивительно: этому учат в школе.)

А вот пародист, по-видимому, не имея об этом должного понятия, без всякого смысла и толка нанизывает слова с произвольно вставленными и выкинутыми гласными.

Возможно, стихотворение Г. Русакова и в самом деле заслуживало осмеяния. Но в таком случае пародию следовало построить тоже на заменах неполногласных сочетаний полногласными, к примеру таких: *воротарь, приворотник, молодой, головный, веремья, здоро-воохранение* и т. д.

А то, что сочинил Александр Иванов, оно и «иностронцу» непротительно, особенно, если он «здоровомыслящий»!

ПО ПОВОДУ ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ КОЕ-КАКЕРОВ

Эр. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук

В статье Т. А. Хейлик (Русская речь. 1993. № 1) отмечено появление лексического окказионализма *кое-какеры* в августе 1991 г. в «Литературной газете». Т. А. Хейлик напоминает также о созданном еще в начале века генералом М. И. Драгомиловым окказионализме — *кое-каки*. *Кое-каки* и *кое-какеры* — синонимы: они называют людей, делающих что-либо плохо, небрежно, действующих кое-как, на авось. Однако наречие *кое-как* соединилось с суффиксом *-ер* в устной речи и было произнесено и услышано почти за полвека до того, как их еще раз соединили в ЛГ. Это произошло в первой половине сороковых годов: в московском анекдоте времен войны и действия карточной системы. И, конечно, в печать этому слову хода ни тогда, ни позже не было.

Карточная система распределения не знала равенства. Были карточки под названием «Литер А» и рангом ниже — «Литер Б». Потом шли «рабочие», «служащие», «иждивенческие», «детские». И анекдот, каламбуря, утверждал, что население Москвы делится на три разряда: литерАторы, литерБеккеры (ср. студебеккеры) и кое-какеры. Эти *кое-какеры* (большинство, живущее кое-как) не совпадают по значению с *кое-какерами* 1991 года.

Ироничность москвичей проявлялась и в других номинациях городского фольклора военной поры. Существовали карточки, дававшие право обедать в столовых УДП (усиленного дополнительного питания). Москвичи так раскрывали эту аббревиатуру: «умрешь днем позже». У них уже был опыт иронического прочтения аббревиатур. Так, ОГПУ оказывалось сокращением *о, господи, помоги убежать*. Появившиеся весной 1944 года продуктовые коммерческие магазины (государственные, не сегодняшние «комки»!) быстро получили сразу два наименования: *смотрите, детки, как жили ваши предки и магазин наглядных пособий и заочного питания*. Эти два названия, синонимичные по денотату (объекту называния), позволяли мыслить его по-разному. При этом второе из них представляло

собой перифраз. Не отставали и ленинградцы. Когда в конце сороковых известный литературовед, получив сталинскую премию за книгу «Ленин и вопросы литературоведения», построил на эти деньги дачу, ее окрестили трояко: *Спас на цитатах* (ср. Спас на крови, храм в Петербурге, поставленный на месте царевубийства), *Амбир во время чумы* (переключка с пушкинским «Пиром во время чумы») и *Мейлахов курган* (ср. Малахов курган).

Городской фольклор советского семидесятилетия еще недостаточно изучен. Сборники анекдотов сталинской и послесталинской поры, составленные Ю. Боровым, — только начало; не собраны и не изучены, скажем, пародии на популярные песни тридцатых годов (например: Мы рождены, чтоб выпить все, что жидко, Преодолеть сивуху и ликер, Нам Мосгорспирт дал разные напитки, А на закуску кислый помидор...). Обойдены вниманием и названия, бытовавшие в городском фольклоре, говорящие свидетели истории.

О Толковом тематическом словаре русских глаголов

Е. Ю. ВАУЛИНА

В 1992 году в Екатеринбурге вышел проспект «Толкового тематического словаря русских глаголов». Коллектив авторов межвузовской проблемной группы «Русский глагол», состоящий из лингвистов — преподавателей вузов Екатеринбурга, планирует издание Словаря в полном объеме в нынешнем году. Этот коллектив под руководством Э. В. Кузнецовой выпустил в 1988 году учебный словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов». Однако в нем глаголы рассматривались только в их основных значениях (2500 единиц). В проекте нового Словаря авторы указывают, что объектом его описания являются глаголы как в основных, так и в неосновных значениях. Это значительно увеличивает объем Словаря (до 10 000 единиц) и ведет к определенным коррективам в описании лексики.

Одна из основных особенностей Словаря, которая несомненно привлечет к нему интерес читателей, — его комплексный характер. Лексика не просто подается списками тематических групп, но снабжается семантической, стилистической и синтаксической информацией. Представляется очень актуальной идея соединения толкового словаря с тематической классификацией. И здесь прежде всего необходимо отметить семантические определения, ориентированные на определенную формализованную модель для каждой группы глаголов. По разработанной Э. В. Кузнецовой методике идентификации словарных значений определяется типовая семантика глаголов одной группы (например, «глаголов речевого обращения» — «называть кого-л. какими-л. словами, обращаться с речью к кому-л.»). Все глаголы группы толкуются с учетом типовой семантики и различных конкретизирующих слов: «Здороваться. Обращаться к кому-л. с просьбой приблизиться, подойти или откликнуться. Именоваться. Называть кого-л., что-л., давая имя, наименование кому-л., чему-л.»). Формализованные семантические описания являются ценным материалом для проведения различных специальных исследований в области лексикологии и лексикографии.

Авторы Словаря дифференцируют основные и неосновные значения глаголов; основные значения глагола приводятся в Словаре

без пометы, а неосновные подразделяются на неосновные номинативные значения (помета «неосн.»), совмещенные (помета «совм.») и переносные (помета «перен.»). Например, в группу «глаголов речевого обращения» глаголы *здороваться* и *именовать* входят в основном значении, значение глагола *апеллировать* (обращаться/обратиться к кому-л. за поддержкой, советом и т. п.) является неосновным номинативным, а значение глагола *величать* (называть кого-л. положительно-оценочными словами, выражая при этом уважение, подчеркивая достоинства кого-л.) определяется как совмещенное.

Но содержание семантических помет в проспекте Словаря не определено. Представляется, что помета «совм.» указывает на связь значений глаголов разных групп, и, шире, на наличие семантических отношений между различными группами. Так, например, глагол *жаловаться* (говорить, высказывать жалобы, выражая неудовольствие, печаль) включается в группу «глаголов речевого сообщения»; помета «совм.» в данном случае сигнализирует, вероятно, о наличии в их значении семантического компонента, связывающего его с «глаголами эмоционального состояния». Если эта помета действительно свидетельствует о наличии в значении глагола компонентов семантики, свойственных глаголам нескольких групп, то указанные в проспекте семантические пометы делят материал по разным основаниям. Пометы «перен.» и «неосн.» показывают дифференциацию значений внутри группы, ее семантический состав, тогда как помета «совм.» демонстрирует семантические связи, выходящие за пределы группы. Нам кажется, что определение в проспекте всех способов описания, используемых в пробных словарных статьях, послужило бы привлечению внимания широкого круга читателей к Словарю.

К несомненным достоинствам Словаря следует отнести его двухчастную организацию. Первая представляет собой организованный по тематическому принципу толковый словарь формализованного типа. Вторая часть Словаря должна представлять собой алфавитный список всех разработанных в первой части глаголов с отсылкой на семантическую группу, в которой глагол описан. Этот справочный отдел значительно облегчит работу со Словарем для всех читателей.

Словарь представляет читателю также информацию о стилистической характеристике глаголов современного русского языка. За пределами стилистически нейтральной лексики авторы выделяют следующие слои: разговорная лексика (помета «разг.»), книжная («книжн.»), высокого стиля («высок.»), официальная («офиц.») и специальная лексика («спец.»). Содержание помет не определяется в тексте проспекта, так же как и помета «устар.» (устаревшее), которая встречается в текстах пробных словарных статей (например, в группе глаголов речевого сообщения. *Проповедовать*. Устар. Говорить, распространяя какие-л. взгляды, мнения). Все это приводит к

неопределенности стилистической концепции Словаря; в проспекте авторы указывают только, что включают в Словарь самые употребительные и актуальные глаголы. Достаточно спорным представляется вопрос о разграничении в материалах пробных словарных статей помет «разг.» и «прост.», практически не разрешенный в современной лексикографии русского языка. С одной стороны, в Словарь включается глагол *сказаться* («глаголы речевого сообщения») со значением «Говорить, сообщая, ставя в известность, предупреждая о своих действиях, намерениях» как просторечный; вряд ли можно отнести его к числу наиболее актуальных глаголов. С другой стороны, следующие глаголы нанесения удара равноправно употребляются в разговорной речи, хотя снабжены в Словаре разными пометами: *пинать, влеплять, обжигать* (помета «прост.») и *тыкать, полосовать, исколачивать* (помета «разг.»).

Вопрос о стилистической разработке глаголов тесно связан с отбором материала для Словаря. В проспекте указано, что состав описанных глаголов был выявлен методом сплошной выборки из картотеки фразовых материалов произведений русской классической и современной литературы, но проспект не дает информации о том, какие именно литературные произведения рассматриваются как источник формирования Словаря и каков объем картотеки. В современной литературе используется лексика всех стилей, поэтому стилистическая характеристика взятого из литературного произведения слова в нормативном словаре, адресованном широкому кругу читателей, приобретает особое значение. Принципы подачи материала, иллюстрирующего нормативное употребление глаголов и состав пробных словарных статей, в проспекте не определены, что мешает судить о представительности картотеки. Так, в группе «глаголов приготовления пищи» приводятся глаголы *наквашивать* и *натушить* без развернутых иллюстраций с авторскими сужениями в качестве примеров. Соответствующие бесприставочные глаголы *квасить* и *тушить* не включены в состав группы. В то же время ряды *засаливать, солить, насаливать, выпекать, запекать, печь, напекать, мариновать, намариновывать* приводятся полностью, и каждый из членов ряда снабжается развернутым контекстом употребления. Следовало бы указать в проспекте объем и глубину разработки групп в пробных словарных статьях, а также указать случаи приведения речений без развернутого иллюстративного материала.

Словарь, ориентированный на его использование читателем в качестве справочного материала (в частности, в учебном процессе), ставит перед собой задачу показа нормативного употребления глаголов. Понятно, что иллюстративный материал картотеки несет на себе основную нагрузку в этом отношении. Однако ценность Словаря как нормативного пособия снижается, с нашей точки зрения,

---

анонимностью подаваемых цитат. Цитата без указания имени автора и произведения теряет свою индивидуальность и приближается к речению, но не всегда так же явно показывает употребление слова. Высказанные замечания относятся, в основном, к организации и составу проспекта Словаря. Сам же факт появления словаря-справочника, содержащего тематическую классификацию такого объема глагольной лексики как в основных, так и в неосновных значениях, и представляющий семантическую, стилистическую и синтаксическую информацию, несомненно привлечет к себе внимание всех интересующихся проблемами русского языка читателей, специалистов в области лексикологии и лексикографии и внесет свой значительный вклад в один из аспектов описания современного русского языка.

Санкт-Петербург